

A dark, atmospheric photograph of a person standing on a cliff edge, looking out over a vast, misty landscape. The person is a small silhouette on the horizon line. The background is a soft, hazy blue-grey, suggesting a misty or overcast day. The overall mood is contemplative and somber.

Т.Чоргорр

Зимние

Наваждения

Завершающая часть тетралогии о приключениях нава Ромиги на Голкья. Вернётся ли он, наконец, домой, в Тайный Город? Или продолжит скитаться по Вселенной с новым квестом?

Глава 1

Освобождение асура стоило Ромиге трёх суток полной слепоты, не считая тех полутора, что нав провалился в беспамятстве. На четвёртые сутки, когда Вильяра меняла повязку, он ощутил свет, проникающий сквозь веки. На пятые — открыл глаза и ещё несколько дней заново учился фокусировать взгляд, радуясь, как быстро восстанавливается не только дневное, но и ночное зрение.

И то, что он видел, осматривая себя новыми глазами, тоже не могло не радовать. Регенерировали внешние повреждения, хорошо регенерировали. Возвращались телесные силы. Ромига уверенно встал на ноги и сразу же начал тренироваться, возвращая точность и быстроту движений. Луну спустя он уже чувствовал себя почти здоровым... не магом!

Что бы ни померещилось наву, когда он только очнулся, а прогресса не было, скорее, наоборот. Прикосновение чужой ворожбы больше не вызывало у него щекотку, зуд или боль. Совсем никаких ощущений. Зачарованный Камень над домом Кузнеца казался простым валуном... Да, Ромига проверил, едва смог туда добрести, и не ограничился одним визитом. Днём приходил и ночью, на рассвете и на закате. Пел приветствия, морозил ладони о гранит, подолгу сидел у заметённой снегом глыбы — впустую!

Это могло быть этапом регенерации, как временная слепота. Ромига заставлял себя надеяться, что дела обстоят именно так, а пока учился жить совсем без магии. Держать тело и одежду в чистоте, определять время, ориентироваться в пространстве... Элементарные бытовые навыки прежде магического существа потребовали капитального пересмотра. Хотя у него был опыт жизни на минимуме энергии. И в памяти застряли кое-какие паттерны от немагических существ — челов. Но кто из тех челов потянет на достойный пример для подражания? Да и условия, где оказался нав, мягко говоря, жестковаты. Комфортабельный дом по-охотничьи... Нет, однозначно, уютнее снегов за порогом!

Брр! Ромига поглубже натянул на голову меховой капюшон. С трудом — примёрзла — отворил верхнюю калитку дома Кузнеца и вышел под белёсое, затянутое облаками небо. Ветер тут же запорошил лицо снежной пылью и принялся искать лазейки в одежде. Те, кто сшил наву длинную глухую куртку, штаны и сапоги из шкур, умели противостоять лихим шуточкам стихий, однако Ромига поёжился. Кто бы знал, как он устал снова и снова топтать тропинку к Камню, надеяться и мёрзнуть, мёрзнуть и надеяться! Потому он теперь не просто ходит по тропе, а превращает каждую вылазку наверх в тренировку. Боевой танец между небом и скалой, между небом и снегом помогает согреться и собраться.

С уступа на уступ, по льду, по насту, по свеженаметённому рыхляку... Кажется, его новые глаза лучше различают оттенки белого... И оттенки цвета там, где удаётся найти цвет... В одну из прошлых вылазок он застал зарю потрясающей морозной красоты... Но сегодняшней день — чёрно-белая фотография.

Белый снег, чёрно-серые скалы, бледно-серое небо, и больше ничего. Светлый кружок солнца то просвечивает сквозь облачную пелену, то теряется в ней. Можно смотреть, не щурясь, и видно, что за время, пока Ромига на Голкья, кружок уменьшился: не сильно, но заметно. А по ночам видно, как темнеет луна. Мир всё глубже погружается в свою исполинскую зиму, и преобразование светил, сему сопутствующее, интригует своей непривычностью. Если бы Ромига был одним из имперских навов, что выстроили здесь

форпост, он бы, пожалуй, остался на зимовку, а не ушёл до весны...

Он, правда, желает наблюдать на Голкья тёмную луну и «солнцеменьше глаза белянки», как однажды выразилась Вильяра? Да неужто? Вот даже оскользнулся на льду и смазал рисунок движения!

Нет, ладно, сбился он не потому, что слишком задумался: навское мышление не однолинейно. А вот к охотничьей обуви и одежде ещё привыкать и привыкать. И форму восстанавливать... Хотя бы физическую! Ромига завершил «дорожку» и не стал начинать новую: и так уже пар валит и неприятная слабость в коленях. Просто зашагал вперёд, не сбавляя темпа — на повороте тропы столкнулся нос к носу с голубоглазой беляночкой Аю.

Младшая жена Лембы выглядела взбудораженной и взъерошенной. Смерила Ромигу диковатым взглядом, неприятно напомнив скорбную умом живоедку Мули. Впрочем, Аю узнала нава, приветствовала, но голос подрагивал, и она нервно оглянулась через плечо.

— Аю, что там, у Камня? — спросил её Ромига. Раз уж собрался туда, лучше спросить. Не хватает ещё нарваться на очередные приключения.

Аю обогнула нава, загородилась им от части тропы, откуда пришла. Лишь после этого ответила, таращась снизу-вверх широко распахнутыми ярко-голубыми глазищами. Вот тебе и цвет посреди монохрома, да не радуется: взгляд-то у охотницы по-прежнему дурной.

— Не знаю, о Нимрин! Я сначала сильно-сильно расплакалась, из-за Лембы. Ведь я ему больше не любезна, совсем не любезна, а мне без его ласки жизнь не мила! Будто почернело моё солнце вместе с луной, будто кровь во мне стынет и сохнет. Так худо мне, Нимрин, хоть бросайся головой с обрыва! — Аю жалобно шмыгнула носом. — Долго я горевала, потом прорыдалась, и стало полегче. И решила я идти домой да садиться за рукоделие. Забросила я его во дни беспокойных стихий... А потом... Померещилось мне, будто Камень сморит мне в спину и взвешивает... Будто решает, стану я дальше жить или умру?

Ого! Задавая вопрос, Ромига не рассчитывал на такой монолог. Сколько наблюдал Аю в доме Кузнеца, она либо помалкивала, либо болтала, не замолкая, на ограниченный круг тем: об украшениях и зеркалах. В том и другом она сошла бы за эксперта, а в остальном производила впечатление особы крайне недалёкой. А у Камня-то её всерьёз припекло!

— Прекрасная Аю, конечно, ты будешь жить, — начал успокаивать её нав. — Иди скорее в дом и займись, чем собиралась. А там, глядишь, и Лемба перестанет на тебя сердиться.

— Лемба, — она мотнула головой и несколько раз повторила, будто пробуя имя на вкус. — Лемба, Лемба... Нет. Мама мне велела... Должен был быть другой, но он не коснулся... А я хотела... Кого же я хотела? А я не помню, — речь всё бессвязнее, и взгляд в себя.

Ромига решительно взял Аю под руку и повёл вниз по тропе. Что он не видал у того Камня? А если кузнецова жена спятила и сиганёт с обрыва, переполоху в доме будет больше, чем ему, гостю Лембы, хотелось бы.

Спеть бы Вильяре «летучую» и умереть! Не подыхать в третий раз от той же раны, а стать стихией и оставаться ею, покуда обратное превращение станет попросту невозможным. Ах, если бы снежный вихрь умел хранить и беречь клан, исполняя долг мудрой! Тогда бы Вильяра даже не раздумывала! Да только её самовластная воля неизбежно угаснет через луну-другую, а после и разум, и память, и всякое ощущение себя обособленной

частью мира: стихии это ни к чему... А ей-то, калеке, к чему? Как ни гонит она прочь поганые мысли, они возвращаются снова и снова, вместе с болью в животе, неутолимой ни снадобьями, ни песням. Вильяра сидит у Зачарованного Камня, прикрывшись от чужих глаз «морозной дымкой», и думает, думает.

А обитатели дома Кузнеца даже не подозревают, что их мудрая больше никогда не входит в круг — только сидит у Камня. У их Серого Камня или у других, куда она отправляется изнанкой сна. Сами охотники и охотницы являются к Камням за колдовской силой, но мудрую под «морозной дымкой» они не могут разглядеть. Зато она видит их, и это её слегка развлекает, даёт пищу для менее унылых раздумий. Ведь наедине с Камнем каждый охотник раскрывается, являя в ауре и на лице не только настроение дня, но и глубинные чувства. Оказывается, некоторые здесь не столько силу черпают, сколько исповедуют Камню свои заботы, горести и тревоги: кое-кто даже вслух.

Хотя, чему удивляться! Знахаркина дочь сама не единожды плакалась Камням. И тому, что у отчего дома, и тому, что у Ярмарки. Ни один Камень не ответил ей, как отвечает разумный разумному, но она помнит: от высказанного вслух ей немного легчало.

А желала бы она, чтобы её тогдашние причитания подслушал кто-то из мудрых? Как сейчас она подслушивает лепет и плач обиженной на мужа Аю?

Эх, Аю, Аю! В доме Лембы тебя считают трусоватой дурёхой, неуёмно жадной до любовных игр и до всего блестящего. Ещё болтают, будто родители, почтенные купцы, сбывли тебя с рук с непристойной поспешностью и тут же уехали прочь. Казалось бы, выдавали красавицу дочку за главу богатого дома, да по взаимной приязни... Но то ли обещали они прекрасную Аю кому-то другому, и свадьба с Лембой расстроила прежний уговор. То ли с самим купеческим семейством что-то сильно не так... Даже удивительно, о милая Аю, как ты сама до поры не чуяла неладного: жила, как живётся, и была счастлива. Но нынче Лемба к тебе охладел, а родители — Укана и Тари из клана Сти — куда-то сгнули и не откликаются на безмолвную речь, которой ты кое-как выучилась. Только Камню ты и можешь жаловаться, да ронять в снег горячие слёзы!

Даже смотреть на это со стороны брезгливо, но Вильяру же никто не заставлял подслушивать-подглядывать... А родителей Аю мудрая позвала бы: проверить, живы ли они на самом деле? Однако хранительница Вилья не гуляла на свадьбе Лембы и Аю, не встречала купцов из соседнего клана, потому она посылает зов не им, а мудрому Стире.

«Укана и Тари? А тебе, о мудрая Вильяра, что за дело до этих Сти?» — переспросил её сосед, угрюмее обычного.

«Одна из дочерей Тари вышла замуж в клан Вилья», — ответила Вильяра, упражняясь в невозмутимости. — «Дочь беспокоится о родителях, но сама она плохо владеет безмолвной речью, а я не знаю их. Потому я обращаюсь к тебе, о мудрый Стира, чтобы ты прояснил их судьбу».

«Замужем, значит, полной сиротой уже не останется», — мрачно подытожил Стира.

«Сиротой? Укана и Тари погибли?»

«Погибли или прикинулись погибшими. Возможно, по примеру тех братьев, кого ты недавно изгнала. Лавина в горах накрыла сани, однако телá разумных я под завалом не нашёл, только ездовых зверей».

«Когда сошла эта лавина?»

«Во дни беспокойных стихий. Точней я не скажу, купцов хватились лишь три дня назад.

Отец Уканы попросил меня разыскать их».

«Укана и Тари были сновидцами?»

Стира помедлил с ответом, Вильяре померещился тяжкий вздох.

«Насколько я слышал, не из тех, кому изнанка сна — торный тракт, а иные миры — ближе протянутой руки. Я ищу их, живых или мёртвых, в угодах Сти. Но пока я даже на след не встал. Так что ты, Вильяра, не печалила бы пока ту охотницу, их дочку. Её зовут Аю, я верно понял? Младшая жена Лембы?»

«Да, та самая Аю».

«Та самая... Помню её: замечательное было дитя, резвое и смышлёное. Подростка я не видел, купцы тогда странствовали по южным Голкья. А как встретил взрослую охотницу в доме Кузнеца — едва узнал её и сильно удивился. Уж очень она переменялась, и не к лучшему. То ли головой где-то сильно ударилась, то ли Луна над нею так шутит. Но если ты, Вильяра, изволишь выслушать мой совет, по-соседски...»

«Изволю! Говори!»

«А поищи-ка ты на Аю запретные чары родственной крови. Сам я с насоку ничего не углядел. Но если чары — материнские, тебе эту погань и увидеть, и распутать гораздо проще, чем мне. Ты же, как-никак, тоже женщина, и ты — знахаркина дочь».

«И ты, о мудрый Стира, только сейчас поведал мне о жертве запретных чар в моём клане!? В доме, где я... Откуда я выбрала себе преемника?»

Стира ответил не сразу, и будто бы смущённо:

«Прости, о мудрая Вильяра, но я лишь *заподозрил* запретные чары на Аю. Я не стал бы делиться с тобой пустыми подозрениями, если бы мог найти и расспросить купчиху Тари... Надеюсь, она оставила себе ключ от заклатья, и я всё-таки поймаю её живой».

«Удачной охоты, сосед!»

Вильяра завершила беседу, леденя от ярости. Она даже хандру и боль свою мигом позабыла.

Не сбрасывая «морозную дымку», чтобы не спугнуть Аю, мудрая рассматривала теперь ауру зарёванной, несчастной, как потерянная двухлетка, кузнецовой жены. Увы, но следы того, что заподозрил Стира, так запросто не разглядишь. Хотя... И бессилие Аю, и брезгливая жалость к ней самой Вильяры намекают, что Стира может быть прав. Как бы ещё убедиться, что молодую охотницу изуродовали не просто дурным воспитанием, а именно запретными чарами?

Ведь погань же! Погань запредельная! Родителю зачаровать дитя — проще простого: ни силы, ни мастерства не надо. Всяк, кто слышал сказку о семи сёстрах, или о Марме с сыном, или о проклятом доме... Много этих сказок, всех не упомнишь... Всяк, кто слышал их, способен сотворить нехитрый обряд на собственной крови. Но никто же, в здравом уме, не помыслит!

Каждого своего детёныша охотники учат жить. Учат то примером, то лаской, то таской, порою, суровой. Учат родители, родичи, слуги дома, а у купцов — товарищи по ватаге. До самого охотничьего посвящения, до первого убитого зверя власть взрослых над ребёнком и подростком непререкаема. Это закон, но по уму — охотники сообразуются с тем, *кто* у них растёт. Со второго лета детям позволяют выбирать себе хозяйственные поручения и пробовать ремёсла, с третьего — не мешают подросткам присматривать будущих

любезных[1].

Лишь особо властные и недалёковидные родители сочиняют, какими должны вырасти их сын или дочь, а потом беспощадно втаптывают живых разумных в опалубку замысла. Крайне редко им это удаётся, потому что даже сеголеток — не слепой, не глухой, а вокруг, кроме родителей — дом, клан, целый мир охотников, не одобряющих подобного самодурства.

Чары родственной крови для того и пускают в ход, чтобы сделать отпрыска слепым и глухим ко всему, кроме материнской, отцовской воли. Безотказное средство и почти незаметное со стороны. Запретные чары оплетают родовую ветвь, как выюн-удавка ползёт под корой дерева, пока не иссушит его напрочь. И как тот выюн перекидываются с дерева на дерево по соприкасающимся ветвям, так и колдовская зараза постепенно опутывают не только зачарованных, но их мужей или жён, всё дальнейшее потомство, если оно сможет родиться. Чаще — не рождается. Вот и Аю: молода, здорова, бесплодна. И Лембу зараза могла уже захватить, это многое объяснило бы. Со временем захватит и Тунью. Заражённые семьи обречены на вырождение и вымирание в двух-трёх-четырёх поколениях. Такая вот расплата за удобного, послушного ребёнка, за дружную родню. Именно потому чары родственной крови — вне закона, наравне с живоедством.

Особенно досадно, что самые умелые колдуны Голкья — мудрые — чувствуют эти чары на охотниках хуже прочего. Ведь сами-то они свои родовые ветви отсекали, и скрытый изъян чужих не отзывается им в непосредственных ощущениях. А зараза-то перекидывается и на мудрых! От тех, кого они валяют по шкурам, а особенно, берут в круг. Выюн-удавка вырастает на месте отсечённой родовой ветви и поначалу даже могущества добавляет, вытягивая дар и жизнь из всех связанных охотников. Только потом, луны или годы спустя, корёжит, подтачивает здравый рассудок и волю мудрого... Даже если погань, зачаровавшая своё дитя, ничего такого изначально не задумала! Но кто же знает, чего добивалась купчиха Тари или её муж Укана? Зачем они выдали Аю за Лембу?

Вильяра до боли закусил губу. К счастью, она не таскала в круг Лембу. И никого из дома Кузнеца. Вообще никого из охотников. Но сколько шкур она перемяла с Лембой и Аю? Насколько она сама заражена? Вдобавок ко всем своим бедам... Или поганые чары как раз и проторили путь дальнейшему искажению? Мудрая тихонько взвыла от ужаса, но тут же перевела жалобный звук в песнь. Она знахаркина дочь! Даже если зараза добралась до неё, она должна исхитриться — и обернуть свою беду на исцеление всех заражённых. Пусть, она не ощущает этих чар непосредственно, однако держит кончик нити, опутавшей Аю, Лембу, Тунью...

Мудрая поёт и видит, как меняется аура охотницы, как стремительно высыхают слёзы. Как Аю встряхивается, словно бы в недоумении: что на неё накатило? Умывается снегом, встаёт с колен, идёт к дому. Увы, Стира не ошибся: дочь Тари под чарами. Увы, Вильяра не ошиблась: она сама тоже заражена.

Осталось поразмыслить: правда ли, запретные чары в доме Кузнеца коренятся в Аю? Но хотя Лемба и Тунья поженились по договорённости старших родичей и не были рады, а ни он, ни она, ни их дочери никогда не походили на жертв запретного колдовства. Нечто болезненное и противоестественное вошло в дом вместе с любезной Аю — и само уже не уйдёт. Ни с изгнанием, ни даже со смертью младшей кузнецовой жены!

Аю почуяла взгляд в спину, обернулась. Но мудрой у Камня, конечно же, не разглядела. Ссутулилась, ускорила шаг. Вильяра не спускала с неё глаз, пока охотница не скрылась за

перегибом склона. По-хорошему, и вовсе быс её глаз не спускать, как с вертячей или бешеной! Вильярина песнь растревожила дух, усыплённый чарами. В какие поступки это выльется, даже шуры не ведают.

Голоса на тропе: Аю и... Вильяра пропела «кричавкино ушко», чтобы лучше слышать... Кузнецова жена встретила идущего ей на встречу Нимрина. Остановились, беседуют, а мудрая слушает...

Вот ещё тоже головная боль!

Нимрин ходит к Зачарованному Камню почти так же часто, как сама Вильяра, а получает ещё меньше. Самому ему кажется, будто совсем ничего, но мудрая видит, как мало-помалу меняется аура. Очень помалу, потому Вильяра не спешит обнадёживать своего воина. Она ведь не знает в точности: вернётся ли к нему колдовской дар? Пращур ей что-то такое обещал, да где он, тот Пращур? То есть, Асми, хранитель-самозванец... Вильяра всё ещё зла на него, но под ноги плевать уже не хочет: остыла. Пожалуй, если сбудутся все его обещания, она готова будет в те же ноги поклониться. Не за Нимрина — за себя.

А Нимрин... Иногда он садится у Камня бок о бок с Вильярой. Не видит её, не слышит не ощущает тепла и запаха её тела. Уверен, что один здесь. Одинокий калека, затерянный в чужом мире: Вильяра ловит отголоски его страха, отчаяния, тоски, и шерсть у неё дыбом. Однако держится чужак, аж завидки берут: вот у кого воля самовластная!

А ведь зараза могла коснуться и его, через Вильяру. Зря колдунья не придумала другого способа его разбудить. Хотя, всё равно потом вместе ходили в круг... И пережили вместе столько... А при других раскладах — дожили бы до сего дня?

Нет, к добру или к худу, прошлые дела не отменишь, не изменишь, нечего и сожалеть. Есть настоящее, а в нём — ростки будущего. Кого бы ни зацепили зловредные чары, мудрая начнёт распутывать их с себя и Аю. Лучше бы с погани, сотворившей обряд: тогда это было бы почти легко. Но дожидаться, пока Стира кого-то поймает, Вильяра не станет. Начнёт прямо сейчас. Уже начала.

Вильяра догнала Аю с Нимрином на полпути к дому. Нимрину велела идти, куда собирался, Аю ухватила под локоток и повлекла вниз. Кузнецова жена жалась к мудрой, как перепуганное дитя. В каком-то смысле, жертва чар и есть дитя, которому не позволили вырасти. Даже если, вроде бы, желает совсем не детского...

Аю снова и снова повторяла, как ей жизнь не мила без мужней ласки. Как луна её темнеет и солнце гаснет. И сердце щемит, и дыхание замирает, и еда утратила вкус. Вильяра сама видела: Аю не врёт и не преувеличивает, а живёт, пока остаётся при Лембе, в его доме. Именно так её заклинали, и это даже не погань — слова такого нет!

— Аю, скажи, что пожелали вам на свадьбе твои родители?

Аю захлопала глазами и призналась, что забыла. Вообще, прошлое для неё, будто в тумане. Она даже лиц своих родителей толком не помнит, хотя раньше жить без них не могла, как сейчас — без Лембы.

Вильяра оставила расспросы. Довела Аю до её покоев и спела «колыбельную». Пусть охотница хорошенько выспится, а дальше мудрая сделает всё возможное, чтобы ей полегчало.

Из покоев Аю мудрая направилась в кузницу. Лемба ковал, Тунья и четверо

подмастерьев трудились на подхвате. Вильяра дождалась перерыва в работе и отозвала кузнеца поговорить наедине.

Ткнула ему пальцем в грудь:

— Лемба, сегодня ты подаришь Аю зеркало.

— Что? — мудрым не возражают, но лицо Лембы выразило всё, что он не посмел сказать словами.

— Ты, о Лемба, подаришь твоей младшей жене Аю зеркало. Стеклозеркало от мастера Арна. Как она тебя просила. Подаришь сегодня, когда она проснётся.

Кузнец судорожно сглотнул, глядя на Вильярин палец, как на остриё... Нет, на древко копья, когда наконечник уже торчит из спины.

— О мудрая Вильяра... Прости, но где я добуду ей это щурово зеркало?

— Я добуду. А ты подаришь. И ты, Лемба, будешь с Аю мил и ласков, но не коснёшься её как жены. Считай, отныне Аю твоя младшая сестрёнка, скорбная умом.

— Что?

— Аю околдована. Пока я не сниму с неё чары, ты, Лемба, станешь беречь её, словно больную сестру.

— Что? — прозвучало, как предсмертный хрип пронзённого тем самым копьём.

Вильяра опустила руку, кузнец сморгнул, кашлянул и уставился ей в глаза. Недоумение, растерянность, гнев...

— О мудрая Вильяра! Разъясни своему предизбранному, что происходит? Какую напасть в собственном доме я прозевал? Чего не понимаю по скудоумию своему?

— Я разъясню. Но сначала ты, Лемба, расскажешь мне, как познакомился с Аю и решил на ней жениться. Как вы играли свадьбу?

Кузнец наморщил лоб, поскрёб в затылке.

— А, тебя же там не было, ты останавливала оползни на севере... Свадьбу мы играли на ярмарке, у Ласмы и Груны. Я встретил Аю у них же, на переговорах с купцами. Увидел — обмер, будто снова обрёл тебя, моя любезная Яли, и сердце в груди перевернулось. Понял, что если не введу эту женщину в дом, не назову её женой... Если не сделаю это немедленно, то и солнце моё погаснет, и жизнь станет не в радость... Мудрая Вильяра, прости, что я потревожил мёртвое имя, но в тот день вы обе были для меня — одно. Несбыточное сбылось, и счастье моё не имело краёв! И долго ещё после свадьбы я не видел разницы между вами обеими. А эта дурёха только лицом на тебя похожа. Но глупа же, глупее белянки! Я, с тех пор, как вернулся домой из Пещеры Совета, будто прозрел, и опостылела она мне. Отправил бы её зимовать домой, да нет у неё дома, кроме моего.

— Нету, — подтвердила Вильяра. — А расскажи-ка мне, Лемба, о родителях и прочей родне любезной Аю?

— Её мать и отец — не слишком удачливые купцы из Сти. Почтенная Тари и... Кажется, отца звали Укана. Глядел он угрюмо, много ел и молчал, как немой. А купчиха рассыпалась в славословиях, но мне показалось, она возненавидела меня люто... Не знаю, за что! Вот до сих пор не возьму в толк, почему они не отказали, если я им не по нраву? Но не отказали, наоборот, страшно торопили со свадьбой. Говорили, будто у них уговор с южными корабелями, и некогда им гостить в моём доме, ни даже как следует отпраздновать на ярмарке. Всего денёк мы пировали, а больше я тестя с тещей ни разу не видал. Да не стремился: мне довольно было Аю. Небо потонуло в её глазах. Вспоминаю, как наваждение.

— Наваждение и есть. Вас приворожили друг к другу. Тебе, Лемба, проветрило ум, пока

ты учился у Стиры. А жена твоя смертельно мается, и я не могу помочь ей быстро. Давай начнём с того, что ты подаришь ей зеркало.

Лемба сердито фыркнул:

— Это же... Вильяра, если нас с Аю свели незаконными чарами, наш брак недействителен. Мне не любезна эта женщина, я не желаю знать её и называть женой.

— А ты её и не знаешь, Лемба. Никто из нас её не знает. Если я смогу распутать чары, мы увидим, какова она на самом деле. Помнишь сказку о жене Сулы?

Лемба скривил рот, передёрнул плечами: сказку он помнил, сам же и сказывал её знахаркиной дочери Яли.

Вильяра продолжила:

— Ты помнишь сказку, Лемба, значит, ты знаешь, какая опасность тебе грозит.

Кузнец кивнул, Вильяра видела, что ему всё более не по себе.

— Сула погиб ни за что, — сказал он. — Жена убила его, очнувшись от наваждения. Она не поняла, что за незнакомец валяет её по шкурам вместо любезного, и пришла в такую ярость...

Мудрая согласно склонила голову:

— Вот поэтому ты береги Аю, как больную сестру.

— Может, мне запереть её?

Вильяра чуть подумала — отмела предложение.

— Не советую. Пока я распутываю чары, обыденные заботы помогут Аю продержаться. А взаперти она скорее удавится или разобьёт себе лоб о стену. А смерть её не пойдёт впрок... Никому из нас!

Кузнец хмурился всё сильнее.

— Вильяра, ты так говоришь, будто на Аю не простой приворот, а чары родственной крови.

Мудрая криво улыбнулась:

— Ты сам это сказал, Лемба! А я скажу, что ты умён, и Стира хорошо учил тебя.

— Но это же...

— Беззаконие, наравне с живоедством.

— Вильяра, она принесла поганые чары в мой дом... Нет, ладно, я сам привёл эту погань в дом. Ну что за затмение на меня тогда нашло!?

— Запретные чары цепляют за слабину: у кого какая есть. Ты, Лемба, вовремя не похоронил Яли, вот тебя и повело на похожее личико. Так повело, что ты влез в ловушку, не думая.

Лемба молчал долго. Молчал, гонял по скулам желваки, сопел, как разъярённый рогач. Возможно, слал кому-то зов, возможно, просто переваривал известия. Наконец, переспросил, неожиданно спокойно.

— Вильяра, как ты думаешь, этот силоч ставили на меня или на кого попало?

Любопытный вопрос! Мудрая сама уже им задалась, но внятного ответа не нашла.

— Я думаю, если бы твои тесть с тещей добивались чего-то именно от тебя, они бы не исчезли из твоей жизни после свадьбы. Но может, им довольно было подсунуть тебе гнилую рыбу вместо свежего мяса?

— Сти уже больше трёх поколений не воюют с Вилья, не делят пограничные дома. А других обид, чтобы мстили, не гнушаясь беззаконием, мне на ум не идёт, — сказал Лемба.

— Мне тоже. Но я буду думать и выведывать. Пойду за зеркалом. А ты пока постарайся

вспомнить вашу первую встречу с Аю.

— Чего припоминать? Споём с тобой песнь разделённой памяти, и ты сама увидишь, как было.

— Или так, — согласно кивнула Вильяра. — Когда вернусь.

[1] На наш счёт, с 6–7 и 12–13 лет.

Мудрая Вильяра закрыла глаза, а открыла их уже перед воротами дома Стекольников.

Никто на Голкья не работает по стеклу лучше старого мастера Арна! Смолоду видит он сны об иномирном селении, где почти не бывает снега, жители плавают между жилищами на лодках и варят прекрасное узорчатое стекло. Когда сновидец Арн смотрит глазами чужих мастеров, он знает об их ремесле всё, что знают они. А просыпаясь, припоминает и старается повторить увиденное. Зимой назад он осуществил давнюю свою мечту: выучился делать плоские, ровные стеклянные пластины и наносить на них серебро. Нет в мире более совершенных зеркал! Один у них недостаток: легко бьются, поэтому Вильяра не позарилась на новинку, а таскает в кармане старинный полированный металл. Но для Аю она разбудит её мечту и наложит свои чары.

Вильяра стукнула кулаком в ворота, ей сразу отворили. Двое охотников, стороживших вход, поклонились мудрой и молча, почтительно вытянулись перед ней, ожидая, когда она огласит цель посещения.

— Проводите меня к Арну, — велела Вильяра. — Мастер дома?

— Дома, — ответил стабший из сторожей. — Пойдём, о мудрая Вильяра, я провожу тебя в мастерскую.

Мастер Арн был занят: сквозь длинную трубку выдувал пузырь из раскалённого, оранжево светящегося стекла. Двое подмастерьев сновали вокруг, помогая ему наплавлять на пузырь какие-то мелкие цветные шкурины. Любопытно, будет ли это узорчатый светильник, или мастер вновь сочиняет что-то невиданное? Судя по мимолётной досадливой гримасе, Арн не желал отвлекаться от своего дела даже ради мудрой. Вильяра приветствовала его и успокоила, что готова подождать: здесь или в гостевых покоях. Она любила смотреть на чужую работу, но слышала, что мастер терпеть не может посторонних глаз в мастерской. Что и подтвердилось.

— О мудрая Вильяра, Рунка проводит тебя в гостевые покои и распорядится, чтобы тебе подали лучшей еды. Я приду к тебе, как только закончу.

— Хорошо, я подожду, — Вильяра подпустила в голос чуточку недовольства.

— Прости, о мудрая! Если ты спешишь, я прервусь немедленно. Но мне очень жаль бросать полработы. Никто не доделает за меня, и заготовка пропадёт.

— Не бросай ничего, о почтенный Арн, я подожду в гостевых покоях. Рунка, найдётся ли у вас в доме мясной отвар и толчёная сыть?

Ожидая Арна, Вильяра успела не только пообедать, но и немного подремать, чисто для отдыха. Мастер вежливо разбудил её мысленной речью, а чуть погодя явился сам.

— Что привело тебя под своды моего дома, о мудрая Вильяра?

— Я давно не бывала у вас, мастер Арн.

— Да, о мудрая! Со времён твоего ученичества. Мы рады видеть тебя без наставника, да совыются и расплетутся перед ним шуровы тропы.

Хорошо сказал! И почтение Вильяре выказал. И намекнул, что Старшему Наритьяре здесь были не рады. Зато, рады теперь, что он отправился к шурам.

— Да унесут его стихии, — отозвалась мудрая, желая своему наставнику

наиполнейшего упокоения.

Арн коротко усмехнулся и тут же снова сделал почтительное лицо. Хитрый старик! А чего и ожидать от главы дома на девятую или десятую зиму его жизни?

— Мастер Арн, для ворожбы мне понадобилось твоё зеркало. Достаточно большое, — Вильяра показала руками размер. — Найдётся ли у тебя такое?

Мастер тяжело вздохнул:

— Прости, о мудрая, я давно не делал новых зеркал. Пойдём, покажу, что у меня осталось.

В кладовке при мастерской осталась кучка не совсем удачных проб на полках и единственное зеркало на стене: огромное, светлое, прекрасное, в узорной оправе из меди и золота. Будто привет из какого-то тёплого, солнечного мира, где травы круглый год расцветают вокруг родников, и нежные красавицы задумчиво любят на свои отражения. Вильяра увидела — без слов поняла, почему Арн не пожелал расставаться с этим своим изделием. И сейчас не желает, но не посмеет отказать хранительнице клана.

Вильяра взглянула в зеркало, пригладила гриву, поправила серёжку мудрой в ухе. Чистейшее, без изъяна, стекло отражало усталое, осунувшееся, напряжённое лицо. Вильяра вздохнула и улыбнулась: зеркалу, себе в зеркале, заглядывающему через плечо мастеру.

— Арн, ты поразил меня! Даже во сне я не видала более совершенных зеркал! И работой златокузнеца я восхищена, наравне с твоей. Но эта красота — не совсем то, что мне нужно. А пробы твои — совсем не то. Я ищу просто хорошее зеркало, в две трети этого, в самой простой оправе. Чтобы оно не манило в чужедальные миры, а отражало Голкья, как есть.

Арн не скрыл радости и торжества, расцвёл улыбкой:

— Ты поняла, о мудрая! Вот потому зеркало висит здесь, а не у кого-то из моих жён. Им я сделал попроще: в точности, как ты сейчас говоришь. Давай, я проведу тебя по покоям, и ты выберешь, какое тебе больше понравится. В золотой оправе, в медной, в серебряной?

— В серебряной. Так лучше для моей ворожбы.

— Тогда я просто принесу. Или ты, о мудрая, желаешь обойти дом и проверить защитные чары?

— Для проверки мне достаточно постоять в средоточии чар. Отведи меня туда.

Через шестнадцатую солнечного круга[1] Вильяра покинула дом Стекольщиков с плоским, увесистым свёртком в руках. Зеркало, именно такое, как она искала. Осталось наложить на него свои чары и вручить Лембе уже не просто посеребрённое стекло — амулет.

Старый прошмыга Латира умел и любил делать амулеты из обыденных вещей. Знахаркина дочь смотрела — запоминала, а кое-чему он её нарочно учил и давал попробовать. А после посвящения наставник бранился и переучивал по-своему. Мудрая Вильяра сложила вместе их уроки, да ещё нахваталась от Альдиры. Даже немного от Нимрина. Хватит ли ей знаний и опыта, чтобы создать зеркало, которое отразит настоящую Аю, не зачарованную родичами? Должно хватить, и лучшее место для такой ворожбы — логово старого прошмыги. Вильяра потихоньку обживает его, хотя обитает пока в основном у Лембы. Но в дом Кузнеца — уже с готовым, зачарованным зеркалом.

Пришлось хорошенько повозиться, спеть не одну и не две песни, но в итоге чары легли на стекло, закрепились в серебре. Колдунья бережно обернула волшебное зеркало замшей,

перевязала ремешком. Позволила себе немного отдыха: пока Аю не просыпается. Послала зов Лембе и явилась прямиком в большую трапезную, к ужину.

Аю за общим столом нету — так и должно быть. Но не найдя Нимрина на привычном месте, мудрая встревожилась: прожорливый чужак обычно не пропускал время еды. Быстрые расспросы... Днём его никто не видал, только утром. С подростками он не охотился, в мастерские не заходил. Засиделся у Камня? Вошёл в круг и застрял? Заплутал в разыгравшейся после полудня пурге? Вильяра чувствовала себя слишком усталой и голодной, чтобы кидаться на поиски немедленно...

Ромигу послали, он пошёл. Нет, не всегда нав бывал таким покладистым, скорее, наоборот. Но Вильяра умела командовать так, что ноги сами несли в указанном направлении.

У Зачарованного Камня Ромига не обнаружил (и не получил) ничего нового. Посидел в ямке в снегу с подветренной стороны глыбы. Угрелся и начал задрёмывать, но не отпустил себя в дрему. Мороз недостаточно силён, чтобы убить нава, даже лишённого магии. Однако погода испортилась и продолжает портиться. Кружок солнца окончательно утонул в тучах, к позёмке добавился снегопад. Когда Ромига вылез из затишка у Камня и побрёл обратно к дому, ему пришлось буквально ложиться на ветер, иначе сбивало с ног.

Открытый участок тропы до перегиба склона — ярдов триста, но преодолеть их он не успел. Погода испортилась окончательно... То есть, по меркам Голкья, может, и нет, но для Ромиги — критично. Набежала туча темнее других и выдала снежный заряд такой силы, что через пару вдохов нав уже не различал ни своих ступней, ни вытянутой перед собой руки. Впрочем, дикий ветрище и не давал всматриваться. И с ног его таки снёс! Ромига пролетел по воздуху, хряпнулся задницей о наст, перекатился и встал на четвереньки. Так уже можно удержаться на месте или ползти — если бы он знал, куда! Видимости нет, с тропы его сдуло и завертело, безотказный внутренний компас сгинул вместе с магией. Ромига попытался нащупать тропу, ориентируясь по направлению ветра. Его же не могло унести дальше десятка ярдов. Но ветер крутил, а снег слишком быстро скрывал все и всяческие следы.

Ситуация из неприятной перерастала в опасную. Нав одет тепло, значит, несколько часов он перележит, свернувшись клубком, без ущерба для себя. Вопрос, ослабеет ли за эти часы пурга? Или его хватится кто-то из охотников и отыщет магически? Надеяться на то или другое можно, а рассчитывать нельзя.

Он всё-таки полежал некоторое время, пока не начал ощутимо мёрзнуть. Вместе с холодом накатили воспоминания: как он попал на Голкья. Думал, накрепко забыл тот ужас? Пурга напомнила. Тогда-то он ещё понятия не имел, насколько далеко его занесло, ждал помощи, рассчитывал, что найдут свои. Нашёл кузнец Лемба, по счастливой случайности.

Ромигу трясло уже не столько от холода: он заново переживал проигранную магическую схватку, своё удручающее бессилие против одноглазого... На вид — чела, и это особенно досадно! Хотя и любопытно взглянуть на место, где среди челов рождаются такие маги. Кажется, Ромиге оно пару раз снилось: город под белым небом? Снова потянуло в сон: дурнотный, обморочный... Нет. Не спи, нав! Не замерзнешь, так душекрад тебя съест. Вставай на четвереньки, и ходу!

Путь к дому, к живым и теплу — вниз. Однако шанс спуститься без тропы, не наворачившись со скальных обрывов, маловат. А вот если ползти вверх по склону, строго

вверх, довольно скоро ты упрёшься в Зачарованный Камень. Бугор пологий, но явный, Камень торчит на вершине. И укрытие — выемка ветровой тени — должно там остаться. И может, оттуда ты сообразишь, где тропа?

Уклон оказался так себе подсказкой: в снежно-ветряной заверти даже верх-низ ощущались с трудом. Но кое-как, ощупью и наугад Ромига нашёл искомое. Забился в выемку за Камнем: лучше б не вылезал оттуда, сберёг бы силы. Да кто же знал, что погода сыграет с ним настолько дурную шутку?

А пурга не собиралась утихать. Вечерело. Холодало. Тропу перемело напрочь. Ромига прикидывал, сидеть или идти, когда рядом возник кто-то живой и мигом сдёрнул его на изнанку сна.

Короткое путешествие завершилось... В тепле!!!

Его тут же принялись тормошить, вытряхивая из заледенелой одежды. Он поблагодарил за помощь — сам скинул куртку и сапоги. Штаны тоже пришлось снять, слишком много снега на них налипло. А, впрочем, не Вильяры же ему стесняться? Видела она его уже во всяких видах. И сейчас вот смерила взглядом, промурлыкала короткую песенку — вздохнула с явным облегчением.

Но пробурчала сердито:

— Рыньи принесёт тебе жратвы. Полезай скорее под шкуры. Грейся!

Нав ухмыльнулся, выполняя её указание:

— Сама бы погрела.

Колдунья ответила с досадой:

— Нет, Иули! Нет у меня на тебя ни тепла, ни времени. Лучше скажи: ты был в круге или сидел у Камня с самого утра?

Стыдно сознаваться в дурацкой оплошности, но вопрос был задан таким непрекаемым целительским тоном, что Ромига ответил честно:

— Ни то, ни другое: блуждал в пурге. Шёл в дом, потерял тропу, кое-как вернулся к Камню.

— Ты почуял Зачарованный Камень?

— Скорее, нашёл. Держал направление вверх по склону.

Вильяра покачала головой. Холодно-улыбнулась:

— Нимрин, для чужака ты поразительно хорошо освоился. Я рада, что нашла тебя живым и целым. Прости, что я не хватилась тебя раньше — была занята.

Он переспросил:

— Аю?

— Аю.

— Она сошла с ума?

Вильяра фыркнула, но не выдала ожидаемого: мол, не с чего сходить.

— Аю заколдовали. Давно. Я пытаюсь ей помочь, но... Будь с ней осторожен.

— В смысле?

— Как если бы она сошла с ума.

— Спасибо за предупреждение. А надолго это?

— Я пока не знаю.

Вильяра ненавидела говорить так! Однако в последнее время слишком многие вопросы имели именно этот, ненавистный ей ответ. Освободится ли Аю от родительских заклятий? Вернётся ли колдовской дар к Нимрину? Поправится ли она сама? Кто будет её помощником и преемником? Колдунья мотнула головой, вытряхивая оттуда сомнения и несвоевременные раздумья. Ободряюще улыбнулась своему воину и пошла к Лембе.

— Удивительно, но я не могу вспомнить подробности тех дней, — смущённо признался Вильяре кузнец. — Как в тумане всё! И первая моя встреча с Аю, и наша свадьба... Вот как мы с тобой первый раз повстречались, и как с Туньей, я даже узоры на одеждах помню. А тут — словно пургой замело!

— Споём — вспомнишь. Ты готов сейчас петь со мной?

Лемба кивнул, и они начали: без лишних слов.

— Серьга! Щурова серёжка с двумя прошмыгами! — воскликнул он, едва допели. — На серёжке был приворот! Да не для меня, а для твоего, язви его щур, единоутробного брата, Вильяра! Аю несла своё поделие щурову купцу Наритья, а я остановил её, захотел рассмотреть. Схватился руками, и всё: ни украшения больше не вижу, ни мастерицы — смотрю будто на вторую тебя и обмираю... А будущая тёща рычит от злости.

— погоди, Лемба, не тараторь, я всё вижу... А серёжка-то была хороша!

— У Аю золотые руки. Кабы к таким рукам — да голову не пустую, я мог бы полюбить мастерицу, а не твоё подобие. Но она же после свадьбы почти забросила своё ремесло!

— Не она забросила — мать наказала ей. Ты не обратил внимания, а твоя тещенька велела Аю: «Кувыркайся по шкурам и требуй подарков, пока не наскучишь своему любезному кузнецу. А потом он выгонит тебя в снега, и вы оба сдохнете, такова моя материнская воля. Видеть тебя не хочу, ослушница, белянкин ум!» — Вильяра подкрепила свои слова зримым образом.

Лемба растерянно потёр лоб:

— Рассудок не вмещает, чтобы мать так ненавидела родную дочь! Потому я всё это видел, услышал, запомнил, но *не заметил*. А ты права, Вильяра. Моя тёща, купчиха из Сти — самый лютый и подлый мой враг! Хуже тех беззаконников, кого мы похоронили.

— А ещё через Аю твоя тёща имеет власть над тобой, о Лемба. Над тобою, над Туньей... Даже надо мной, как ей сдуру может показаться. Но я — мудрая, и я знаю об её поганых чарах. И ты теперь знаешь. И если примешь мой совет, скажи Тунье и Зуни. Сообщи им, что творится, и строго-настрого запрети обижать твою младшую жену.

— Ох уж, дед меня взгреет! — невесело рассмеялся кузнец. — Аю ведь пыталась от меня увернуться, а я поймал её с этой серёжкой.

— Нет, Лемба, не очень-то она уворачивалась. Похоже, ей до смерти страшно было идти к Вильгрину...

— Эй, Вильяра! Ты что? Собралась следом за братцем? Зачем ты его поминаешь?

Вильяра полюбовалась на ошарашенного, испуганного кузнеца, потом сказала, понизив голос:

— Я мудрая, Лемба. Я чту и храню законы, а обычаи соблюдаю, тогда и только тогда, когда считаю уместным. Безымянность мёртвых — обычай, не закон. Мало того: обычай дурной и недавний. Ты же сам сказываешь сказки не про безымянных. И мой клятый единоутробный братец достоин сказки. Она ещё даже не закончилась. Купец-колдун Вильгрин, живоед и беззаконник, канул к щурам, а страшная сказка про его похождения

продолжается.

Лемба смутился:

— Прости, что я прервал тебя. Прости, о мудрая.

— Прощаю. Однако твоя жена скоро проснётся. Бери-ка ты зеркало и иди к ней.

Аю спала крепко и сладко, как ей давным-давно не спалось. Рокот открываемой двери, шаги, дыхание... Она узнала Лембу даже сквозь сон и, распахнув глаза, радостно потянулась ему навстречу.

Но Лемба не спешил к жене на лежанку, стоял посреди комнаты, смотрел.

— О муж мой, о солнце моё летнее! Как же я соскучилась по тебе!

Аю откинула шкуру, которой укрывалась, нагая и прекрасная. Лемба так и не двинулся с места. Лишь заговорил: ласково, вполголоса.

— О любезная Аю, я прошу у тебя прощения. Прости, что я был груб с тобой. Желак загладить свою вину подарком. Прими от меня зеркало мастера Арна, в знак нашего примирения.

Аю подскочила с лежанки, хотела прыгнуть мужу на шею, но он словно загородился от неё плоским замшевым свёртком в четыре ладони величиной. Аю вынуждена была принять подарок из рук в руки. Ну как тут не развернуть, не посмотреть, что внутри?

Развернула, взглянула — ахнула!

— Лемба, спасибо тебе, о любезный мой! Я и мечтать не смела о таком огромном, светлом зеркале! Я повешу его на стену и буду им любоваться.

— Любуйся! Любуйся всласть, милая Аю, — кузнец снял с крюка старое бронзовое зеркальце, она тут же пристроила туда новое.

Подарок не хотелось выпускать из рук, сводить с него глаз. Аю так прилипла взглядом к собственному отражению, что позабыла о муже рядом. Если бы он завалил её на шкуры, как желалось спросонок, довольна бы уже не была. Но Лемба не стал к ней прикасаться: вздохнул и вышел из комнаты.

Аю осталась наедине с зеркалом и долго, долго не замечала вокруг ничего. А потом оделась, причесалась и пошла в малую мастерскую, где давно скучали по ней заготовки серёг, браслетов и подвесок. Даже в трапезную по пути не заглянула, вспомнила о голоде лишь к утру.

Работала жадно, с наслаждением, пока от усталости не задрожали пальцы, не начало печь под веками. Дорвалась! А кто её раньше-то не пускал? Сморгнула, призадумалась — прибрала инструменты, побежала обратно в свои покои.

Снова уставилась в зеркало. Не любовалась собой, не думала, на кого похожа. Глаза в глаза, неотрывно, будто Аю в зеркале знает нечто неведомое ей по эту сторону стекла! Будто можно окликнуть отражение безмолвной речью и спросить... О чём?

Немалым усилием воли Аю отстранилась от зеркала. Вспомнила, что устала и не ела аж со вчерашнего утра. Прикинула время: в трапезную ещё рано, но на кухне уже кто-то хлопочет, готовит завтрак. Лишним помощникам там всегда рады и всегда найдётся, чем утолить голод.

На кухне хлопотала старая Ракиму, тётка Лембы. Помогали ей Вяхи, Дини, Насью и чужак Нимрин. Аю от входа засмотрелась, как он режет мясо, стремительно и ловко орудуя

большим ножом.

Гость на то и гость, что не обязан трудиться по дому. Но кто гостит долго, так или иначе участвует в хозяйстве. Нимрину нравится быть там, где много еды и жар от печей, поэтому он чаще всего помогает поварам.

Дострогал большой кусок рогачины, кинул пару ломтиков в рот, облизнулся...

— Эй, Аю, чего торчишь на пороге? — окликнула повариха. — Неужто помочь пришла? Или не дотерпишь до завтрака? К ужину-то тебя не дождались.

— Помогу. И проголодалась.

Аю не слишком ладила с Ракиму... Да она ни с кем в этом доме даже не пыталась поладить — кроме Лембы! Жила, будто гостя. Глупо и странно. Особенно странно, что её здесь ещё как-то терпят!

— Что мне делать, Ракиму?

— Поешь вчерашней похлёбки, глянь в том котле. А потом будем мыть приречник.

Аю быстро утолила первый голод и стала мыть зёрна. Приречника для каши на целый дом нужно много. Чтобы получилось вкусно, его вымачивают от горечи и промывают в нескольких водах. Мыли все, кроме Ракиму: она обжаривала в больших котлах мясо с кореньями, и Нимрина: он поддерживал огонь под котлами. Дини и Насью переглядывались, тихонько хихикали. Болтают безмолвно? И не болят же головы! Аю могла им только позавидовать. Для купеческой дочки она владела мысленной речью постыдно плохо. Лемба велел учиться, но с кем и о чём ей говорить? Хотя... Да с соседками же! Из дома Углежогов! Об украшениях, которых она, Аю, скоро наделает много-много! Даруна и Нгуна, когда гостили в доме Кузнеца, хвалили её серьги и подвески на ожерелье, хотели себе похожие. Спрашивали, кто мастер, а она и не сказала, что сама. Будто затмение нашло!

Приречник домыли и загрузили в котлы, к мясу. Ракиму долила кипятка, посолила, добавила приправы. Теперь ждать, пока всё разварится, упарится и созреет. А пока сели играть в камушки.

Нимрин подкидывал и собирал их одной рукой, а всё равно выиграл. Дини, которая продержалась против него дольше всех, обижено буркнула:

— Может, тебе ещё глаза завязать?

— А может, кому-то отрастить по пять пальцев? — рассмеялся чужак, подсчитывая выигранные орехи.

— И не дремать наяву, — поддержала его Ракиму. — Я-то старая, прыть моя уже не та. А вы-то скоро на охоту пойдёте, за своими зверями. Давайте новую игру. Начинай, Нимрин!

Аю забрало за живое: она ведь не единожды доходила до конца, до пятидесятого круга! Пусть, на своей доске, прирученными камушками, но доходила. А сейчас позорно выбыла на шестнадцатом... Охотница уселась поудобнее, выровняла дыхание и стала ждать своей очереди.

Кажется, за живое забрало не только её: никто не выбыл до двадцать шестого круга. И то, Ракиму бросила игру, чтобы проверить котлы. На двадцать восьмом круге рассыпала камушки Вяхи. На тридцать девятом не повезло Дини. Насью продержалась до сорок третьего.

Аю и Нимрин остались в игре вдвоём... Сможет ли она вытянуть вничью? Очень хочется, и близко уже... Не смогла! Но сорок девятый круг — не шестнадцатый, не стыдно. Чужак улыбается, принимая от неё два ореха.

А взгляд-то у него всё равно жуткий! Когда вот так вот, в упор. Беспросветная чернота,

подземный мрак, как есть!

— Аю, ты хорошо играешь. Ты проснулась? — и смотрит.

Аю, не отводя взгляда, слегка выскалила зубы:

— В следующий раз я тебя обыграю, гость.

Он мотнул башкой:

— Не обыграешь.

— Вничью выведу!

Пожал плечами:

— Может быть. Ты быстрая, когда не спишь. Дам тебе фору, сыграю левой.

— Даже не надейся, Аю! У него обе руки ловкие! — встряла в разговор Дини. — Мы его всего раз-то и смогли обыграть. Пока он камушки не пригрел, не приручил.

— Я тоже ещё не пригрела, — фыркнула охотница. — Мы с братом, бывало, играли и по шестьдесят, и по семьдесят кругов. Сами сочиняли расклады.

— Да неужто? — не поверила Вяхи.

— У тебя есть брат? — спросила Дини.

Аю растерялась. Она помнила старую доску и свои пригретые камушки. Вспомнила ловкие руки, снующие над доской. Вспомнила голос и смех... Не помнила, куда подевался сероглазый охотник, старше её на год? Имя забыла.

— У меня *был* брат, Дини, — сказала так, чтобы пресечь дальнейшие расспросы.

Девочка скорчила сочувственную рожицу, Нимрин тоже приспустил углы губ, однако посматривал с каким-то недобрым любопытством.

— Нимрин, помоги снять котлы! — окликнула его от печи Ракиму.

Поблагодарил за игру, встал, пошёл.

Робкая беляночка не на шутку удивила Ромигу своим азартом, умелой игрой, и как она смотрела ему в глаза. Будто из-за привычной Аю выглянула какая-то другая, незнакомая. Чего от неё ждать? А, впрочем, пусть об этом голова болит у Вильяры и Лембы. Ромиге хватает собственных забот.

Конечно, его пребывание в доме Кузнеца не могло остаться полной тайной. Домашние быстро прознали про возвращение Иули, и хорошо, если не разболтали по соседям. Тунья, Зуни и Лемба обещали, что охотники будут помалкивать. Но рано или поздно кто-то нечаянно проговорится, или кто-то из соседей заглянет в гости и заметит лишнее. Если часть мудрых по-прежнему вострит ножи на чужака, новости дойдут до них, рано или поздно. А он больше не маг, и даже оружие своё утратил. Вживлённые в тело артефакты не отзываются ни на жесты, ни на слова. Разрядились или выгорели? Можно выпросить у Вильяры её целительский набор, разрезать руку и посмотреть, но наву надоело раниться и регенерировать повреждения. Тем более, из интереса, близкого к праздному любопытству. Даже если артефакты разрядились, зарядить-то их нечем: мир больше не даёт ему подходящей магической энергии. В общем-то и не должен, после песни Равновесия. А всё же свербит вопрос: весь мир Голкья снял его с довольствия — или конкретный Зачарованный Камень? Стоило бы проверить. В следующий раз Ромига попросит Вильяру.

Старая Ракиму ударила в гонг, и густой, тягучий звук отправился гулять по коридорам дома Кузнеца. Призыв к завтраку услышат в самых дальних закоулках.

Ромига перемешал кашу в котле и облизал мешалку: вкусно и сытно, немного похоже на плов. Взял миску и отсыпал себе порцию: кто кухарит, по обычаю может не ходить в трапезную. Есть он хотел, посмотреть на толпу охотников — сегодня, пожалуй, нет.

Дини, Насью и Вяхи впряглись в тележку с большими котлами и поволокли подавать завтрак. Два котла поменьше развезут потом в детскую и слугам-скотникам.

Ракиму тоже наложила себе каши и со старческим кряхтением присела на низкую табуретку напротив нава.

— Вот смотрю я на тебя, Нимрин. Ешь ты, ешь, а всё тощий, как вяленая прошмыга.

Сравнение со зверьком, похожим на герб его дома, нава позабавило и покорило одновременно:

— А разве их едят?

— В голодную зиму едят всё. Когда в животе пусто, не только на прошмыг, на рыбу позаришься! Голыми руками начнёшь её из-под льда выковыривать.

Нав знал от Вильяры: местные рыбы переносят опасных паразитов, а многие ядовиты, как земная фугу. Из даров моря охотники Вилья предпочитают моллюсков и мелких членистоногих, вроде крабов. Добывают их летом, а сейчас — сезон расплодившихся белянок, побегаяек, прочей наземной дичи. И рогачина в доме Лембы не переводится. Богатый дом, припасов должно хватить до будущего лета.

Старуха с умилением наблюдала, как Ромига поглощает кашу. Всё-таки ему несказанно повезло попасть к существам, которые воспринимают пришельцев из других миров как безвредных и забавных экзотических зверушек. Нав — исключение: он оказался и полезен, и опасен. Но старая голки в уме того не держит, а просто с удовольствием, от избытка подкармливает кого-то живого.

— Ты возьми, возьми себе ещё. Может, хоть мясо на костях нарастёт?

Ромига поблагодарил и нагрёб себе добавки. Мышечную массу он уже набрал, что бы ни думала об этом сердобольная старуха. А для регенерации более тонких структур — надо. Судя по тому, как хочется есть, ну очень надо!

Аю тоже осталась на кухне: устроилась чуть в стороне, сосредоточено жевала, думала о чём-то своём, хмурилась... Метнула на Ромигу странный взгляд, подскочила и убежала, оставив полмиски каши.

Ракиму прибрала недоеденное, переложила к себе, проворчала:

— Вот зачем Лемба женился на этой хворобе? Она ж по нему как вьюн вьётся, а бесплодная, и в хозяйстве — пустое место. Сколько живёт в доме, первый раз явилась помогать на кухню.

Нав пожал плечами:

— Может, впервые оголодала?

Старуха фыркнула, с аппетитом доедая за себя и за молодую охотницу. Нав не стал развивать тему. Любопытнее, куда и зачем Аю вдруг так подорвалась? Но не настолько любопытно, чтобы по её примеру бросать еду.

[1] Примерно 1 час 45 минут (сутки на Голкья длятся около 28 часов).

«Здравствуй, Аю!» — безмолвная речь матери застала Аю врасплох, как удар по затылку... Не важно! Аю чуть не поперхнулась кашей, и это тоже не важно. Она уже и не ждала... — «Здравствуй, дочь».

«Здравствуй мама! Здоровы ли вы с батюшкой? Легки ли ваши пути, хорош ли товар, обильна ли выручка?» — Аю старательно складывала мысли-слова, подкрепляя их колдовской силой. У неё получалось, мама должна быть довольна!

«Ты теперь умеешь говорить, а не только слушать? Хорошо, Аю. Очень хорошо. А скажи-ка мне, правда ли, будто в доме Кузнеца таится чужак Иули, именуемый Нимрином?»

«Правда!» — Аю ответила, не раздумывая. Она даже не вспомнила, что Лемба строго-настрого велел хранить это в тайне. Дочь да не утаит ничего от матери: так её учили и выучили.

«А всегда ли Нимрин пребывает под сводами дома? Или выходит в снега?»

Аю ответила так подробно, как только смогла:

«Выходит. Охотится на белянок и поднимается к Зачарованному Камню. Сидит там по полдня, а колдовать всё равно разучился. Лишился он колдовского дара после песни Равновесия».

«Очень хорошо, Аю. Как только Иули Нимрин выйдет из дома, пришли мне зов немедленно».

Дочь должна исполнить любое материнское поручение, иначе ей и жить незачем. Аю в отчаянии, что не в силах исполнять все-все-все поручения, как должно. Что не в силах предугадать, предвосхитить материнскую волю:

«Но я же не слежу за ним, мама!»

«А ты проследи! И не сболтни никому, что я беседовала с тобой. Проболтаешься, умрём мы с отцом. И ты тоже умрёшь. Молчи, следи и пришли мне зов. Ты поняла меня, Аю?»

Мать пригрозила, и Аю уже умирает: за себя, за родителей. Нет сил думать, что с ними со всеми происходит на самом деле! Аю заслоняется от ужаса нерассуждающей покорностью:

«Да, я прослежу за Нимрином, мама. Прослежу и пришлю тебе зов, как только он выйдет в снега. Только не сегодня. И вряд ли завтра. У нас тут запуржило».

«Хорошо, Аю. Я жду».

Аю всё-таки дерзнула спросить:

«Мама, где вы?»

«Далеко. Но мы скоро увидимся, дочь. Исполнишь моё поручение, приблизишь нашу встречу».

Мать больше ничего не сказала, не попрощалась, и Аю не стала доламывать свою несчастную голову родственными благопожеланиями. Ей же ещё следить за Нимрином! Пока снега улягутся, она придумает, как это лучше сделать.

Аю бегом вернулась к себе, встретила взгляд из зеркала — замерла. Ей вдруг пришло на ум, что она творит что-то не то. Наговорила лишнего, раскрыла не принадлежащую ей тайну. Собирается следить за гостем дома, который прячется здесь от некой опасности... Но ведь

не может же опасность исходить от мамы! Мама сказала, сама в опасности! В какой? Почему? Раз не сказала, значит, не важно. Важно скорее исполнить её поручение! Аю присела на лежанку и закрыла лицо руками. Голова шла кругом, будто она заболела, или кто-то подсыпал ей в кашу марахской травы.

Охотница легла, поплотнее укуталась в шкуры. Её мелко трясло, накатывала сонливость, и в то же время хотелось сорваться с места, бежать куда-то. Замереть или бежать? Бежать или замереть? Она всё-таки ненадолго забылась дремотой, потом подскочила, как встрёпанная. Уставилась в зеркало.

Она должна признаться Лембе, что нарушила его веление. Веление главы дома, мужа, любезного... Любезного ли? То ли луна темнеет, то ли вдруг он ей постыл, но даже думать о его ласках противно! А ведь и ему Аю не любезна! Любезна — не Аю. Сколько раз, забывшись, он величал её Яли? К мёртвым и мудрым не ревнуют, Тунья всегда так говорит. Но Тунью-то муж не валял по шкурам *вместо* другой женщины! Тунья не ведаёт, каково это! Аю снова упала на лежанку, сжалась в комок и зарыдала. Ей было так худо, что казалось, она умирает, и ей хотелось перестать быть. Но мёртвая Аю не исполнит материнское поручение, а должна...

С кухни Ромига отправился в кузницу. Вернувшись домой, мастер Лемба трудился там каждый день, не давал роздыху ни себе, ни подмастерьям. И гостю позволял помахать молотом на подсобных работах.

Но сегодня Ромига явился к Лембе не ради физических упражнений. «Любой гарка, в самой убогой деревенской кузне, должен уметь сковать себе приличный нож». Ромига помнил эти слова, помнил, чему его учили, и нуждался в оружии взамен утраченного. Хотя бы нож! Лучшее приближение к правильному навскому ножу, какое он сможет изготовить своими руками.

Любознательный Лемба охотно выделил гостю всё необходимое.

Для начала, сварить сталь в тигле... Четверо суток спустя Ромига имел на руках три слитка, два из которых не годились вообще ни на что, а третий напоминал его первый опыт у мастера Улурунги. Мастер, конечно, выкинул тот слиток в утиль и заставил переделать ещё дважды. Но без магии это потолок Ромигиных возможностей. Теперь правильно разрубить, расковать, не испортить заготовку от нетерпения...

Ромига так увлёкся делами кузнечными, что едва успевал есть и спать. И вот, наконец, «горячая» часть работы позади. Клинок не дотягивает до высоких стандартов навских мастеров. Но на *приличный нож* в понятии мастера Улурунги вполне тянет. Прежде, чем браться за отделку, Ромига решил немного отдохнуть и развеяться, а именно — сбегать к Зачарованному Камню. Он бы попросил Вильяру проводить его, для разнообразия, к какому-нибудь другому, но мудрая отбыла в дом Даланту, где опасно потрескались стены и своды.

— Утихла ли пурга? — спросил Ромига Лембу.

— Утихла. Утром ещё, — хозяин кузницы вертел в руках забракованный навом слиток. — Прости, Нимрин, что я шутил про двупалые руки. Может, у себя дома ты и не мастер, и не рассчитывал им стать. Но на Ярмарке твои ножи, и даже такие вот заготовки, многие бы купили. Я готов делиться кузницей и сырьём за долю выручки.

Нав пожал плечами:

— Спасибо, мастер Лемба. Если я не уйду домой в ближайшую пару лун, мы обсудим

долю.

Кузнец постучал по слитку ногтем:

— Я ведь правильно понял, что чужими руками и без твоей крови такая сталь не получится?

— Такая — не получится.

Ромига представил, как сидит в шатре или в иглу на Ярмарке и торгует ножами с клеймом в виде бегущей прошмыги. Классическую белку с орехами он не дерзнёт выбивать на этом вот металле. А сварить настоящую навскую сталь без соответствующих арканов невозможно.

За верхней калиткой Ромигу встретило почти нестерпимое сияние высокого солнца и свежего снега. Ух, намело! Однако тропинку вверх по склону кто-то успел основательно расчистить... Кто бы мог подумать: Аю! Она и сейчас самозабвенно шуровала лопатой, развеивая снег искрящимися облаками.

Ромига поздоровался и прошёл мимо. На нерасчищенной части тропы подъём стал труднее, но не так, чтобы вовсе не проломиться. Вот и перегиб склона, вот и пологий бугор, по которому нав давеча ползал на карачках. Сейчас-то мимо Зачарованного Камня не промахнёшься, хотя от старой тропы не осталось ни следа, и новую пока никто не протоптал. Ромига принялся торить первую стёжку: прямую и ровную, как путь стрелы к цели.

Снега насыпало, местами, выше колена, и на полпути к Камню он пожалел, что не взял снегоступы. Остановился, откинул капюшон, выпростал руки из прикреплённых к рукавам рукавиц... И осел на колени от оглушающего удара по голове. Успел подумать, какая сволочь подкралась по изнанке сна или под «морозной дымкой»? Потерял сознание от второго удара.

Аю верно угадала, куда и когда пойдёт чужак из дома! Аю дождалась его на тропе к Зачарованному Камню и послала зов матери. Выполнила материнское поручение — бросила лопату и присела в снег совсем без сил.

Кажется, что-то она сделала не так. Пока смотрелась в зеркало, подарок Лембы, она даже соображала, что именно. Но под взглядом отражения ей было настолько худо, что она сняла зеркало со стены, завернула и спрятала подальше. Вот сейчас ей хорошо, легко и не больно. Только встать почему-то не получается. Она ещё чуточку посидит, и...

Ромига очнулся, накрепко связанный. Для существ, в языке которых отсутствуют слова «пытка» и «казнь», упаковали его жёстко. Заткнули рот и завязали глаза. Накинули на запястья скользящие петли, перекрестили руки за спиной, а узел затянули на животе. Ноги связали в щиколотках, загнули назад и притянули к рукам: спасибо, хоть не накинули удавку на шею. Может, ему хватило бы сил порвать путы, но для верности его парализовали магией. Или снадобьем каким накачали: сейчас он не мог сказать наверняка. Лежал на полу пещеры, не на снегу, и в пещере был ещё кто-то живой.

Голки. Вроде бы, незнакомый. Деловито шуршал по камню, будто рисовал угольком, и медленно перемещался по кругу... Да, именно так расчерчивают графическую формулу

аркана... Сложную формулу, судя по тому, как незнакомец возится, сопит и пыхтит!

Вот, закончил: отряхнул руки. Тяжело ступая, подошёл к своему пленнику. Наклонился и рывком выдернул у того клочок еле-еле отросших волос. Ромига сказал бы всё, что думает о подобном обращении с навами, если б не кляп! А уж что сделал бы... Запах палёного потёк по пещере, а вместе с ним — песня. Нет, по голосу Ромига поганца тоже не опознал. Пел неизвестный колдун долго и заунывно, временами переходя на невнятный речитатив. Обычно голки так не делают, наверное, позаимствовал аркан у кого-то ещё... А потом колдун сел рядом, возложил тяжёлую пятерню на многострадальную Ромигину голову, и песнь стала знакомой... Да, именно так Вильяра первый раз угаскивала чужака на изнанку сна.

Серое крыло смахнуло его из реальности... То ли миг, то ли вечность ошеломляющей, жуткой пустоты... Ещё один взмах серого крыла... Запах и шум земного, летнего леса!

Голки и здесь оказался рядом. Ненадолго. Перерезал ремешок, стягивающий Ромигины руки — исчез, не дожидаясь ни проклятий, ни благодарностей.

Пока нав освобождался от остатков пут, от повязки на глазах и кляпа, пока восстанавливал кровообращение, недалеко прошумела электричка. Солнечные лучи сеялись сквозь кроны елей и берёз, играли на высокой, но ещё не жухлой траве: конец июня — первая половина июля. Очень тепло, а в зимней охотничьей одежде попросту жарко. Ромига сразу скинул куртку, а сапоги с него сняли, когда связывали... Однако заботливо переместили обувь вместе с ним: вон, в травке валяется. Нав пощупал шишку на темени. Били сильно, но аккуратно, череп не проломили. Всё это выглядело донельзя странно: некто, пожелавший остаться неизвестным, похитил Ромигу и провёл обряд, чтобы вернуть его в родной мир? Но к чему такие сложности?

Он встал, подвигался, ещё раз осмотрел себя. В общем, цел. Можно идти или обождать, пока сюда зайвится кто-нибудь, кто засёк дальний переход.

Если засекли.

Если засекли свои.

Объясняться с людьми или чудами, откуда он тут, такой красивый, взялся, Ромига совершенно не желал. Он пропал из Города зимой, а сейчас лето. Значит, время в разных мирах течёт по-разному, и на Земле прошло, минимум, полгода. Вряд ли на исчезновение Ромиги никто тогда не обратил внимания. Наву в иномирной одежде, лишённому собственной магии, но со следами чужой, зададут слишком много вопросов.

Однако время шло. Если бы кто-то засёк переход, уже были бы порталы и толпа встречающих. А раз нету — вряд ли засекли. Он посмотрел по сторонам, на всякий случай запоминая место. Обулся и зашагал туда, где слышал электричку. Хотя попадаться челам на глаза в таком виде тоже нежелательно. Зимой он бы ещё сошёл за оригинала, любителя этники. А сейчас — хоть раздевай пугало в чьём-нибудь огороде, чтобы разжиться менее экзотичным и эксцентричным нарядом.

Да хоть бы пугало: в жизни Ромиги случались всякие приключения. Сейчас он очень надеялся без лишних проблем, за несколько часов или дней добраться до Цитадели. Интересно, далеко ли он от Москвы?

Кажется, повезло даже больше, чем он смел надеяться. Глухая платформа «91 километр» была Ромиге знакома. Роман Чернов, альтер-эго нава, пару раз ездил сюда на

шашлыки со студенческой компанией. А электрички с этого направления останавливаются чуть ли не на задворках Цитадели. А за тем леском — дачный посёлок, где студенты жарили шашлыки. Там-то Ромига непременно обзаведётся более подходящей одеждой, а может, и деньгами на билеты. Неохота попадаться контролёрам, хотя это будут их трудности...

Нет! Чем меньше шума он произведёт по дороге домой, тем лучше. А то как-то уж очень тревожно! Вероятно, дело в том, что нав не ощущает привычного магического фона? На таком расстоянии от Москвы фон гораздо слабее, чем в Городе. Но он есть. Должен быть! А Ромига не ощущает, потому что не может. И не способен навести элементарный морок или посмотреть сквозь чужой, не говоря уже о более сложном колдовстве. Чувствует себя уязвимым и является таковым.

К дачам он подобрался со стороны леса. Задние заборы имелись не у всех участков, а где были — перелезть не составит труда. Ну и где тут домишко Васьки Громова? Попадаться приятелю на глаза не входило в Ромигины планы, да и Васька летом на даче не жил — мотался по раскопкам. Нав искал ту дачу как знакомый ориентир... Не нашёл. Вроде бы на её месте рыли котлован под новый фундамент? Ну, дело житейское... Суетились муравьями мелкие чернявые челы: Ромига понаблюдал за ними из кустов. Рабочие удобно сложили своё сменное барахло под навесом на краю участка. Но наву по размеру ничего не подойдёт... Нет, увы, не подойдёт. Жаль.

Через час начинающий дачный воришка всё-таки обзавёлся вполне сносным гардеробом. Обтерханные джинсовые шорты, футболка, бейсболка и кроссовки — в самый раз, чтобы прокатиться на пригородной электричке. Свою прежнюю одежду и сапоги Ромига затолкал в выдавший виды рюкзак, которым удачно дополнил образ. В карманах позванивала мелочь из разбитой копилки, шуршало несколько мелких купюр. Всё бы ничего, кабы в доме, откуда он это вынес, на висел на стене календарь. Если верить циферкам на бумаге (а нет оснований не верить!), Ромига отсутствовал на Земле не полгода, не год, а все десять. И то, если календарь свежий. Нава трудно шокировать, однако увидав под дурацкой картинкой со щенятами кучерявое 2006, он, где стоял, там и сел.

Конечно, при навском сроке жизни десять лет — ерунда. Но что за это время успело произойти в Тайном Городе? Челы-то обошлись без потрясений, если судить по этим дачкам. Хотя даже в полузаброшенной развалюхе видны следы пресловутого человеческого прогресса, а в Москве их может стать гораздо больше. Ромига приложит усилия, чтобы влиться в толпу и не привлекать внимания. Документов-то у него нет, хозяева дома даже какого-нибудь завалящего пропуска здесь не оставили.

Точную дату он узнал, купив билет: 05.07.2007.

Зелёная электричка не отличалась от тех, на которых студенты ездили на шашлыки. И челы в вагоне мало отличались от челов одиннадцатилетней давности. И на угрюмого парня с рюкзаком внимания не обращали. А тревога грызла его всё сильнее.

Платформа «Ленинградская»: отсюда до Цитадели уже рукой подать. Запросто можно встретить на улице кого-нибудь знакомого или патруль гарок. Но до развилки Ленинградского и Волоколамского шоссе Ромига не повстречал никого. Ему стоило серьёзных усилий замедлять шаги, не пугать прохожих. Вот и здание светлого кирпича, до которого он так жаждал добраться!

В многомерном магическом пространстве человеческая постройка виртуозно совмещена с

нерушимыми стенами работы лучших навских каменщиков. Кто умеет видеть, тот видит. Ромига, увы, разучился. Он просто шагнул в заветную дверь, ведущую в Цитадель Нави, а не в секретный «ящик»...

Мордатый чел в форме заступил ему дорогу:

— Куда? Пропуск!

— Извините, перепутал подъезд, — ответил нав и сдал назад.

Он был уверен, что не перепутал. И караульный гарка под мороком может выглядеть, как угодно, но сородича всегда узнает и пропустит. В крайнем случае, задержит на входе. А мордатый охранник развернул Ромигу и тут же утратил к нему всяческий интерес.

Нав ещё послонялся перед главным фасадом, но караульные Цитадели за ним так и не явились. Обошёл здание с другой стороны и погулял по торговому центру, где должны были кишмя кишеть шасы. И с какой бы стати прижимистым вассалам прятать свои длинные носы под мороком? Нет, асур побери, как вымерли все! Челы, одни челы, и никого, кроме челов!

Асур побери? А вот теперь по-настоящему страшно. Ромига знал одного асура, и не просто знал: отпустил на волю. И планы у того асура были поистине грандиозные... Девчонка за прилавком уставилась на Ромигины уши, сморгнула, открыла рот, что-то сказать — он поспешил ретироваться.

Из торгового центра, из окрестностей Цитадели ноги сами понесли его к метро «Сокол». Челы затеяли переделывать улицу, рыли тоннель под перекрёстком, и пробираясь сквозь стройку, нав подумал, что осуществлённый план асура вряд ли выглядел бы вот *так*. Таким привычным, знакомым, банальным человеческим бардаком. Это больше похоже на дурной сон, но увы, это безнадежно реально.

К метро он спешил не ради самого метро, а ради таксофонов. Разобрался, как ими сейчас пользуются, и принялся названивать по всем номерам, которые помнил. А вспомнил довольно много: и тайногородцев и челов... Номера не отвечали, либо на другом конце провода не знали тех, кого он спрашивал. Конечно, минуло одиннадцать лет, а всё равно странно.

Ромига спустился в метро и поехал в центр города.

Здравствуй, Зона Кадаф! Красная площадь, Кремль, Александровский сад... Полицейские подозрительно косились на парня в затрапезной одежке, с большим рюкзаком, но пока не останавливали.

Ни одного нава, чуда или люда в обозримой окрестности!

Рухнув на скамейку в Александровском саду, Ромига признал, что на сегодня поиски пора прекращать: за явной бессмысленностью. Если Тайный Город скрылся под максимальной маскировкой, нав без магии не найдёт никого и ничего. Очень странно, что до сих пор никто не нашёл его самого. И куда провалились, спрашивается, все знакомые челы? Но это он попробует разъяснить завтра, а пока отдохнёт и подумает.

Москва куталась в вечерние сумерки и зажигала огни. Вокруг бурлила жизнь, но даже на тракте в пургу Ромига не ощущал себя настолько одиноким.

Зато, здесь и сейчас всё не так скверно с ночлегом и едой. Ещё в торговом центре возле Цитадели нав стащил бумажник у зазевавшегося чела. Разбогател — не ахти, но на несколько дней экономного житья хватит. На еду, на кое-какие бытовые мелочи. А поселится он в том самом домишке, откуда брал одежду. Хозяева давно не приезжали и вряд ли скоро объявятся

на своей даче-неудаче. А если вдруг, то сбежать в лес Ромига всегда успеет. Или не побежит: он зол и с удовольствием сорвёт зло на ком-нибудь, кто сдуру встанет на его пути.

Мог бы поискать жильё в городе. Но нет, эта Москва обманула его, и он не желает задерживаться в ней сверх необходимого. Ночная электричка кажется ближе, роднее.

Зашёл в дом со стороны леса, как в прошлый раз. Естественно, не стал зажигать свет, а вот печку протопить не помешало бы. На первом этаже стыло и сыро, будто по углам притаилась зима. После Голкья он легко переживёт холод и сырость, но лучше подняться в мансарду. Да, здесь суше, теплее, и можно сказать даже, уютно. Кровать, столик, стеллаж с книгами в пёстрых обложках...

С книгами, да! Нав стоял и смотрел на корешок книги, снова и снова перечитывая надпись мелким шрифтом: «Тайный Город».

Мудрая Вильяра колдует на пределе сил... Нет, уже за пределом: достигла его быстрее, чем привыкла.

Проклятые оползни! Она надёжно заморозила их в начале лета, но во дни беспокойных стихий чары исказились и начали распадаться. Ещё немного, и просторные, уютные жилые пещеры перестанут существовать. Лучшие колдуны дома Даланту, которые не справились сами и призвали мудрую, изо всех сил помогают ей. Но для непосвящённых здесь уже слишком опасно, и она гонит их в снега, а сама зовёт на помощь мудрого Стиру.

Сосед ворчит, но не заставляет себя ждать.

— Однажды весной эта гора всё равно сползёт в море, — говорит ей Стира на следующий день, когда дом уже вне опасности. — Сама видишь, как идут пласты, и приливы подмывают основание. Твоим охотникам придётся переселяться отсюда.

— Но не сейчас, не в начале зимы.

— Не сейчас. Однако если ты хочешь моего совета, по-соседски...

— Я уже велела им выбрать новое место и начать стройку. Они сами давно ищут, но на пять дней пути отсюда нет устойчивых склонов. Весь этот берег ползёт.

— А я собираюсь предложить им кое-что другое, о мудрая Вильяра.

— Я слушаю тебя, о мудрый Стира?

— В доме Кра, в угольях Сти с радостью примут всех обитателей дома Даланту. Дом Кра сильно захудал за последние шесть лет. Глава дома стар и немощен, на эту зимовку с ним осталась лишь ближайшая родня и несколько старших слуг.

— То есть, Кра из Сти готов принять чад и домочадцев Даланту младшими слугами? Я сомневаюсь, что Даланту из клана Вилья понравится такое предложение. Он упрям и горд.

— Если он разумен, ты могла бы его уговорить. Если не слишком разумен, то заставить. Но я не настаиваю, о Вильяра. А просто сообщаю тебе, что Даланту есть, о чём потолковать со старым Кра. И я готов принять его под свою руку.

— Я услышала тебя, мудрый Стира. Благодарю тебя за помощь и за предложение.

Мудрые стоят на гребне отрога, круто спадающего к морю. В долине по левую руку — кучка иглу и загоны для скота: временный стан охотников Даланту. Глава дома вывел всё живое из-под осыпающихся сводов, и припасов вынесли, сколько успели: на случай, если мудрая не справится. Мудрые справились: вдвоём. И вклад Стиры ощутимо больше Вильярино. И сосед сразу дал понять, что простирает свою руку над охотниками, которых защитил — раз их не смогла защитить хранительница клана.

Стира в своём праве. Стира безукоризненно вежлив с Вильярой. Но в её глазах закипают злые слёзы, потому что летом она заморозила щуров оползень в одиночку. Да, провозилась несколько дней, но в пределы своего колдовского могущества не упиралась ни разу. Её дар слабеет, уже не поспоришь! Зачарованные Камни не открываются перед ней и всё неохотнее дают ей силу. Её тело болеет и чахнет...

— Мудрая Вильяра, позволишь ли ты пригласить тебя в круг, или мы пойдём туда по очереди?

Ближайший Зачарованный Камень — выше по тому же гребню. Глыба красного гранита

видна издали и влечёт к себе мудрых тем сильнее, чем меньше у них колдовской силы. Вильяра почти пуста, Стира тоже изрядно поистратился.

— Иди, о мудрый Стира, этот Камень открыт для тебя. А я сперва спущусь вниз и переговорю с Даланту.

Сосед удивлённо приподнимает брови, но не говорит ни слова. Их следы расходятся: Стира поднимается вверх, Вильяра сбегает в долину. Она ещё способна не проваливаться в снег без лыж, но стремительный спуск не доставляет ей привычного удовольствия.

Она шлёт зов главе дома: «Даланту, вы можете возвращаться в дом, там безопасно. Но прежде я хочу переговорить с тобой лицом к лицу».

Рослый охотник средних лет встречает её возле крайнего иглу. Смотрит в глаза — отводит взгляд.

— О мудрая Вильяра, изволишь ли ты отведать наше скромное угощение?

Вильяра не ела полтора суток и смертельно голодна, но изувеченное нутро примет сейчас только перетёртую сыть или жидкую кашу. Совершенно не те яства, которые выставляют почётным гостям! А требовать, чтоб во временном стане ей приготовили нарочно? Лучше она сделает это сама, чуть-чуть поест и полежит, потом ещё поест...

— Прости, Даланту, я спешу. Мы с мудрым Стирой укрепили жилые пещеры и весь ваш отрог. До весны, до высоких приливов твой дом простоят нерушимо. Однако не должно охотникам обитать в месте, которое держится лишь на чарах. Это закон! Ты говорил мне о поисках другой горы. Но, если вы не начнёте строиться в ближайшие луны, Кра из Сти готов принять вас в своём доме. А мудрый Стира — в своём клане. Я, как хранительница Вилья, не стану вас удерживать.

— Кра? Да если он со своим старичьём дотянет до лета, мы можем попросту отбить у него дом!

Вильяра качает головой:

— Либо отобьёте, либо нет, если на помощь Кра явятся другие Сти. У них могут быть свои виды на тот дом. А если ты мирно поклонись Кра прямо сейчас, выйдет вернее. Обдумай и взвесь всё, о Даланту. Переговори с Кра. Какой бы путь ты ни избрал — кроме незаконных — я на твоей стороне.

Даланту самоуверенно ухмыляется:

— Луны не пройдёт, как я приглашу тебя осматривать место под новый дом, о мудрая. Вот если оно тебе не понравится, тогда я подумаю о Кра с его норой.

Вильяра вышла с изнанки сна возле серого Камня над домом Кузнеца. Всё-таки восполнить колдовскую силу ей хотелось больше, чем есть. А пока она посидит у Камня, тётушка Ракиму — или кто там сегодня на кухне — приготовит ей нужное.

Как же Вильяра устала! Она даже не пытается войти в круг, сидит и рыдает под боком у Камня, как давеча — Аю. Никто не увидит слёз мудрой, никто не ходил сюда после пурги, и она заметит, если пойдёт... А странно: дальняя часть тропы вроде бы протоптана, но не до Камня?

Немного восполнив колдовскую силу и собравшись с собственными, Вильяра начинает торить встречную стёжку. Вот здесь некто развернулся на полпути... Нет, стой! Следы говорят иное: некто шёл вперёд, остановился, упал, а потом его утащили на изнанку сна. И этот некто — Нимрин! Отпечаток ладони на снегу не перепутаешь...

«О мудрый Альдира, слышишь ли ты свою временную ученицу Вильяру?»

«Слышу, о прекрасная! Я всегда рад тебя слышать! Хоть наяву, хоть во сне, хоть лицом к лицу, хоть мысленно...»

«Альдира, я тоже была бы рада. Но у меня тут украли Нимрина».

«Как? Кто? Когда?»

«Пока я знаю только, это сделал сновидец. Если ты не слишком занят, приходи взглянуть на следы. Возможно, ты поймёшь больше меня».

Кажется, вечность минула — Ромига протянул руку и снял книжку с полки. Надпись на корешке могла быть совпадением. Не такие уж редкие слова: «тайный» и «город». Вполне вероятное их сочетание... Ага, и Кафедра Странников может оказаться какой-нибудь иной кафедрой, каких-то других странников, не питомцев профессора Мельникова... Аннотация на обложке расставила всё по местам: тот самый Город, которого Ромига не нашёл в Москве, и те самые Странники.

— Да что же у вас тут, щурова съть, произошло? — вслух спросил нав, раскрывая книгу. Ночь ответила ему перестуком колёс и гудком пробежавшего за лесом поезда.

Мудрый Альдира явился на Вильярин зов немедля, и прежде, чем изучать следы на снегу, смерил внимательнейшим взглядом свою ученицу. Увиденное его ужаснуло! Но мудрый не выдал своих чувств ни словом, ни выражением лица. Позже он обязательно отведёт её к целительнице Талари, и они вместе подумают, что с этим делать. А пока Альдира приветствовал прекраснейшую самым изысканным сказительским слогом и занялся тем, зачем был зван.

Следы на снегу и колдовской след: слабый, как всегда от сновидцев. Но достаточный, чтобы Альдира опознал отблеск ауры и ругнулся вслух:

— Гунтара. Проклятый упрямец! Всё-таки сделал по-своему!

Вильяра тут же переспросила с тревогой:

— Что? Что он сделал?

Альдира понизил голос:

— Я пока не знаю наверняка. Но старейший Гунтара — это хорошая новость. Убивать твоего Нимрина он точно не собирался.

— А что он собирался?

— Вернуть чужака домой, в его родной мир. Гунтара уверял меня, что сумеет, что уже делал так раньше.

— Но душекрад...

В глазах Вильяры — страх и отчаяние, Альдира старается говорить спокойно, насколько может.

— Старейший Гунтара считает, это не наша забота, а сородичей Иули. И я бы даже согласился с Гунтарой... Если б твоя судьба, о Вильяра, не переплелась так тесно с судьбой твоего воина! Я запретил Гунтаре что-либо предпринимать, но он всегда был упрям, считал себя умнее других и поступал по-своему. За своеволие прежний Голкира выслал его с Голкья и не велел возвращаться.

— Выслал или изгнал?

— Гунтара не творил беззаконий, поэтому — выслал. Погоди, я пошлю зов этому

умнику.

Увы, но на зов Альдиры мудрый Гунтара не отозвался, как если бы его не было на Голкья. Отправил Нимрина домой и остался там наблюдать? В его духе...

«О мудрый Тринара, ты дружен со старейшим Гунтарой. Ты умеешь отыскивать его даже по ту сторону звёзд. Помоги мне найти его».

«О мудрый Альдира, давай, я провожу тебя в логово Гунтары? Телесно он пребывает там, а где он бродит в призрачном обличье, то мне неизвестно».

«Проводи нас вдвоём с Вильярой».

Старейший Гунтара мирно почивал посреди пещерной залы, в круге незнакомых Альдире колдовских знаков. Вильяра ринулась вперёд — Альдира придержал её за руку. Мудрый Тринара, явившийся сюда вместе с ними, осторожно коснулся угольной черты, восхищённо и озадачено прищёлкнул языком:

— Вот же накрутил!

— Тринара, ты узнаёшь эти чары?

— Да. Это колдовство торит кратчайшую дорогу домой любому, кто заплутал между мирами. Только мудрый Гунтара ничего не делает в простоте! Он сейчас путешествует вместе с тем, кого отправил, и будить его нельзя. Он должен вернуться сам.

— А что случится, если мы разбудим его? — резко спросила Вильяра.

— Если коротко, то непредсказуемый ущерб Гунтаре, чужаку и дыра между мирами, за которую хранители снов нас не поблагодарят.

— А если не коротко? — переспросил Альдира. — Я правильно понимаю, это колдовство — сродни душекрадскому?

— Не просто сродни. Мы с Гунтарой и Ркайрой выznали заклятие и знаки у пойманного душекрада. Но если ты, о Альдира, желаешь уточнить, не осквернил ли себя беззаконием мудрый Гунтара, то нет. Он никого не обокрал. Он сам сновидец, каких мало. Гунтара поделился своим даром с Иули, если тому не хватило собственного.

Вильяра длинно ругнулась на каком-то чужом наречии.

— Что ты сказала, ученица?

— Так выразился бы Нимрин, если бы услышал всё это. Мудрый Тринара, ты знаешь эти чары — ты сможешь вернуть сюда их обоих? И Гунтару, и моего воина?

— А чужака-то зачем? — удивился Тринара. — Он теперь дома и вряд ли захочет...

— Ты можешь или нет? — рыкнула Вильяра.

Альдира положил руку ей на плечо, чуть сжал.

— Мудрый Тринара, я повторяю вопрос моей временной ученицы. Ты способен вернуть сюда Иули Нимрина и старейшего Гунтару?

Тринара качнул головой:

— Круг заклятия замкнут на них двоих и не впустит никого другого. Я могу поискать мир, куда они ушли, на изнанке сна, но то же самое может сделать и твоя ученица. Раз уж ей так надо. Но я бы не стал...

— Выслушай временного главу Совета, о мудрый Тринара, — оборвал его Альдира. — Мы все сошлись на том, что Иули Нимрин не должен задержаться на Голкья дольше середины зимы. Однако он не завершил здесь свои дела. Гунтара поспешил, отправляя его домой.

— Иули Нимрин не завершил свои дела на Голкья? Он избавил нас от Великого

Безымянного. Он освободил, а после убил Иули Онгу. Он пропел Песнь Равновесия как Повелитель Теней. Он освободил Асми... Чего ещё ты от него ждёшь, о временный глава Совета?

— Взгляни на меня, Тринара, что ты видишь? — почти выкрикнула Вильяра, не дав Альдире ответить.

Старейший долго и нарочито внимательно рассматривал молодую колдунью:

— Погано выглядишь, сестра по служению. Очень погано!

Вильяра фыркнула:

— Ты безупречно вежлив, о мудрый Тринара. А я — дочь знахарки. Я скажу, как есть. Я умираю, Тринара. Стихии посвящения больше не хранят меня. Была надежда, что Иули Нимрин поможет мне исцелиться.

— Как лекарь или как лекарство? — нахмутив брови, переспросил Тринара.

Вильяра выскалила зубы, сверкнула зрачками:

— Как лекарь! Иного я не приму!

Тринара посмотрел на главу Совета крайне укоризненно:

— Альдира, ты должен был сказать нам об этом прямо, а не обиняками. Тогда Гунтара, может, не стал бы делать того, что он сделал.

Глава Совета выдержал взгляд:

— Тринара, ну ты же сам понимаешь, почему я промолчал о болезни одной из нас? А Гунтара... Гунтару мы все знаем.

— Да, он всегда поступает по-своему, — подтвердил старейший. — Насколько я знаю Гунтару, он не согласился бы нарушить истинное равновесие стихий даже ради одной из нас. Как бы лично тебе она ни любезна, о Альдира! Глава Совета не имеет права на такие слабости!

Ромига читал быстро. Сумеречного света из окна довольно для навских глаз, а к концу книги летняя ночь уже перешла в рассвет. Ромига читал внимательно, но не так, как это, вероятно, задумал писатель. Наву глубоко безразличен был язык, стиль и всё такое: он ловил в тексте описание хорошо известных ему событий и то, во что они вылились в дальнейшем, пока он отсутствовал в Городе.

По всему выходило, книга написана, как минимум, со слов осведомлённого очевидца. Персоналии и реалии — вполне узнаваемы: как шарж, как этюд широкими, резкими мазками. Можно предположить, и канва сюжета более-менее похожа на правду. Но кто, почему пропустил это в печать? Допустил такое вопиющее нарушение режима секретности? Или, наоборот, тщательно спланировал утечку информации, придав ей именно такую форму: небылицы? Чтобы челы имели информацию в свободном доступе, потихоньку привыкали к мысли о соседях-нелюдях, но до момента «X» не воспринимали всерьёз?

Отложив книжку — между прочим, девятую из цикла, но остальных в доме не нашлось — Ромига просмотрел газеты, которые привёз с собой из Москвы. Обычная человеческая политика и бытовуха, никаких признаков, что момент «X» уже настал. Глянуть бы новости в телевизоре, но домишко обесточен, и кто знает, какие лампы зажгутся, если передёрнуть общий рубильник? Демаскировать себя внезапной иллюминацией Ромига категорически не желал. Вспомнил взгляд девушки в торговом центре. Если она читала про Тайный Город, может теперь болтать с друзьями. Мол, не поверите — видела нава, живого и настоящего.

Хотя...

Встал напротив большого зеркала, закреплённого на двери, придирчиво осмотрел себя, взъерошил неровно отросшие волосы. Может, и хорошо, что выглядит эдаким лохматым чучелом, а не Мистером Безупречность? Рост, сложение и масть — при нём, но имидж категорически не вяжется с представлением о навах, по жизни или по книге. Ограбить бы кого-нибудь не на копейки, а по-крупному. Пройтись по салонам и бутикам, как тот Странник! Привести себя в соответствие... Тьфу! Тоска! Он гонит её прочь, сопротивляется, как цепенящему тело морозу... Что толку наводить внешний лоск, когда утратил самую свою суть — магию? Без неё — жизни тебе, нав, ровно до момента, когда челы заинтересуются тобой всерьёз и обнаружат твою инаковость... Стоп, а почему ты уверен, что своих ты уже не найдёшь, и тебя не найдут?

Так вот, значит, *кто* Вильяра для братьев по служению? Непростительная слабость мудрого Альдиры? Она сдержала рвущееся из груди рычание, благо, временный наставник не позволил упрёку Тринары безответно повиснуть в воздухе.

— Мудрая Вильяра — моя ученица. У меня нет дурной привычки терять учеников, и я не собираюсь её приобретать.

— Так и лечи свою ученицу сам! — не сдавался Тринара. — При чём здесь чужак из-за звёзд? Иули не место в нашем мире, кто нам это объяснял? Не ты? Колдовской дар даже не начал возвращаться к Иули Нимрину, а Зачарованные Камни уже отвечают на его присутствие.

Вильяра много бы отдала за возможность принять силу в круге и долго, вдумчиво разбирать её оттенки. Наблюдать перемены изо дня в день... Снаружи-то она никаких перемен не заметила. А если даже были — кто, на каком основании связал их с покалеченным Иули?

— Ты готов утверждать, кто-то наблюдал и проверял круги достаточно для такого вывода? — прорычал Альдира, топорща гриву и скаля клыки. — И откуда у тебя подробности о Нимрине?

Тринара сверкнул глазами из-под бровей и ответил только на второй вопрос:

— Я знаю о Вильярином чужаке от Ркайры. А Ркайра знает от беззаконницы Сти. От той самой, которая повязала себе узел справедливого суда и отравила дом Поджи в угодах Ркай, прежних Наритья.

— Как отравила? — ахнула Вильяра.

Старый Поджа вместе с покойными Наритьярами немало задолжал её матери. Целительница Уюни, останься она жива, могла бы желать мести. И дочь Уюни не желала добра дому Поджи. Но закон есть закон, попать его настолько грубо...

— Насмерть потравила. От мала до велика, — с мрачным торжеством пояснил Тринара. — Явилась с изнанки сна и подбросила порошок зверомора в обеденные котлы. Никто ничего не учуял, пока не стало слишком поздно. Старый Поджа, умирая, успел позвать Ркайру, но мудрый не спас отравленных. Лишь облегчил им последние муки. Мы с Гунтарой помогли Ркайре поймать отравительницу.

Вильяра вздрогнула сама и заметила, как передёрнул плечами Альдира. Даже от рыбколючки умирают не так больно и неприглядно, как от зверомора. Противоядий нет. Единственное спасение — сразу спохватиться и выbleвать отраву. Да как её заметишь, если

у неё ни вкуса, ни запаха? Дикие стаи иногда так травят, но, чтобы разумные — разумных...

— Мудрый Тринара, почему я, глава Совета, только сейчас узнаю о столь ужасном беззаконии? — Альдира уже просто клокотал яростью.

Тринара фыркнул:

— Когда это произошло, ты, о Альдира, беседовал с огнедышащими Зверями Альди, и мы остереглись тебя тревожить. Мы спели над Тари из Сти песнь Познания. Всплыло так много любопытного, что мы решили прежде разобраться сами. Теперь знаем: купчиха Тари с мужем Уканой заслужили суд Совета Мудрых. Как те братья, кого изгнала Вильяра. Узнали, и вот я сообщаю тебе об этом, Альдира. И Стире тоже сообщим, какой клубок подкаменников он вырастил!

— Тринара! — воскликнула хранительница Вилья. — А что ты знаешь о детях Тари?

— Вильяра, нверное, ты хотела спросить меня об Аю, дочери Тари? Аю зачарована родственной кровью, и ты наверняка в этом замаралась. Или, скажешь, ты никогда не мяла шкуры с предызбранным для посвящения Лембой, мужем Аю?

— Не скажу, — выдохнула Вильяра сквозь обморочный звон. Ей стало вдруг почти всё равно, что говорится, что происходит вокруг, лишь бы на ногах устоять.

— Зато я скажу, Тринара! — рявкнул Альдира. — И Ркайре повторю. Вы, меченые Солнцем! Вы, присягнувшие Великому Безымянному! Вы, замаравшие себя собственным беззаконием, а не чужими чарами. Вы опять берёте на себя слишком много!

Тринара зарычал и оскалился. Но, не выдержав долгого, прямого взгляда Альдиры, умолк, ссутулил плечи, отступил на полшага назад.

— Присядем, и рассказывай, что ещё вы узнали у купчихи Тари, — тут же велел ему Альдира.

Тринара плюхнулся на задницу, как осажённый ездовой зверь. Вильяра постаралась сесть, а не рухнуть, и ей даже удалось. Сдержала стон, перевела дыхание — спросила.

— Мудрый Тринара, ты сказал, что знаешь об Иули Нимрине от беззаконницы Тари. Но мать Аю не бывала в доме Лембы ни прежде, ни сейчас.

— Зато купчиха Тари прекрасно владеет безмолвной речью. Ркайра с Гунтарой подсказали ей, какие вопросы задать дочери. Аю не могла не ответить.

— Вы дёргали Аю за родственные чары!? Проклятие, я только начала её лечить!

— Мне жаль, — развёл руками Тринара.

Больше всего Вильяра хотела уголить голод его плотью и кровью! Но толкушка из сыти — более подходящая, здоровая, а главное, законная пища.

«Мудрый Альдира, я срочно возвращаюсь в дом Кузнеца».

«Иди, Вильяра. Проведай жертву родственников чар и постарайся отдохнуть сама. А обо всём, что натворили эти старейшие, мы будем говорить на Совете».

Самые ранние электрички в Москву Ромига пропустил. Подгадал время, когда основная масса челов едет на работу, чтобы легче затеряться в толпе. Не стал брать с собой большой рюкзак: припрятал его в лесу, в буреломе. А в маленький, чуть менее потрепанный рюкзачок первым делом сунул ту самую книжку, будто она могла послужить ему пропуском в родной Город. Заодно прихватил чистую тетрадь в клеенчатой обложке, пару простых карандашей и шариковую ручку. На Голкья ему ужасно не хватало письменных принадлежностей, а попытка выделать пергамент из беляночьих шкурок не увенчалась успехом. Тетрадку он мог

бы купить вчера, но не сообразил. А тут подвернулась — пусть будет! Ромига не знал, вернётся ли он ещё в этот дом, и забирал с собой всё, что может пригодиться, одновременно уничтожая явные следы своего пребывания.

Шагал сквозь лес — пытался строить планы на будущее, но выходило плохо: слишком много неопределённостей.

Вообще-то, вся ситуация отдаёт махровой, ядрёной бредятиной. Однако реальность не плывёт, не мерцает, не сквозит сквозь закрытые веки, как видения Первой Войны, где Ромига однажды заплутал. Реальность тверда, упруга и однозначна. К примеру, как эта ель: можно постучаться об неё башкой — будет не только больно, но и синяк, и смола в волосах... Хотя, качественное, мастерское наваждение не разоблачишь без магии. А если тот, кто заморочил, сильнее тебя, то и с магией не разоблачишь.

Ладно, вчера Ромига принял решение искать знакомых челов, значит, для начала, он поищет знакомых челов. А попутно — вволю насладится летним теплом, отогреется после снегов Голкья. День обещает быть погожим и жарким.

Утро в лесу прекрасно. В электричке — уже так себе, особенно, когда ближе к Москве в вагоны битком набились челы. Ромигу не толкали, не затирали в толпе, но и не шарахались, как обычно от нава, полного магической энергией. Пассажиры теснились, потели и пахли, пытались доспать, вяло переругивались между собой...

Долгожданная «Ленинградская»! Он вышел на платформу, но не рванул, как вчера, к Цитадели, а остановился, призадумавшись. Недалеко от станции — лаба Семёныча. Ромига предпочёл бы начать оттуда, но застать старика на работе в восемь утра — почти без шансов. Вряд ли за одиннадцать лет старый сыч переписался в жаворонки... Если вообще жив! При мысли о геоманте-фотографе на сердце тяжело. Ромига должен был вернуть ему заклятие обещания, но так и не припомнил, *как сделал это*. А сделал ли? Ладно, к Семёнычу — позже. Сейчас самое время навестить другого знакомца, обитающего на улице Алабяна.

Димку Осия, одноклассника и приятеля Романа Чернова, Ромига подстерёг возле подъезда. Узнал его сразу, хотя тощий паренёк успел заматереть во вполне представительного мужчину. Нав вывернулся ему навстречу из-за припаркованных машин с возгласом:

— Дим, привет! Узнаёшь?

Тот затормозил, поднял взгляд на нежданное препятствие — изучал Ромигу минуты полторы, старательно морща лоб — протянул:

— Нет, а должен?

Ромига скороговоркой напомнил обстоятельства их знакомства: первую практику на раскопках в Евпатории, некоторые совместные похождения. Чел слушал всё более озадачено, и Ромига заметил, что у бывшего приятеля нет, совсем нет шрама поперёк левой брови, заработанного тогда же и там же, в драке с местными ребятами.

— Уважаемый, вы меня с кем-то путаете или разыгрываете, — сказал, наконец, Димка. — В тот год я действительно первый раз выехал на раскопки. Но не в Евпаторию, а в Новгород Великий. И следующие два года я копал там же. И вас я вижу впервые в жизни. И простите, спешу.

— Но вы же Дмитрий Евгеньевич Осия?

— Да, я Дмитрий Осия, и я не страдаю провалами в памяти! — «Возможно, в отличие от вас!» — окончание фразы Димка не озвучил, он всегда был вежливый. Но Ромига легко

прочитал по губам.

— Ладно, извините, обознался.

— Чёрт знает, что такое! — донеслось ему в спину, — Вот просто чёрт знает, что!
Трудно не согласиться!

К Семёнычу — всё ещё рановато, и Ромига поехал в Универ.

Родной факультет Ромки Чернова почему-то оказался не на тех этажах... Нет, говорят, Истфак никуда не переезжал, только собирается — в новый корпус за Ломоносовским.

Ромига стоял у доски с портретами преподавателей и не находил тех, кого в первую очередь надеялся увидеть. Одно лицо высмотрел, прочитал подпись: Вера Андреевна Колодина. Фамилия другая, но у человеческих женщин это норма. Глянул расписание — должна быть сейчас на работе.

Веруня шла по коридору, прижимая к груди стопку каких-то папок, цокая каблучками, поблескивая стёклами очков. Всё та же маленькая, миленькая блондиночка, и до глубокой старости такой пребудет. Почему от взгляда на хорошенькое, чуть поблекшее личико — мороз по коже?

Девушка стоит у двери и смотрит. Голубые глаза сияют, щёки цветут розами, губы зазывно приоткрываются:

— Ром, неужели, ты так и не поцелуешь меня? Я знаю, не любишь. Но когда тебе это мешало? Зато я люблю, за нас двоих. Сделай подарок, поцелуй!

Наверное, Веруня в хлам пьяна, раз одолела свою убийственную застенчивость. Ромига тоже не совсем трезв. Он делает шаг навстречу и нежно, шутя, обнимает её. Она запрокидывает голову, приподнимается на цыпочки, тянется обнять в ответ, виснет на нём всем своим комариным весом... Девичья ладонь как бы невзначай скользит по его левой лопатке, где под тканью рубашки и мороком скрывается магическая татуировка, «навский эскиз» работы мастера Даги...

— Молодой человек, что с вами? — знакомый голос звенит беспокойством, и надо бы ответить что-нибудь осмысленное.

— Простите, ничего. Последствия контузии. Сейчас пройдёт.

Она смотрит на него снизу-вверх. Строго, по-преподавательски смотрит: мол, приходи в себя скорее, охламон... Ни тени узнавания в глазах, как и у Димки!

— Вера Андреевна, возможно, вы сумеете мне помочь? Около десяти — пятнадцати лет назад здесь учился мой братец. Роман Константинович Чернов. Дневное отделение, потом аспирантура. Связи с семьёй он почти не поддерживал. А потом и вовсе пропал, как в воду канул. Я приехал в Москву, ищу его следы. Всё-таки, брат! Пожалуйста, постарайтесь припомнить. Ромка был очень похож на меня, только старше.

Веруня поудобнее перехватывает папки: тяжёлые, наверное. Отступает чуть назад, мерит его задумчивым взглядом, в глазах мелькает явный женский интерес. Отрицательно качает головой:

— Молодой человек, вы рождены, чтобы похищать девичьи сердца! — голос невольно срывается в бархатную, призывную хрипотцу. — У вас такая впечатляющая, запоминающаяся внешность. Если бы я десять-пятнадцать лет назад встретила кого-то подобного, я бы непременно в него влюбилась, — она улыбается мечтательно и тут же натягивает на лицо чопорное преподавательское выражение. — Увы, я никого такого у нас на факультете не припоминаю. Может, ваш брат учился не в МГУ, а в Историко-архивном?

Съездите туда, расспросите. Поверьте, мне ужасно жаль, что я ничем не могу вам помочь.

Звонок на пару! Веруня спохватывается, извиняется, поспешно уходит — Ромига смотрит ей вслед, левая лопатка горит огнём. Да, душекрад снял с нава магическую защиту рукой этой пигалицы. Влюблённой девчонки, которую Ромига не воспринимал всерьёз, использовал, почём зря, расслабился, подпустил на опасно близкую дистанцию... И не пьяна она была, а под заклятием. Может, потому всё забыла?

Но забыла не только Веруня, не только Димка. Ещё двое знакомцев, кого он отыскал на факультете, тоже устали, как бараны на новые ворота. И в списке выпускников Роман Чернов не значится. Хотя, это-то как раз рутина Службы Утилизации. А вот подчистить человеческую память — одиннадцать лет назад считалось нерешаемой задачей. А главное, знакомые челы каждый раз оказываются капельку, чуточку, да не совсем такими, какими запомнил их Ромига. И глупо уже игнорировать эту разницу, *не объяснимую минувшим временем!*

Да, следует признать: все обнаруженные знакомые — немного другие, чем он помнит. Универ — другой, Москва — другая. Вчера Ромига скользил взглядом по несоответствиям, а сегодня нарочно цепляется за каждое, словно в игре «десять отличий». Конечно, у челов всё меняется быстро. За одиннадцать лет эти торопыги много всего сломали и перестроили в своём городе. Но даже челы не воткнули на место нового дома — ветхую развалюху, не передвинут с места на место вековые деревья...

Да, эта Москва — сестра-близнец его родной Москвы. Очень похожа и тем сбивает с толку. Хотя, когда осознал разницу и пригляделся, уже непонятно, как мог перепутать?

Вильяра вышла с изнанки сна в кладовке при кухне: поближе к еде, но чтобы не попасть никому под ноги. А потом тётушка Ракиму кормила мудрую толчёной сытью и отпаивала мясным взваром, причитая, как же «болезная девонька» исхудала.

Старуха неисправима: без толку пенять ей, что хранительница клана — давным-давно не «девонька». Пережив голод в доме мужа-неудачника, овдовев и похоронив дитя, Ракиму немного сдвинулась на стряпне и угощении всех, кто под руку подвернётся. Старый Зуни тоже умеет и любит кормить большой дом, однако уступает ей место у котлов чаще, чем по очереди.

Сейчас главное, что готовит Ракиму вкусно и без лишних объяснений понимает, что Вильяре нужно. А ещё старуха болтает без умолку и, слегка направляя беседу, можно услышать все новости дома Кузнеца и соседних.

— Аю нашли возле верхней калитки совсем без памяти! Взяла лопату, покидала снег, а потом села в сугроб и сидит сиднем. Обморозиться и простыть не успела, но ушла в себя — не дозовёшься, не догонишь. Уложили её в её покоях. Алита над ней песни пела, да не добудилась, пошла зелья варить.

Знахарка Алита, живущая в доме Кузнеца — Вильярина очень дальняя родня по матери. Зелья у Алиты хороши, а песни — так себе.

Вполуха слушая Ракиму, Вильяра шлёт зов мудрому Стире и после взаимного приветствия спрашивает: «Сосед, ты уже знаешь, где и как нашлась твоя пропажа?»

«Которая?»

«А у клана Сти их много?»

«Да не то, чтобы... Но во дни беспокойных стихий смута была не только у тебя, соседка».

Стира прав, и Вильяра уточняет: «Купцы Тари и Укана нашлись. Ркайра поймал их на беззаконии в угодьях Ркай, бывших Наритья».

«Даже так? Мне пока никто ничего не сообщил. Расскажешь, что слышала?»

«Тринара при мне сказал, будто бы Тари отравила целый дом зверомором. Подбросила с изнанки сна. А ты говорил, она слабая сновидица».

Мудрый Стира молчал очень долго. Потом спросил: «Мудрая Вильяра, ты отыскала на дочери Тари то, о чём мы с тобой говорили?»

«Увы, да. И я даже начала распутывать чары, но кое-кто вмешался... Альдира собирает Совет, скоро ты услышишь все подробности».

«Спасибо тебе, соседка, за известие. Ркайру и Альдиру я расспрошу сам».

Как ни тянуло сытую Вильяру на лежанку и в сон, она всё-таки добрела до покоев Аю. Спела над охотницей песнь, отмечая изменения ауры... А родственных-то чар больше и нету! Содраны грубо, безжалостно, с ключьями души: оттого потрясение, обморок. Неизвестно, выживет ли Аю после такого, останется ли в здравом рассудке? И по всем заразившимся должно откатом ударить. Может, потому Вильяре так худо?

«Лемба?»

«Здравствуй, о мудрая? Ты уже вернулась от Даланту?»

«Да, я в твоём доме. Как ты себя чувствуешь, Лемба, и здорова ли Тунья?»

«Да как тебе сказать... Что-то у нас обоих сегодня головы трещат, и кости ломит, как от простуды. Я даже из кузни ушёл. Но это ерунда, а вот Аю... Ты уже слышала?»

«Я сейчас сижу у неё. Похоже, твоя тёща освободила Аю от чар. И все, кто касался её, тоже свободны. Это хорошая новость, а плохая... Я не знаю, что будет дальше с твоей младшей женой. Считай, Лемба, знакомая тебе Аю сегодня умерла».

«Как Ланха в сказке о проклятом доме?»

«Примерно так... И, Лемба, я очень рада, что говорю с тобой, а ты мне отвечаешь. Я счастлива, что ты отделался головной болью. Но побереги себя и Тунью ближайшие дней пять. Все мы, кого касались поганые чары, сейчас уязвимы. От простого заусенца можем загнаться».

«И ты?»

«К сожалению, я тоже».

«Прости меня, о Вильяра! Я должен был отпустить Яли давным-давно. Ох, если бы я не...»

«Ах, если бы шерстолапы по небу летали! Довольно, Лемба, если ты отпустишь наше с тобой несбывшееся хотя бы сейчас».

«Я уже отпустил. Прости, Вильяра».

«Повторишь ещё раз, когда увидимся лицом к лицу. И я тебе отвечу, как должно. А сейчас я иду в свои покои отсыпаться. Ближайшую четверть круга[1] хоть потолок на голову падай! Кто побеспокоит — прокляну... Кстати, еслихватишься Нимрина — не ищи, его увели мудрые».

Покинув Университет, альма-матер Романа Чернова, нав решил никого больше не

искать. Что толку, если его не помнят, не узнают? Отправился гулять по знакомой-незнакомой Москве. Наобум, наугад, без конкретной цели, продолжая игру уже не в десять — в сто и тысячу отличий.

Город стелился под подошвы потрёпанных кроссовок асфальтом и тротуарной плиткой, подмигивал солнечными бликами в витринах, манил вкусными запахами из кафешек. Город выглядел ухоженнее, благополучнее того, откуда Ромига исчез зимой 1996.

Город привечал гостей, особенно, иностранных: это не изменилось, этим стоит воспользоваться. Тому, кто несколько веков с удовольствием изображал очень разных челов, легко прикинуться студентом из Европы, путешествующим на каникулах. Маска старая, проверенная и очень удобная. Праздношатающийся турист, молодой, обаятельный и безбашенный, может одеваться как попало, даже с чужого плеча. Имеет право не знать особенностей работы транспорта и других местных тонкостей. Способен забрести, куда угодно, а белозубая улыбка, «простите, я плоха понимаю по-русски» и английский с каким-нибудь акцентом, например, испанским — щит от многих неприятностей. Даже нарвавшись на проверку документов, которых у него нет, Ромига имеет шансы выкрутиться за счёт досконального знания человеческой психологии и отточенного навыка пудрить примитивные мозги. Днём, в центре города — маска идеальная! А для других мест и случаев пригодится и коренной москвич, и приезжий из глубинки: из разных глубинок, на выбор.

Нав не сомневался в своём умении убедительно играть лицом, телом и голосом — город снисходительно улыбался и не спешил пробовать гостя на зуб.

Конечно, больше всего Ромигу интересовало, есть ли у чужой Москвы волшебная изнанка, и кто на ней обитает? Он старательно напрягал то, что осталось от его магического и геомантского чутья, но, увы, кажется, ничего не осталось. При том не отпускало ощущение, что ему достаточно раз-другой *правильно* свернуть за угол, и он окажется дома. Но сколько ни петлял он по улицам, переулкам и дворам, а нужного поворота не отыскал.

Проголодавшись, пообедал в кафе.

Зашёл в книжный магазин, в отдел фантастики и фентэзи. Нашёл на полке ряд корешков со знакомым оформлением: цикл о Тайном Городе. Пусть это человеческая беллетристика, то есть по определению не слишком достоверный источник информации. И непонятно, откуда та информация вообще взялась в Москве, где самого Города — ни следа? Но других источников у Ромиги сейчас нет. От лютого информационного голода не то что беллетристику — жёлтую прессу читать начнёшь!

Оказалось, изданных книг уже не девять, а тринадцать, только в наличии не все. Нав снял с полки последнюю по времени выхода, принялся лениво, небрежно перелистывать... То есть, на самом деле, стремительно «проглатывать» текст!

Ярга!

Эсть'ейпнхар, вот оно что! Первый князь Нави вырвался из Железной Крепости, куда его заточили бывшие соратники по Первой Войне. Выжил, если это можно так назвать. Вернулся. Насколько Ромига понимал подоплёку единственной навской междоусобицы, в Городе после возвращения Легенды могло произойти абсолютно всё: вероятное и невероятное. Дочитал до гибели Реги... Знал нава с таким именем достаточно близко, чтобы разозлиться до острых ушей... Потратил несколько мгновений, чтобы успокоиться, не распугать бродящих по отделу покупателей. Перелистал книгу до конца и со вздохом водворил обратно на полку.

Идея скупить всё, что здесь есть, а недостающее добрать по другим книжным, заманчива. Но удар по скромному бюджету и лишний груз в рюкзаке... Ладно, груз не затянет, а украсть ещё один кошелек не составит труда. По крайней мере, «День дракона» Ромига купит... И вот эти два названия, пожалуй, интригуют больше других: «Наложницы ненависти» и «Тень Инквизитора».

Взял книги и понёс их на кассу, откуда за ним уже некоторое время наблюдали, всё более напряжённо и насторожено. Возможно, имели в виду: давай, покупай уже! У нас магазин, а не читальный зал. Или что-то другое?

Здесь он решил не корчить из себя иностранца. И, предупреждая оптом возможные вопросы, подмигнул большеглазой кудрявой кассирше:

— Вот не интересовался я этой вот всякой фентэзятиной! А тут девушка моя докопалась, что я похож на каких-то *навов*. Мол, если надену костюм и научусь вязать галстук, буду вылитый Ортега. Дала на пробу книжку. Правда, любопытно, — шмякнул на прилавок свою стопку. — Пробейте.

Кудряшка разулыбалась:

— Я сама этого не читала. Только слушала автора в прошлом году на презентации. Собралась такая толпа, яблоку негде! Даже стульев в зале не хватило на всех. Много вопросов ему задавали, он отвечал... А вам костюм с галстуком точно пойдёт! Очень-очень!

Нав неопределённо пожал плечами, забрал покупку, поблагодарил и вышел вон — до сквера со скамейками. Сел и углубился в чтение.

К вечеру Ромига побывал ещё в трёх книжных. Покупать больше ничего не стал, но ознакомился с содержанием всего изданного о Тайном Городе. Нет, ничего серьёзнее второго пришествия Ярги он оттуда уже не вычитал. И беспокоило, что раньше книги выходили каждый год: даже не по одной. А последняя, «День дракона» — в 2006, и тишина.

Всё тревожнее, всё труднее изображать из себя лениво фланирующего по Москве раздолбая!

Походя улучшил себе если не настроение, то материальное положение. Выдернул барсетку из дорогого авто через неосторожно приоткрытое окошко. Сидящий за рулём чел покражи не заметил. Навы, когда им надо, двигаются молниеносно. Пересчитав наличные, Ромига удовлетворённо хмыкнул и отправился выбирать джинсы, свитер и куртку по росту, а то холодает. Мог бы приобрести и костюм с галстуком, но решил пока не выходить из образа бедного студента-путешественника.

Какова ирония: ему уже по средствам номер в дорогой гостинице, но без паспорта его не заселят даже в хостел. Проще подкатить к весело тусящей молодёжи, очаровать какую-нибудь девицу, или нескольких, или просто напроситься на «вписку», где всем пофиг на его документы.

Документы! Для привычного, комфортного уровня жизни они ему необходимы, а безотказная «Шась-принт» сгинула вместе с остальным Тайным Городом. Купить себе паспорт у чловских уголовников? Увы, насколько Ромига знает эту публику, парня без рекомендаций, из ниоткуда, они мигом сдадут в полицию. Или попытаются ограбить и прикопать под ближайшим кустом. Вряд ли преуспеют, однако и нав не достигнет своей цели. Есть другой путь, гораздо надёжнее. Найти достаточно похожего на себя чела. Желательно, одинокого. Желательно, не местного. Разузнать о нём побольше — и подменить собой, избавившись от оригинала. Чела немного жаль: скорее всего, придётся его

убить. Но челом больше, челом меньше — сколько их миллиардов на Земле? Главное, высмотреть подходящую жертву. Нав — уже не праздный зевака, не любознательный исследователь: хищник на охоте, хотя внешне ничего не изменилось.

Хищник-то хищник, однако удача ему улыбаться не спешила. Челов подходящего облика в Москве — мягко говоря, не каждый первый. А в уязвимых обстоятельствах, чтобы легко и незаметно обстричь подмену без магии, их ещё меньше. Ромига не рассчитывал на быстрый успех и продолжал обдумывать альтернативные варианты своей легализации. Да хоть бы задурить головы каким-нибудь упоротым уфологам! Показать им свою чёрную кровь, представиться инопланетянином, потерявшим «тарелку», раскрутить их на укрытие и деньги... Фантазия работала полным ходом, не мешая осуществлять основной план. Но очень скоро обострившимся чутьём Ромига уловил чьё-то внимание к себе, пристальное и недоброе. При том был уверен: ни полиция, ни уголовные элементы, шнырявшие по улицам, не засекли его манипуляций с кошельками и барсетками. Это другое! Незадачливый хищник рискнул промышлять на чужой территории по-крупному, решил обосноваться на ней — его заметили. Вылезли из берлоги, лениво потягиваются, разминают когти, прежде чем вломить прищельцу. Ощущение было настолько острым, сильным и пугающим, что Ромига разом свернул свои поиски. Пожалуй, он успеет на последнюю электричку и переночует ещё разок на той даче.

Неприятно удирать, поджав хвост, а ещё неприятнее, когда это не помогает избавиться от давящего, буравящего спину взгляда.

Электричка почти пуста. Усталые контролёры прошли туда-сюда, проверили у него билет и отбыли с миром. Старик, клюющий носом в другом конце вагона, тоже не представляет угрозы. Взгляд из ниоткуда. Душекрад? Памятуя об этой своей проблеме, Ромига избегает засыпать глубоко и надолго, дремлет вполглаза. Нав способен пару человеческих жизней продержаться в таком режиме. Конечно, не факт, что это ему поможет. Однажды уже не помогло. Но внимание душекрада ощущалось иначе... Точно, не он! Нет, была в Ромигиной жизни *другая* тварь с таким тяжёлым взглядом. Представилась Пращуром, а настоящего имени нав так и не узнал. Вот на его присутствие похоже — просто до ужаса! В прошлый раз Пращур с Ромигой разошлись миром, и тот высказал намерение не вредить наву. Но здесь-то может оказаться не Пращур, или не только Пращур, а его соплеменник. Соплеменники.

В пустом вагоне никто не заметил Ромигиных острых ушей. А ощущение взгляда, между тем, ушло. Да только глупо надеяться, что, однажды обнаружив, *эти* оставят нава в покое.

Из электрички на своей платформе он вышел один и уже привычно нырнул с тропы в заросли орешника. Добыл из бурелома припрятанный там большой рюкзак с одеждой и съестными припасами, подошёл к дачам... В окне домишки, где он собирался ночевать, горел свет. И на террасе тоже. Во дворе стояла машина. А в доме на повышенных тонах переговаривались два голоса: женский и мужской.

— Паш, я тебе точно говорю, кто-то лазал. Спёрли Анютину копилку, может, ещё что-нибудь. Утром я проверю всё.

— Да ладно тебе, Мань! Не бывает таких аккуратных воров! Чтобы ничего не сломали, не изгадили? Небось, Валька заезжал за барахлом. Может, даже ночевал. Если с бабой опять поссорился. И без денег, как всегда...

Досадно! Но интуиция Ромигу не подвела, что он спрятал вещи в лесу. Сейчас подыщет себе другой пустой домишко... Оглушающий удар — без малейшего предупреждения. Теперь уже с навом не церемонились, вырубили сразу.

— Говорю же тебе, Альдира, мы попали не туда! Он не нашёл других Иули, и вообще никто его там не узнавал. А потом я услышал Пращура... Да, я не первый раз его слышу, но прежде он велел помалкивать о себе, а теперь — нет... Пращур сказал, чтобы я скорее забирал Иули и уходил, откуда явился, пока нас обоих не вывернули мехом внутрь.

— Мехом внутрь, говоришь? А знаешь, Гунтара, тебе пойдёт...

Голоса гудели в гулком пространстве пещеры, в ушах звенело, голова раскалывалась от боли, очень сильно мутило — очнувшийся Ромига воспринимал разговор мудрых с пятого на десятое. Тот, кто бил его по голове, здорово перестарался: череп таки не проломил, но сотрясение мозга обеспечил.

— Я запретил тебе самоуправство! Помнишь, Гунтара? Я же говорил, что мы с Нельмарой нагадали...

— Так я тоже вопрошал судьбу и стихии! Не ты один это умеешь, о временный глава Совета Мудрых. И что тут дальше спорить, когда мы уже вернулись? Вот он, твой Иули. Хочешь, сам приводи его в чувство. Хочешь, тащи к той знахарке из Вилья, которая не может исцелить себя без чужака. А я на Совете расскажу, как ты хранишь равновесие. Посмотрим, за кого тогда встанет большинство мудрых!

— Большинство мудрых уже выбрало меня. А твои лучшие друзья, Тринара и Ркайра, на год лишены решающих голосов за недавние беззакония. И мало им, они успели наворотить ещё. А тебя, умника, Пращур пинками загнал обратно на Голкья. Ты даже по торной дороге пройти не сумел, чтобы не заплутать!

— Э, нет, Альдира, мои дороги всегда ведут, куда надо. Это с Иули или его поганым миром что-то не так...

Ромига не сдержал тошноту, встал на четвереньки и расстался с остатками ужина. Физически — полегчало. Отполз от зловонной лужицы, сел, стараясь не делать резких движений. Кое-как сфокусировал взгляд на двоих мудрых, которые замолчали и с интересом наблюдали за его мытарствами. Альдиру Ромига знал в лицо, второго мудрого видел впервые, а вот голоса знакомые — оба. Выходит, именно этот, с незнакомой рожей, нава похитил. А потом, значит, притащил обратно на Голкья по приказу Пращура?

— Так вот ты какой, о мудрый Гунтара. Приятно познакомиться, — язык еле ворочается, но это не беда, это скоро пройдёт. — Так что, по-твоему, не так со мной или моим миром?

Гунтара открыл, было, рот, чтобы ответить, но Альдира решительно его перебил:

— Мы не знаем, о Нимрин, но мы непременно узнаем. А пока я провожу тебя к Вильяре. Ты нуждаешься в помощи.

К сожалению, нуждается: хотя бы отлежаться часок-другой в тихом, тёплом месте.

— Мудрый Гунтара, я тебя запомнил! За непрошеное путешествие ты мне заплатишь. За головную боль тоже. Со мной так нельзя.

Гунтара пожал плечами и вдруг выдал по-русски, с ужасающим акцентом:

— Ничего личного.

Ромига ответил: тоже по-русски и немного по-навски. А дальше диалог не пошёл, потому что Альдира очень ловко утащил нава на изнанку сна. Успел раньше, чем Ромига

собрался с силами — встать и продемонстрировать, как в Тёмном Дворе выворачивают мехом внутрь.

[1] 7 часов

Кто бы мог подумать, что он станет возвращаться в дом Кузнеца, как в дом родной? Однако, обнаружив себя на лежанке рядом с крепко спящей Вильярой, вздохнул с облегчением — невероятным! Пусть даже ощущение самого безопасного места во Вселенной обманчиво-зыбко. Но для него, в данный момент, кажется, так и есть. Альдира не стал проявляться в реальности, отбыл дальше по своим делам, и хорошо. Ромига лёг поудобнее, пристроил подушки под многострадальную голову, чтобы поменьше гудела, потянул на себя шкуру — укрыться.

— Кто побеспокоит — прокляну, — невнятно пробормотала колдунья, но не проснулась.

Ромиге тоже нужен покой и отдых. От яркого света и резких движений. От необходимости куда-то идти и что-то делать. А главное, от поганых мыслей, что так и норовят взорвать мозг изнутри.

Сняв асура с алтаря, нав как бы улучшил свою личную ситуацию: на тот конкретный момент. Заодно, помог миру Голкья обрести равновесие. Но не повредил ли он своему родному миру, отпустив эту тварь? Той части родного мира, без которой ему так странно, жутко и пусто? Хотя воображения не хватает представить, как асур изъял бы из земной реальности Тайный Город, не потревожив всего остального. Даже если асур просочился в прошлое и осуществляет свой план, то есть, пытается предотвратить Первую Войну. Почему совершенно другая линия исторического развития породила настолько похожую Москву? Ромига застонал сквозь зубы: загадка донимала сильнее головной боли. Но если он сломает голову, в прямом или переносном смысле, искать разгадки ему будет нечем!

Ушёл в медитацию, сосредоточив все силы организма на заживлении повреждений. Самые свежие — невелики. А за всё время на Голкья?

Тьма под закрытыми веками — Тьма в глубине его тела: в костях, связках и мышцах, в кровеносных сосудах, в нервной ткани... Родная стихия должна заполнять своё порождение от нутра до кончиков пальцев, жить в нём, действовать сквозь него... Стихия никому ничего не должна, и даже нав ей не должен, но таков правильный порядок вещей... Да, правильный. Кинуло в жар, пробрало ознобом, будто прорвало какой-то затор внутри. Тьма потекла, заklubилась, пульсируя в такт ударам его сердца. Легко. Свободно. Правильно. Он с наслаждением вздохнул полной грудью: раз, другой, третий. А потом на время перестал дышать — провалился в регенерационный анабиоз.

Сознание угасло и снова включилось, первым делом подмечая изменения в теле и вокруг. Голова прошла. Он замёрз и оголодал — ничего удивительного. А слева от него спит колдунья... Да, Ромига ясно ощутил не просто живую рядом, а присутствие магии. Сам он пуст, как после «навского аркана», но уже не туп, как кирпич.

Он! Снова! Чувствует! Магию!

Не подскочил и не заорал от радости только потому, что не захотел будить Вильяру. Затаил ликование в себе, как сокровище, лежал и блаженствовал, пока не уловил в ауре соседки явные нелады. Без энергии, без сканирующих арканов он не мог разобрать конкретики, но судя по тому, что уловил, колдунья больна, и, похоже, смертельно. Ромига знал, что она не оправилась от раны и отчаянно ищет пути исцеления. Видел, что мудрая

выглядит измождённой, но не чуял, что дела настолько плохи. Всю радость как мантикора хвостом смахнула! Он уже потерял трёх голки, которые были ему небезразличны: Мули, Латиру, Наритьяру Младшего. Меньше всего желал, чтобы шепутная ведьма отправилась к щурам вслед за ними!

Приподнялся на локте, заглянул в лицо спящей. Вильяра тихонько посапывала, подложив ладошку под щёку и не пробудилась от его взгляда, а лишь улыбнулась уголком губ. Знала, кто на неё смотрит, и была этому рада? Он вздохнул, откидываясь обратно на подушку: рваная аура и осунувшееся лицо в отблесках склянки со светляками — мало вдохновляющее зрелище. Да, Ромига не любитель умирающей красоты: всех этих чахоточных румянцев, прозрачной бледности, обведённых тёмными кругами печальных глаз. Когда он встречает такое, ему хочется это добить, исцелить или поскорее пройти мимо, других желаний оно не вызывает. Вильяра ему дорога, как никто другой вне дома Навь. Потому её — исцелить. К тому же, она ему кое-что обещала.

Вильяра сквозь сон улыбнулась своему воину. Почуяла, что он вернулся — и дремлющим рассудком сразу поверила, что теперь с ними обоими всё будет хорошо. По крайней мере, с ними может быть хорошо. Может! Хотя бы, может.

Вернулся он битый, но не сильно: ничего такого, с чем не справился бы сам. А пока справлялся, с ним происходило... Вот прямо сейчас произошло нечто очень важное и правильное.

— Ромига? — наедине ей всегда хочется звать его настоящим именем. Сегодня захотелось, как никогда. — Где ты был?

— О, какой интересный вопрос, Вильяра! Желал бы я это знать! Мудрый Гунтара попытался вернуть меня домой. Получилось — странно.

— Расскажешь?

— А расскажу, пожалуй. Занятная выйдет сказочка.

Вильяра чувствует, что ему совсем не «занятно», а очень-очень не по себе. Однако повествует он о своих похождениях с непринуждённостью бывалого путешественника. Иногда ему не хватает слов, и колдунья не всё понимает. Как так вышло, что он услышал сказки, но не смог расспросить сказителя о своих сородичах, которые куда-то пропали? Ах, он не ушами слушал, а держал в руках слова, запечатлённые в *книгах*?

Да, кое-кто из мудрых, не полагаясь на память, делает заметки о важнейших событиях и соотносит их с положением светил. Охотники зарисовывают на стенах пещер и быль, и сны. В иных мирах тоже умеют подобное: Вильяре как-то приснились тонкие белые листы с рисунками, сшитые в стопку. На тех рисунках кое-где были закорючки, которыми чужаки обозначают речь. Тот, чьими глазами смотрела сновидица, умел их *читать*.

Вот и Нимрин-Ромига *прочитал* сказки о своих сородичах. А Дóма Иули он в обычном месте не нашёл. Глядит теперь в потолок, гоняет желваки по скулам...

— Ромига, мы обязательно отыщем твой дом, — говорит ему Вильяра. — Мне сказывали, бывают миры-двойники, миры-призраки, миры-наваждения. Даже умелые сновидцы плутают среди таких. Но мы найдём твой дом, обязательно!

— Мудрый Гунтара провёл целый обряд.

— Ну и что? Ты лучше-ка вспомни, не заклиал ли ты себе обратную дорогу? Не запер ли дверь, уходя? Не замёл ли следы? Может, ты не собирался возвращаться домой? Может, не

желал, чтобы тебя нашли твои сородичи?

Он напрягся, как натянутая тетива, уши заострились.

— Я не помню всего. Кажется, я... Я уводил душекрада прочь. Ото всех, на кого он меня натравливал. Ото всех, кто был мне дорог. Уводил туда, где он попадёт в ловушку. Где встретит самого страшного своего врага и умрёт от его руки поганой смертью.

— Это было такое заклятие?

— Да... Вроде заклятия. Мы долго строили его вдвоём со стариком...

Нимрин зажмурил глаза и скрипнул зубами, будто от боли — нет, от злейшей досады.

— Я всё-таки не вернул старику обещание! Не. Вернул. Эсть'ейпнхар.

Вильяра долго ждала, пока он снова заговорит. Не дождалась, тихо переспросила:

— Ты не вернул ему обещание, и что?

— Я убил его этим, почти наверняка.

Вскинулся. Сел, подтянув колени, спрятал в них лицо. Он уже сидел так в день их знакомства, но в этот раз Вильяра не стала набрасывать ему шкуру на плечи. Целительское чутьё, чутьё мудрой велело его вовсе не касаться.

— Этот старик был твоим другом?

— Он считал *меня* своим другом и учеником. А я сделал его разменной фишкой в игре со смертью.

Иули снова надолго замолчал, и Вильяра молчала рядом. Ей же нечем утешить горе чужака о другом чужаке! Кабы речь об охотнике, она могла бы спросить стихии и прояснить судьбу...

— Я подставил Семёныча под удар, как потом подставил Латиру. Я и тебя подставил Онге.

— Я пока жива, — тихо рыкнула колдунья.

Он развернулся мгновенно, словно подкаменник. Заглянул ей в глаза. Ничего не сказал, только зрачки высверкнули снежными искрами.

— Я жива и буду жить, — со всей возможной твёрдостью сказала она. — Ты, Нимрин, поможешь мне исцелиться. Собери бродячие алтари в круг, как Онга в Пещере Совета.

— Как Онга? Я? После песни Равновесия? Ты не рехнулась, Вильяра?

Кажется, она слишком круто загнула: ещё немного, и её начнут убивать. Мотнула головой, горько усмехнулась.

— Собери их не как Повелитель. Не в Пещеру Совета и не в Дом Теней. Дозовись своего Камня под небом. Остальные явятся следом за ним, и мы с тобой сможем войти в круг. Там я обрету либо исцеление, либо смерть.

— Либо-либо? — он смотрел на неё оценивающе.

— А иначе я просто не доживу до тёмных лун.

— Допустим. И как мне дозваться этого Камня?

— Он знает тебя. Значит, он явится сам, когда ты будешь особо нуждаться в колдовской силе. А чтобы выманить его под небо, мы не останемся в доме, а отправимся в странствие. Сразу, как только я разберусь с Аю. Скорее, пока зима ещё не слишком сурова, а я держусь на ногах.

— Вильяра, ты зовёшь меня идти *куда-то* — или куда глаза глядят?

— Куда глаза глядят, но пока по угодьям Вилья. Альдира сказал мне, алтари не уйдут далеко от места, где недавно отведали крови. И от того, кто их прикормил.

— Ладно, допустим. Камни явятся, мы войдём в круг, ты найдёшь там исцеление или

смерть. А я?

— А ты просто войдешь и выйдешь, обретя силу. Как из обычного круга.

— Вильяра, ты сама уверена в том, что ты сейчас сказала?

Она чуть помялась под его недобро-пристальным взглядом и честно ответила:

— Нет. В круге алтарей наши судьбы будут в наших руках: больше в твоих, чем в моих.

Альдира мне так сказал, когда я спросила его о тебе. А дальше он объяснять отказался.

— То есть, твой Альдира отправляет нас ловить бродячие алтари «на живца», как первые мудрые? Меня назначает ловцом, а тебя — «живцом»? Добро же!

Он ухмыльнулся так, что Вильяра шарахнулась, едва не упав с лежанки. Будто увидела в чёрных глазах свою смерть, и смерть жуткую. Однако Наритьяры её закалили: не упала, не сбежала — спросила, и голос дрогнул лишь самую малость.

— Ты-то откуда знаешь про первых мудрых?

— Рыньи кое-что сказывал, и мне стало любопытно, как у вас было на самом деле. Лежал, болел, вспоминал. Вспомнил, что знают об этом Тени... Нет, не расскажу.

И так-то наговорил лишнего, напугал её. Сгоряча наговорил, не подумавши. Как, сгоряча, не подумавши, принудил Семёныча к заклятию обещания. Обрѣк того, кому желал долгой жизни, на дурную, мучительную смерть. У самого теперь сердце болит, а сделанного не воротишь: нет ничего бесполезнее запоздалых сожалений. Хотя и уверенности нет, что Семёныч погиб... Увы, есть у него такая уверенность, нечего упражняться в самообмане!

Ромига закрывает глаза — под веками Тьма и только Тьма, а всё-таки бывший геомант помнит, как мерцали сквозь неё нити, держащие мир. Помнит узор, который плёл вместе со стариком. Помнит, как в последний вечер, ночь, утро неумолимо затягивались не предусмотренные двумя геомантами узлы... Со смертью старика — затянулись. Ромига таки запер за собой дверь. Теперь он не вернётся в Тайный Город, пока враг врага не укажет ему дорогу домой: из бонуса это стало обязательным условием... Да, это простейшее объяснение, почему умелый проводник завёл его не в ту Москву. Что она такое и откуда взялась — вопрос отдельный.

Жутко, тоскливо, безнадёжно. Самое страшное: Ромига, как никогда, понимает Онгу, который пошёл в разнос, решив, будто он последний нав во Вселенной. Навы слывят индивидуалистами, строго блюдут своё личное пространство и частную жизнь. Однако никто из них не мыслит себя вне глубинного единства Нави. Одиночки не выживают: это в крови. Мир, где навы стали собой, был слишком суров, хуже Голкья.

Авантюрист Ромига годами не бывал в Цитадели, но всегда мог туда вернуться. Встречая других навов, радовался не только общению: родной ауре рядом. Самую интересную добычу тащил домой, будь то находки или отчёты об исследованиях...

И вот его отделяет от Нави не только Великая Пустошь, что само по себе многовато, а воля неведомого существа, которое, *если будет благосклонно, соблаговолит указать ему путь*. Или не соблаговолит! И что ты, «маленький нав», с этим поделаешь? Может, всё-таки рискнёшь обрести могущество Повелителя Теней, от которого ты так поспешно отказался? Станешь самым страшным врагом своего врага, сам убьёшь его, сам проторишь себе дорогу в Тайный Город... Ага, чтобы пожрать Землю. Следом за Голкья и миром душекрада!

Ромига уже побывал Повелителем Теней и помнит больше, чем нужно живому, разумному для спокойствия. Он сам не ползет в этот поток второй раз. Но совершенно не

удивится, если внешние обстоятельства начнут его туда подталкивать всё настойчивее. Ему пора уносить ноги с Голкья, но прежде он попытается помочь Вильяре. Семёнычу долг возвращать уже поздно, ей — пока нет. А как будет выглядеть та помощь в её глазах... Да какая разница, лишь бы осталась жива!

Оказывается, Альдира не только Ромигу перенёс в дом Кузнеца, но и притащил оба его рюкзака. И стопку книг, перетянутую пластиковой бечёвкой: весь цикл о Тайном Городе, за исключением четырёх книжек, которые Ромига сам украл или купил. Нав поспешно сдёрнул завязку, раскрыл верхнюю книгу — прочёл надпись на форзаце. Серебристыми чернилами, изящным, стремительным почерком: «Познавательного тебе чтения, нав» И подпись: «Пращур».

Вильяру больше занимали рюкзаки и отброшенная Ромигой бечева, чем книги, но на рычание и острые уши она не могла не среагировать.

— Что там?

— Привет от Пращура. Пошли зов Альдире, спроси, кто мне это передал?

Выяснилось, Гунтара добыл и притащил на Голкья то, чем Иули интересовался по ту сторону звёзд. Как виру за телесные обиды при похищении. А когда и откуда появилась дарственная надпись, мудрому неведомо. Сам он представляет, как и зачем чужаки пользуются книгами, но читать-писать на том наречии не умеет. Просто запомнил обложки, потом вернулся по следу и забрал. Лавка большая, переживёт недостачу...

Ближайшие несколько дней Ромига чередовал познавательное чтение и работу в мастерской. Доводил до ума нож. После полировки стало очевидно: сталь клинка не матово-чёрная, как должна быть, а тёмно-серая, с тусклым, сумеречным блеском, будто, кроме черноты навской крови, впитала она свет местной луны. Но хотя Ромига недоволен видом своего изделия, а рабочие качества обещают быть удовлетворительными. Переделывать нет ни желания, ни надежды, что выйдет лучше. За неимением «чёрной пасты», оплёл рукоять ножа ремешком, смастерил ножны, на том и закончил.

Побывал у Зачарованного Камня. Лишний раз убедился, что чувствительность к магии вернулась, но взять энергию по-прежнему не смог. Для мира Голкья это, скорее, хорошо, однако Ромигу не утешает.

Обратно шёл кружным путём, до нижних ворот. На полдороге встретил Рыньи, который упражнялся с большим охотничьим копьём. Кажется, с тем самым, трофейным от беззаконников. Парнишка уже довольно ловко метал копьё в цель. На предложение Ромиги побыть ему живой, движущейся мишенью испуганно округлил глаза.

— А вдруг, попаду?

Нав ухмыльнулся:

— Попробуй.

Хорошо поиграли! Задеть себя Ромига, конечно, не позволил. Не столько шкуру свою пожалел, сколько дарёную Рыньи, заботливо перешитую охотницами одежду. Но несколько раз перехватывал опасные броски, а зверю от Рыньи, пожалуй, уже не увернуться. Набегались, напрыгались...

— Нимрин, пойдём вдвоём на дикую стаю? Тётка не велит мне отлучаться далеко одному, а звери-то ещё сытые, к жилью не лезут. А большую охоту мастер Лемба всё

откладывает и откладывает. А мне надо! Мудрый Альдира намекнул, что Вильяра хочет меня в ученики и Младшие. И я хочу! Но пока зверя своего первого не убью, никто меня по-настоящему учить не станет. Пойдешь со мной?

Нав пожал плечами:

— Рыньи, я не лучший напарник для охоты в дальних снегах. Уговорил бы ты кого из ваших взрослых?

— Да все заняты! А ровесников я не хочу подбивать, не готовы они, пусть ещё белянок постреляют. А ты, Нимрин, и сам развеешься, а то ходишь хмурый да унылый, как сирота по ярмарке.

Ромига тут же опрокинул мальчишку в снег за непочтительность, хотя была в его словах изрядная доля истины. И хмурый, и унылый, и «сирота на ярмарке».

За последние дни нав не только доделал нож и подробно изучил тайногородские новости в изложении человеческого беллетриста. А кое-как переварил то, что мир в очередной раз перевернулся вверх тормашками. Собирал волю для возвращения домой: сколь угодно кружным и долгим путём. Друзья навы его попросту не поймут, если он сгинет, как Вельга! Но старательно припоминая самые яркие, вдохновляющие эпизоды своей жизни, вспомнил ещё толпу младших — кроме Семёныча — чью судьбу так или иначе поломал. Не врагов, нет: их-то кто считает! А тех, кому Ромига благоволил, и они тянулись ему навстречу. Масаны, люды, чуды, челы... В своё оправдание он мог бы сказать, что сделал их жизнь не скучной, но стоило ли то дурных смертей? Горечь, стыд, вина накатили с невиданной силой. А потому ещё, что слишком многое раньше он оправдывал благом Нави. Благом Великой семьи — и себя, как её части. Привык расплачиваться за свои промахи, кем под руку попало. Сожалел — и снова расплачивался, уверенный в своём праве. И не то чтобы, испытав немислимое прежде одиночество, Ромига стал меньше ценить свою жизнь: как ни крути, она у него одна. Скорее, по-новому раскрылась цена чужих...

Рыньи изловчился, подбил нава под ноги и тоже уронил в сугроб. Без обиды, без злости, как щенки играют. Щенок и есть! Ромига до недавних пор был таким же. Да перестал ли? Слабая надежда, что хоть немного научился предусмотрительности...

Встал, отфыркиваясь от снега, подал руку Рыньи:

— Побежали домой, ужинать.

— Так ты пойдешь со мной на охоту, о Нимрин?

— Ну, если мудрая Вильяра не даст мне каких-нибудь поручений... А когда ты собираешься?

— Если не испортится погода, и с моими шерстолапами всё хорошо, то послезавтра. Две ночи-то я посплю, поразведаю, где бродит стая. Можем сразу на место — изнанкой сна. Я тебя уже водил и ещё раз проведу... В обе стороны, не как тогда!

Да уж, бесчувственной тушкой в асурский портал — лишнее, тут и обсуждать нечего! Тем более, двое мудрых уже провели с юным сновидцем воспитательную беседу.

— Хорошо, Рыньи, я пойду с тобой... Но при условии! Если вдруг я говорю тебе, уходи один, ты мгновенно, без споров, не раздумывая, мчишься к мудрой Вильяре! Бегом или изнанкой сна, по обстановке. Мчишься к мудрой за помощью.

— Нимрин, ты опасаясь тех, кто охотился на тебя у Синего фиорда?

— Их, или... Мало ли, кого или что можно встретить в дальних снегах. Звери — по твоей части, охотник. Всё остальное — по моей. Обещаешь слушать слово воина?

— Как в ночь бунта Арайи?

— Да, как в ту ночь.

— Обещаю.

— Вот и договорились. А теперь — бегом!

Мальчишка сорвался с места с задорным воплем:

— До ворот — наперегонки!

Не упрыгался с копьём, выносливый! Нав — быстрее, но проваливается в снег: где по щиколотку, где по пояс. А Рыньи подколдовывает, скачет по насту, почти не оставляя следов. Так и домчались до накатанной колеи к воротам: то один впереди, то другой. По твёрдому накату Ромига мог бы оторваться, но не стал. Притормозил, переходя на шаг. Рыньи последовал его примеру, а едва отдышавшись, озадачил вопросом.

— Нимрин, ты научишь меня письменам, как в книгах, которые ты принёс из-за звёзд?

— Твои старшие почитают это баловством.

— Может, и баловство, но занятное. Научи! Хочу видеть своё имя написанным.

Ромига взял у мальчишки копьё и древком начертал на снегу: «РЫНЬИ».

— А твоё имя?

— Ну, или так, — «НИМРИН», — Или, — Ромига украсил сугроб иероглифом своего настоящего имени.

Мальчишка смотрел во все глаза, потом спросил:

— А почему твои знаки такие разные?

— А потому, что одно и то же можно запечатлеть разными знаками, на разных языках. Пожалуй, я научу тебя *буквам*. Они более-менее годятся для любого языка, для вашего — тоже. После ужина бери уголёк, ищи чистую стену, поучим азбуку.

Это и в самом деле оказалось занятно. Идею звукового, алфавитного письма Рыньи ухватил на лету, а дальше... Кто знает, вдруг да приживётся письменность на Голкья — стараниями Младшего Вильяры? Хотя Ромига понимает, почему мудрые без неё обходятся, полагаясь на память живых больше, чем на любые материальные носители. Ровно потому же, почему большинство охотников не обременяют себя предметами роскоши. Условия мира слишком переменчивы и неблагоприятны. Живые тоже гибнут под ударами стихий, но проще унести ноги самому, прихватив минимум скарба, чем спасти дворцы, музеи, библиотеки. Впрочем, Ромига преподавал мальчишке ещё один урок: попросил зачаровать книжки из другого мира от порчи водой и сыростью. Сам он бы сделал лучше, да нечем.

Вильяра злилась! Страшно злилась на дурёху Аю, которая сняла зачарованное зеркало со стены и спрятала так, что мудрая еле отыскала. Конечно, Аю не виновата в собственной дурости, и жалко её без меры, а всё равно колдунья на неё злилась. Но не показывала виду, держала себя в руках, по-знахарски.

Ещё сильнее Вильяра злилась на купчиху Тари. Сама бы её изгнала, да Ркайра, с одобрения Стиры, уже угостил родителей Аю похлёбкой со зверомором.

На Ркайру со товарищи Вильяра тоже продолжала злиться, хотя стараниями Альдиры мудрые уладили разногласия. И даже не на Совете, а между собой, чтобы имя Нимрина лишний раз не прозвучало для тех, кто желал его погубить. Гунтара, Ркайра и Тринара признали свою неправоту в похищении Вильяринового воина, в незаконном вмешательстве в дела Сти и Вилья. Хотя горемычной Аю они не слишком навредили. Главный, громадный, трудно поправимый вред — от родственных чар. Ркайра прав, что заставил Тари снять их, пока пойманная отравительница попросту не убила свою дочь. Купчиха могла, хотела и не скрывала своего незаконного, а отчасти, безумного желания.

А истоки его — сродни бедам Вильяриной матери и тётки!

Купцы странствуют по всему обитаемому миру. Здесь приобретут, там продадут, здесь одно, там другое. Самые умелые и дальновидные заранее просчитывают торговые цепочки, ведут переговоры с продавцами и покупателями, гадают и выгадывают, лишь бы к зиме вернуться домой или остаться там, где их назовут почётными гостями. Но даже самых опытных подстерегают удары стихий, нападения незаконников, сорванные сделки. Такова жизнь купеческая, и тот, кто не готов к превратностям судьбы, не встаёт на этот путь — или быстро с него сходит.

Укана и Тари из клана Сти торговали второе лето, однако не могли похвастать ни безупречностью своих расчётов, ни цепетильностью в делах, ни удачей. Они не прогорали совсем, но прибыль почти не имели. И меж других купцов своего клана уважения не снискали. Зима застала их в угодьях Наритья. Ходили они тогда в ватаге Альзы, сына Поджи, он и пригласил их зимовать в дом своего отца. Статному рыжему Альзе Тари благоволила гораздо сильнее, чем подобает замужней жене. Муж это молча терпел, подсчитывая выгоды от покровительства Купца Купцов, как многие называли Поджу. Предложение зимовки — не гостями, а старшими слугами — Укана счёл за честь для себя и жены. Ведь слуги переходят в клан того дома, который их принимает, и, если зимовка пройдёт удачно, то имеют право в нём остаться. Уроженец захудалого дома, не самого уважаемого клана захотел стать Наритья! Тари же вовсе мечтала по весне развестись с Уканой и выйти за Альзу. Сына Укане она уже родила, мальчика воспитывает его родня, а дочь... Почему бы её дочурке не быть рыженькой и не расти в богатом доме Купцов? Саму Тари её материнский род не жалует за своенравие, ну и щур с ними со всеми.

Близкое знакомство с порядками в доме Поджи вдребезги разбило надежды обоих. Разочарованные Сти ушли бы искать себе другое место зимовки, да морозы крепчали не по северному быстро. Тари слышала, что на юге низкое солнцестояние — осенью, но не представляла, каково это. Короткие дни тогда, когда она привыкла к длинным, угнетали её,

вгоняли в оторопь и тоску. Солнце едва выглядывало из-за зубчатых вершин Дикой Стаи, а длинными ледяными ночами озябшие звери скреблись в ворота дома. Нет, пускаться в путь без ватаги — верная погибель!

А Наритья, зная, что выходцам из дальних кланов деваться уже некуда, почти не делали разницы между старшими и младшими слугами. Старшим, по обычаю, позволяли говорить на семейных советах, однако не слушали — глумились, предлагали дорогу в белые снега, если что не нравится. Всех пришлых, без разбору, нагружали грязной работой, селили в хозяйственной части дома, ограничивали в еде, поколачивали за провинности. Служанок помоложе, покрасивее глава дома и его родичи валяли по шкурам, не особо спрашивая согласия. Тари пожаловалась Альзе на приставания его брата Сулы — была бита обоими, потом обоих же ублажала, заглаживая свой «проступок». Для северянки — немыслимо! Вернувшись в закуток, где ютилась с мужем, Тари отчаянно рыдала, а Укана лишь зубами скрипел да напоминал, чья воля привела их в ватагу Альзы и в этот дом. Укана был даже по-своему прав: в их малой семье решающим голосом обладала женщина из влиятельного материнского рода. Но он же ей не возражал — тогда. А теперь мог бы хоть словами поддержать, не корить! Тари плюнула ему под ноги и стала всё чаще задерживаться в покоях Альзы и Сулы. Раз на мужа надежды мало, а прочая родня осталась за студёными морями и даже зова ей не шлёт, то сыновья Поджи... Не так уж скверно они с ней обращаются, когда она тиха и покорна, по примеру южанок. И кормят в хозяйских покоях сытнее, и тепло там, и светло.

Возможно, смирившись, она кое-как скоротала бы зиму до весны. Но, кроме Поджи с роднёй, в доме обитали ещё трое мудрых. Их-то побаивались даже урождённые Наритья! Слуги шёпотом, с оглядкой сказывали, как бессмертные колдуны отбирают у охотников жизненную и колдовскую силу, чтобы стать ещё могущественнее — и сделать Голькья угодьями одного-единственного клана. Наритья почитали своих мудрых, верили им, желали быть кланом над кланами, но каждый опасался за себя, за своих детей — и в меру возможности подставлял ненасытным Наритьярам чужаков, кого не жаль.

Старший Наритьяра взял служанку Тари в круг на исходе зимы, и это было ещё терпимо. Она полежала пластом несколько дней, но после злых забав Альзы — не привыкать. Солнце росло, поднималось всё выше, заливая снега ослепительным сиянием. Ещё чуть-чуть, и можно будет навсегда покинуть дом Поджи, угодья Наритья, Марахи Голькья. Позабыть неудачную зимовку, как поганый сон, а впредь спрашивать совета у более опытных купцов Сти — и слушать их.

Уходить собирались вдвоём с Уканой. Луна светлела, яркая южная весна будоражила кровь, как никогда, и Тари перестала брезговать его прикосновениями. Вспомнила, как любезен он ей был: даже с матерью и роднёй она поссорилась, лишь бы назвать Укану, сына Ла своим мужем! И он воспрянул, обнимал её горячо и нежно...

Рыжий Альза тоже праздновал весну: его игры с жёнами и служанками стали более сладострастными, менее грубыми. Женщины вздыхали с облегчением.

Средний Наритьяра зашёл в покои Альзы, когда Тари, на своё несчастье, ублажала его там. Мудрый понаблюдал, как они мнут шкуры, потом указал рукой на голого, распалённого охотника и велел:

— Альза, поди за мной!

— Куда о мудрый? — посмел переспросить тот, мгновенно слабея, опадая и

покрываясь испариной.

— Туда, где с тебя хоть какая-то польза. Одевайся. Помедлишь — пожалеешь.

Альза скатился с лежанки в ноги мудрому, крупная дрожь била его:

— Лучше её, её возьми в круг, о мудрый. Эта северянка горяча, полна сил, и ты ещё не пробовал её.

Наритьяра расхохотался, пнул Альзу под челюсть, так что у того зубы лязгнули, и обратил взор на женщину. Мудрый был ослепительно прекрасен! Тари мимоходом подумала, что любой живой должен обмирать от счастья, служа ему, и надолго утратила способность думать. Встала, оделась и пошла. И он ввёл её в круг Зачарованных камней.

Что он там с ней делал, память толком не сохранила. Боль, ужас, унижение — и непонимание: за что, зачем?

Вильяра сама имела дело с Наритьярами, потому отчаянно сочувствовала незадачливой купчихе, пока Ркайра пересказывал её зловключения в доме Поджи. Да, Тари не от большого ума влезла в ловушку и мужа втянула. Но никакая дурость и нечистоплотность не оправдывает того, что с ней сотворили мудрые! Те самые, кто по законам и обычаям должны были защищать её — и других слуг — от самоуправства хозяев дома. Будь Тари гостьей, не служанкой, она была бы в праве пожаловаться Стире. Хотя Вильяриной матери даже хранитель её клана не помог. А в доме Купцов печальную участь беглой и проклятой жены Поджи, знахарки из Вилья, часто приводили в пример. Запугивать там умели...

Тари выжила, хотя и с трудом. Укана выходил истерзанную жену, тело её быстро пошло на поправку, но разум заплутал где-то на щуровых тропах. Она то лежала, ко всему безучастная, в корзине с морским мхом, то буйствовала так, что приходилось связывать. Укана не надеялся довезти её домой через три Голкья, но однажды в отчаянии припомнил арханских купцов, о которых шла слава, будто они умеют переправлять вещи и разумных по изнанке сна. Укана послал зов сновидцу Ракте и договорился с ним об услуге за услугу.

Поджа не стал удерживать в доме нерадивого слугу с больной женой, Альзе и Суле безумица тем более ни зачем не сдалась. Двое Сти — снова Сти, не приёмьши Наритья — выехали на тракт. Вряд ли они добрались бы до своих угодий по начинающейся распутице, но в условленном месте их поджидал сновидец.

Тари пришла в себя уже в доме родителей Уканы. Точнее сказать, почти пришла: ни одному мужчине, включая мужа, она не позволяла себя касаться, а когда поняла, что беременна, так ужаснулась, что едва не сиганула с обрыва. Ребёнка она могла зачать от Уканы, Альзы или Сулы, однако вопреки всему решила, будто носит дитя Наритьяры Среднего. Будто не ради злой забавы он измывался над ней, не выжимал из неё силу, а творил некий обряд, дабы преодолеть бесплодие мудрых. И будто ему удалось. Тари возненавидела «плод поганого колдовства» в своей утробе, однако не попросила у знахарки травок, а выносила и родила. Беленькая, голубоглазая девочка, в самом деле, пошла не в Укану, не в сыновей Поджи, не в саму Тари. Как иногда случается, маленькая Аю уродилась похожей на свою бабушку, мать Уканы. Но тронутая умом женщина не смотрела на родственниц — она просто знала, чья дочь, в кого она такая. Знала и ненавидела!

Нет, в сказках про ведьму Нархану рассказывают, будто некий мудрый зачал её в круге Зачарованных Камней. Однако хранитель знаний Нельмара утверждает, что это врака:

попытка сказителей объяснить слишком яркий колдовской дар непосвящённой. А детей у тех, кто отсёк свои родовые ветви, не бывает, исключений не встречали даже старейшие из старейших.

И когда Тари срывала с Аю родственные чары, Ркайра заметил в ауре Уканы отчётливое эхо, значит, именно Укана — отец Аю. Истинное положение дел таково, однако Наритьяра Средний, по своему обыкновению, посягал на невозможное, а жертва его опытов поверила, будто у него получилось. Вильяра одного лишь понять не может: почему Тари не вытравила нежеланный плод или не отдала дочь на сторону после родов, чтобы никогда её не видеть? Но мысли сумасшедших запутаны, как следы подкаменников на песке — а мудрой теперь исцелять последствия!

К счастью, потрясение от разрыва чар Аю пережила. Очнулась, вспомнила, как её зовут, где она сейчас, даже что с ней произошло — в общих чертах... И засмотрелась в зеркало, снова висящее на стене в её покоях. Хорошо, что Вильяра зачаровала его раньше и нашла спрятанное: повторить бы уже не смогла. Пора, пора отправляться в снега с Нимрином, искать бродячий алтарь, пока силы не оставили её совсем. Или уже поздно? Станет ли она своему воину помощью — или обузой в странствии?

Однако, чужак лёгок на помине! Сунулся в дверь, смерил Вильяру и Аю быстрым взглядом: показалось, неодобрительным. Но приветствовал их, улыбаясь. Сообщи, что послезавтра собирается на охоту вместе с Рыньи, в дальние снега. Вильяра облегчённо вздохнула и сказала:

— Иди, Нимрин! Удачи вам обоим! Если вдруг ты найдёшь, что мы с тобою ищем, пришли Рыньи за мной, я сразу явлюсь.

Он прищурил чёрный глаз, будто прицелился:

— Да, я позову, — и веско добавил. — Пора.

И вдруг скользнул к ней, обнял, притиснул к себе. Поскольку Вильяра сидела на лежанке, а рослый чужак стоял, она уткнулась лицом в его тощее, мускулистое брюхо. Чуть вывернув голову, плотнее прижалась щекой к тёплой коже. Нимрин совсем перестал мёрзнуть в доме, привык ходить без куртки, как охотники, и хорошо. А Вильяра, наоборот, всё сильнее зябнет, и знахаркиной дочери не нужно объяснять, к чему это... А он всё гладил, перебирал и теребил её гриву. У кого ещё такие ласковые, чуткие пальцы? Пару раз вздыхал порывисто, словно набирал воздух что-то сказать, но промолчал. Отпустил её и скользнул обратно к выходу. Лишь закатывая за собою дверь, подмигнул Вильяре:

— Мудрая, жди. Я позову.

— Кого, кого он позовёт? — встрепелась Аю.

— Меня позовёт. К моей судьбе.

— Вильяра, мудрая, а почему ты плачешь?

Вильяра сердито смахнула непрошенные капли со щёк: совсем раскисла. Но раз уж дала слабинку при той, кого взялась лечить, объяснись и не пугай её!

— Устала я, Аю. И рана болит — поганая, колдовская.

Ждала новых расспросов, а получила, совершенно внезапно, ещё одни объятия и детскую песенку исцеления. Ладно, от этого-то уж точно вреда не будет. Никому! Вильяра подпела. Так и пели обнявшись, словно две сестрёнки в детских покоях, так и уснули одним клубком.

Взглянув на мудрую, Ромига понял, что времени у неё нет. Совсем. Что будет, пока Рыньи соберётся на охоту, пока Аю поправится? Что-то, наверное, будет, но Вильяры в живых уже не будет с большой вероятностью. Пугающе большой. Значит, и Ромиге дожидаться нечего. Собрал кое-какие пожитки в рюкзак, взял лук со стрелами и копьё, встал на лыжи и укатил в ночь. Благо, темнота наву не помеха, а подмога.

Сторожа́ у ворот спросили, хорошо ли он подумал и не желает ли подождать до утра? Но препятствий ему чинить не стали, выпустили.

Дыхание перехватывало от мороза, волосы мгновенно выбелило инеем, но нав не спешил натягивать капюшон, чтобы не проглядеть, не прослушать что-то интересное или, хуже того, опасное. В безлунном небе перемигивались мириады звёзд, снег истошно орал и скрипел под лыжами, словно оплакивал кого. Даже любопытно, на сколько миль разносится эта какофония? Однако маскироваться ему нечем, только положиться на удачу.

Авантюра ли — идти в снега одному, без магии, без связи, почти не зная местности? Да, чудовищная! Так и надо, чтобы Камень скорее явился. А ещё Ромига не посмел никого звать с собой на эту охоту. Бродячие алтари дурят головы голки. Нава́м — тоже, но Ромигу хотя бы учили противостоять подобному. Потому он разыщет свой алтарь сам, а после уже пригласит Вильяру. Самое слабое место плана: даст ли ему Камень энергии на безмолвную речь? Ну, в крайнем случае, Ромига ногами вернётся за колдуньей.

Часть сугроба встала навстречу одинокому лыжнику, зажгла огни глаз... Застрекотала приветственно, подбежала и начала тереться об ноги: зверь Юни соскучился по хозяйке, а от Ромиги ею хоть немного, да пахло.

— Пойдёшь со мной? — спросил нав, начёсывая мохнатый загривок.

Зверь ответил звуком, подозрительно похожим на неразборчивое «пойду».

— Ну, тогда вперёд, как мы мудрого Латиру искали. Упряжь твою я не догадался взять, так что будешь сегодня не ездовым, а дозорным. Вперёд!

Трудно сказать, насколько Юни осознал задачу, но команде внял: потрусил впереди, рыская по сторонам, изредка оглядываясь на нава.

Поначалу Ромига держался знакомого маршрута по гребням отрогов. Не разгонялся, шёл неспешно. Смотрел, слушал и думал: как найти то, чего не терял? Или тыкаться наобум, или припомнить всё, что ему известно про повадки древних алтарей, и призвать на помощь логику.

Бродячий Камень может объявиться, где угодно, но не вплотную к стоячему. Поэтому, когда Ромига в пургу заплутал над домом Кузнеца, шансов встретить свой алтарь у него практически не было. А вот по мере удаления от тамошнего Зачарованного Камня шансы растут — и будут расти, пока не начнёшь приближаться к другому. Ромига лично знает четыре Камня: у дома Кузнеца, у Синего фиорда, у Ярмарки, и где отлёживался. На самом деле, в угодах Вилья их гораздо больше. Если хорошенько напрячь память и совместить образ Голкья, который Ромига изучал в Пещере Совета, с подарками Вильяры и наследством Теней, то получится довольно приличная карта. Только неудобно держать её в уме: он остановился и начал набрасывать на снегу грубую, упрощённую схему. Да, лишь на первый взгляд кажется, будто Зачарованные Камни расставлены по лику Голкья безо всяких закономерностей. Во-первых, почти все они — на возвышенных местах, не затопляемых в паводки и высокие приливы. Во-вторых, довольно ясно угадывается структура, сеть энергетических потоков, и Камни тяготеют к её узлам. В-третьих, не все узлы заняты, и

алтарь, скорее всего, придёт на свободное место. В-четвёртых, если алтарь тянется к наву, это будет ближайшее к дому Кузнеца свободное место. Пожалуй, ткнувшись наобум, он угадал перспективное направление поисков.

Подозрительный шум справа — Ромига вскинул голову — Вильярин зверь поднял из сугроба побегайку. Нав засмотрелся на погоню: как мечется зигзагами мелкая дичь, как Юни скачет за ней, бьёт тяжёлыми лапами, щёлкает пастью... Поймал бы уже, если б захотел, но нет, гонит к Ромиге, подводит под выстрел или удар копья... Нав сшиб побегайку в прыжке посреди недорисованной схемы. Зверь, гася инерцию, пробежал наискосок.

— Ну, спасибо, Юни! — рассмеялся Ромига.

Схема на снегу своё отработала, подробнее он зарисует её в тетради. Потом. Может быть. Подобрал добычу, рассмотрел, отдал зверю.

— Ешь, Юни, я не голодный. Я пойду дальше. А ты, как доешь, догоняй.

Зверь глянул с отчётливой укоризной — захрустел костями, разрывая тушку на куски, торопливо их заглатывая.

— Ладно, я подожду тебя. Жуй спокойно.

Юни заурчал и продолжил трапезу уже без спешки. Удивительно понятливая тварь! Между трезвым и пьяным Шапкой, как сказали бы дома.

Итак, впереди угадывается свободное место, прореха в сети Зачарованных Камней. Не точка — область, миль пятнадцати в диаметре. Ну и где в ней искать щуров булыжник? Онга нашёл его, буквально, задницей: присел отдохнуть. И не на холме или гребне, как следует по логике, а на склоне какой-то промоины. Ещё Онга был ранен, расшибся при падении и терял кровь. Но подманивать алтарь своей кровью Ромига не хочет. По крайней мере, не здесь и не сейчас. Далековато ещё до узла, да и место не по нраву.

Ведь если у нава всё получится, то не только Вильяра выздоровеет, но и те алтари-Камни, которые Онга приводил в Пещеру Совета, перестанут бродяжничать, искать себе новых жертв. А выйдет из всего этого безобразия нормальный Зачарованный Камень, будет раскрываться в нормальный круг. И раз уж Ромиге предстоит исполнить ещё одно древнее таинство Голкья, он исполнит его с шиком и блеском, достойным Мистера Безупречность. Выберет для своего Камня местечко покрасивее да поприметнее. На каком-нибудь бугре, где привольнее дышится, откуда видно и горы, и море... Так, ладно, с маршрутом он примерно определился.

Зверь Юни не оставил от побегайки ни косточки, ни клока шерсти, ни пятнышка крови на снегу.

— Юни, ты голодный, что ли? Не охотился в одиночку, тосковал по Вильяре?

Зверь тяжело вздохнул, подошёл и ткнулся лобастой башкой под руку. Нав погладил его, почесал, потрепал мягкие уши. Наговорил ласковых, утешительных глупостей, словно младшему разумному. У самого-то сердце щемит ледяная тоска, а сквозь неё всё неумолимее прорастает ощущение идеальной своевременности, правильности происходящего. То самое ощущение, что Ромигу когда-то пьянило и заводило: во всех смыслах. Теперь бодрит, да не радует. Но пусть укажет путь к цели и поможет не сорваться. Тоже во всех смыслах.

Ближе к рассвету нав стоял на крутом скальном останце, совершенно уверенный: вот оно, искомое место. Безусловно, красивое и приметное. Неожиданно труднодоступное. По наклонному гребню с нависающими снежными карнизами Ромига взобрался один, налегке, оставив Юни возле сложенных в кучку вещей. Зверь просто не пошёл следом: взвыл

виновато, лёг и прикрыл нос хвостом. И дело не в крутизне, не в угрозе лавины, а в том, из-за чего нава потянуло сюда. Энергетический узел, средоточие! Звери избегают Зачарованных Камней, и даже если Камень *пока ещё* не здесь...

Ну, по крайней мере, его не видно. Плоская вершина останца, ярдов тридцать на пятьдесят, просматривается от края до края: зализанный ветром снег, кое-где из-под наддувов чернеют углы и грани скальных выходов. Чутьё на магию не выделяет ни один.

Ромига наскоро полюбовался видом с обрыва — хорош. Отошёл от края и присел на выпирающую из-под снега плиту. Достал фляжку с водой, заботливо бережённую от мороза под курткой, сделал пару глотков...

— Щурова сыть! Эсть 'эйпнхар!

Скала-то, на которой он сидит, тёплая! И снег от того тепла не тает, а бездомные навы — вполне. Ну как ни растаять, когда после полной потери и медленного возвращения колдовских способностей, после магического голода и долгой невозможности его утолить ты вдруг окунулся в подходящую, почти родную энергию? Тело впитывает её без малейшего усилия, без контроля разума — и тут же тратит на регенерацию, на восстановление привычного комфорта... Может, пока хватит? Нет, куда там: проще остановить океанский прилив. Да и зачем? Ты ж не дурак, нав: препятствовать возвращению собственного магического естества? Это же так упоительно и так глубоко правильно!

Ромига уже не сидел — лежал на Камне, мимоходом сожалея лишь, что не может одновременно прижаться к нему спиной, животом, обоими боками. Так валяются и катаются по разлитой валерьянке коты... А маги смакуют миг блаженства, но достоинство и рассудок не теряют! Ромига вспомнил старика чела с кувшинчиком зелёной энергии: вторым по счёту в его досадно короткой человеческой жизни, которую ученик-нав ещё сократил. Воспоминание обожгло стыдом и отрезвило.

Гарка привычно проверил себя — перекрыл поток. Однако близость тёмного Источника по-прежнему будоражила. Ведь нав может *оставить его себе*, в личное пользование! *Не портить*, не делать из своего Камня ещё один круг для голки. У них-то и так полно, а у него — вот он, единственный. Собственно, больше ему не надо: те тридцать шесть бродячих алтарей, что прячутся за единственным, он отпустит. Правда, Вильяра тогда погибнет наверняка. Но она и в круге может умереть, да не мирно, а со страхом и обидой. Или, зная её, скорее, в ярости. С ведьмы станется даже самого Ромигу зашибить насмерть. Хотя теперь, когда он снова маг, это не легко... А можно же не нарываться, не звать её сюда — оставить себе Камень, и всё. Другие мудрые? А что другие мудрые? Они терпели Иули, знаконца Латиры. И Ромигу потерпят, если он будет не просто чужак, приживала в доме Кузнеца, а колдун с собственным Источником. В полноте силы он и от самых буйных отобьётся, и дом себе выстроит, и зиму перезимует. Может, когда-нибудь до Земли — своей Земли — доберётся собственными силами...

Выровнял дыхание, отбросил лишние мысли. Достал нож, чиркнул по ладони, припечатал заплывающий кровью порез к каменной грани. Пусть алтарь узнает именно его, Ромигу, а не какую-то вообще навскую задницу!

Алтарь узнал: оглушил шквалом эмоций, путаных мыслеобразов. Горе по Онге — жестокое, неизбывное. Обида на Ромигино вероломство и то, что Ромига Онгу убил. Однако обида на удивление беззубая, без желания отомстить. Зато, внезапно, ликование встречи, радостная готовность послужить новому хозяину. Камень горевал, обижался и ластился одновременно, пока Ромига не принялся утешать его и успокаивать. Почти как зверя Юни!

И, как ни странно, помогло. Встал с Камня под жалобное: «Пожалуйста, не уходи!»
Фыркнул: «Здесь я, никуда не денусь». И начал разминаться. Всерьёз, словно перед боем.

Вильяра, правда, ужасно устала. Собственная слабость донимает, и от боли, то острой, то ноющей, не спрячешься даже во сне. В обычном — не спрячешься, только в колдовском. Всякий раз, когда ей удаётся вздремнуть, мудрая бегаёт на четырёх лапах или скользит понад снегами в невесомом призрачном облике: обходит дозором уголья Вилья. Хранительница клана желает быть уверена, что ни в одном глухом углу, ни в одном заброшенном доме не таятся очередные беззаконники, не творят свои поганые дела!

Но сегодня колдунья слишком устала, чтобы ходить далеко. Сегодня ей снится, что она — зверь Юни. Её зверь скучает по ней, по неспешным переходам из дома в дом, охотам и прогулкам. Призрак, даже плотный и зримый, Юни пугает и обескураживает: он же не пахнет. Потому Вильяра не является своему зверю призраком. И сейчас, упражняясь в том, чему учил её Латира, сновидица почти не касается разума Юни, не принуждает его бежать туда или сюда, делать то или сё. Она лишь смотрит на мир звериными глазами, радуется ощущениям здорового тела. Пусть, устроенного иначе, чем у двуногих, но так даже легче забывать о неладах со своим собственным.

Вильяра задремала в покоях Аю — зверь Юни пробудился в снегах. Ощутил голод и желание размять лапы, но некоторое время ещё полежал плотным меховым клубком, обоняя и слушая ночь.

Скрип калитки, визг лыж — всё ближе. Зверь насторожил уши, потянул носом воздух. Вильяра даже сквозь сонную истому изумилась, кому не сидится дома в ночной мороз?

Нимрину?! Для зверя странное, чужое и чуждое в запахе Иули мешается с привычным, домашним. А главное, хозяйка твёрдо сказала про этого двуногого: свой. И сейчас её запахи на чужаке ощутимы. Юни встаёт навстречу, приветствует, начинает ласкаться. Нимрин чешет зверя и приглашает идти за собой. Ужасно любопытно, куда? Неужто решил не ждать ни Рыньи, ни Вильяру, отправился за алтарём один? Очень смело и безрассудно, однако — уже не один! Мудрая отправляется в странствие вместе со своим воином, как обещала. Досадно, что не в полноте могущества, но и сновидица в звере кое на что способна. Кто на них нападёт, двуногий или четвероногий, сильно об этом пожалеет.

Пока опасности нет, Вильяра не мешает Юни по-звериному резвиться и охотиться — тихо плывёт на волнах сна сквозь морозную ночь. И когда ещё подвернётся случай: понаблюдать Иули, уверенного, будто рядом нет других разумных? А он хмур и угрюм, напряжённо размышляет, от добычи отказывается, спешит. Но, когда принялся вдруг утешать Юни, Вильяре стало тепло. Давненько она не слыхала столько добрых слов о себе! И уверилась: Нимрин, правда, сделает всё, чтобы она выжила. Всё, что в его силах.

И всё же ей не нравится, куда Нимрин держит путь... Да, она не ошиблась, именно туда!

Крутой утёс над слиянием двух рек в стародавние времена звался Пращуровой Дланью и слыл запретным местом, не предназначенным для живых. Ни один сказитель из Вилья уже не помнит, откуда такое название и запрет. Расспросить бы Нельмару, да Вильяра сейчас опасается оставлять воина и зверя без присмотра. Сама она, по праву и долгу мудрой, бывала на том утёсе: первый раз — с Наритьярой Старшим, второй — одна. Вроде бы, ничего пугающего. Одно из мест, где хорошо встанет Зачарованный Камень, если он кому-то вдруг там понадобится. Но и поблизости никто не живёт, и взбираться на утёс нелегко, особенно,

зимой. Для большинства охотников Пращурова Длань давно уже стала Щуровой Плешью: не то, чтобы запретной, а попросту никому не нужной.

Нимрин туда полез, Юни отстал. Звери вообще не любят колдовские места, а сейчас у Юни вся шерсть дыбом. Сквозь сон и чужую шкуру мудрой трудно оценить, что там? Но похоже, Иули скоро обретёт искомое.

Вильяра покидает зверя, призраком устремляется вслед за Нимрином... Не тут-то было! Словно порыв ветра отшвыривает её назад. Да, алтарь-Камень где-то здесь, и настроен недружелюбно. Значит, Юни всё же придётся немного побегать по хозяйской указке. Не за Нимрином — назад по отрогу, откуда воин со зверем пришли. Повыше, чтобы плоская вершина утёса виднелась, как раскрытая к небу ладонь — с плеча. Правда, похожа, но не настолько, чтобы понять: десница или шуйца?

Юни забеспокоился, звериного ума хватало понять, что им движет чужая воля. Как хозяйскую, он её не признавал, но и не сопротивлялся — рад был отбежать подальше от Длани. Вильяра заставила зверя задержаться на очередном уступе и стала смотреть, что делает Нимрин.

Чужак сперва плясал свои жутковатые воинские танцы, потом начал упражняться в колдовстве. Вильяра узнавала кое-какие заклятья: все, сплошь, для драки или смертного боя. Закончил, когда звёзды начали меркнуть.

Ромига убедился, что восстановил форму: физическую и магическую, целиком и полностью, только вживлённые артефакты утратил безвозвратно. Присел на Камень, заново набирая энергию, которую израсходовал на тренировку. Ему было хорошо — необычайно хорошо — и в то же время ужасно тоскливо, потому что Источник он себе не оставит. Как бы его самого ни тянуло, как бы ни льстил ему Камень! Такой, как есть, нав Ромига не выстоит в одиночку против целого мира, которому Иули — даже не соринка в глазу, а кость в горле. От могущества Повелителя Теней он уже однажды отрёкся, и ни единого резона не видит: начинать второй раз, с начала. У Ромиги был план, у Ромиги есть план, Ромига действует по плану.

«Приветствую тебя, о мудрый Альдира! Да легки будут твои пути, а начинания — плодотворны...»

«И тебе всего хорошего, Иули Нимрин. Ты уже нашёл свой алтарь?»

«Да, я нашёл его. Мы на скале, которую в угодах Вилья именуют Дланью Пращура. По моему, отличная шутка судьбы, хотя мне не смешно. О мудрый Альдира, позволь попросить тебя?»

«Позволяю. Проси».

«Я сейчас позову мудрую Вильяру. И сразу, как только она явится, поведу её в круг. Тени поведали мне достаточно, чтобы я опасался обряда Одиннадцати. Мудрый Альдира, ты сможешь посторожить у Камня, снаружи?»

«Да, я сейчас приду».

«Мудрый Альдира, если из круга выйдет лишь один из нас, постарайся убить *это* сразу, пока *оно* не очухалось. Убивать будет трудно, но потом — ещё хуже».

«Нимрин, ты уверен в том, что ты сейчас сказал?»

«Да. А если мы выйдем вдвоём, просто подстрахуй».

«Я услышал тебя, о Нимрин. Надеюсь, после того, как вы с Вильярой благополучно

покинете круг, вы поведаете подробности мудрому Нельмаре. Давным-давно никто из нас не ставил Зачарованные Камни по обряду Одиннадцати».

«Если у нас с Вильярой получится, впредь и не нужно будет. Повелитель Теней Онга собрал в Пещеру Совета все Камни, которые остались бродячими. Все, кроме алтаря, на котором лежал Асми. Но Белый Камень тоже явится из-за морей, чтобы замкнуть круг».

«Ты всё продумал и основательно подготовился к делу, о Нимрин. Зови Вильяру, и да сопутствует вам удача... Прости, я не сложу с тобой ладони на прощанье. Твой Камень не подпускает меня близко. Но я неподалёку, я за вами прослежу, как ты просил».

Ромига встал с Камня, пружинисто прошёлся туда-сюда. Энергия бурлила в нём, искала выхода, и холод на сердце претворился, наконец, в весёлую злость. Пора!

«О мудрая Вильяра! Слышишь ли ты своего воина?» — Вильяра не только слышала, но и видела: глазами Юни, однако не стала об этом говорить.

«Да, о Ромига. Я рада, что ты вернул себе колдовскую силу и снова владеешь мысленной речью».

«Радуйся, о Вильяра, я нашёл то, что искал. Я приглашаю тебя на вершину, которую твои охотники именуют Дланью Пращура. Готова ли ты идти со мною в круг?»

«Да. Жди».

Она отпустила Юни и собрала себя в доме Кузнеца. Оделась по-походному, взяла нож и кое-какие колдовские мелочи. Вновь нырнула на изнанку сна, но попасть сразу на Длань не смогла — только к оставленным на гребне вещам Нимрина.

«Ромига, прости, но твой Камень меня не подпускает...»

Не успела договорить, как рядом завертелся чёрный вихрь, оттуда шагнул Иули — Вильяра вздрогнула от неожиданности, от ощущения чужой и опасной силы рядом. Взял её за плечи, заглянул в глаза — зрачки возбуждённо сверкнули.

— Здравствуй, о Вильяра. Идём?

— Я же сказала, да.

Он усмехнулся, подхватил её на руки и шагнул в такой же чёрный вихрь. Миг полёта сквозь темноту — новое место. Пробрало жутью, грива встала дыбом, но колдунья с любопытством оглянулась по сторонам.

— Ну, и где же твой Камень?

Иули держал её на руках, но смотрел куда-то мимо, поверх, кривил губы то ли в улыбке, то ли в оскале. Колдунья слышала, как часто и сильно бьётся его сердце.

— Вильяра, прежде, чем мы споём приветственную песнь, я хочу предупредить тебя. Обряд Одиннадцати — смертельно опасная игра. Алтари будут дразнить наваждениями, но не такими, какие ты смогла бы развеять. Встретишь врага или опасность — сражайся в полную силу. Сражайся за свою жизнь. Если покажется, что умираешь, всё равно продолжай сражаться. Сражайся до последнего вдоха и после. Забудь о Зимнем Перемирии: в круге нет времён года... А как выйдешь из круга — сразу остановись!

— Ромига, я ничего не знаю об этом обряде и даже сказок не слыхала. Верю тебе на слово.

Он рассмеялся и присел на какой-то уступчик скалы, не выпуская Вильяру из рук. Присел и запел приветствие, мудрая привычно подпела.

Никаких ворот — Нимрин с Вильярой просто ухнули во мрак и оказались... Кажется, сразу в середине круга, точнее — рядом, так как середину неоспоримо и веско, грубо и зримо занимает беломраморный алтарь. Почему он белый, когда должен быть тёмный? Торчит, словно зуб, из полированного пола Залы Совета. И над головой, вместо неба — сводчатый потолок той же Залы. Но и пол, и потолок — всё какое-то зыбкое, словно в бреду, а стен вовсе не видно. Пространство ограничено кругом алтарей, страшно знакомых алтарей, и Вильяре мерещится, что время повернуло вспять. Она даже не зовёт Камни по именам: только что ведь назвала их. Непослушными — ей непослушными! — пальцами достаёт из ножен нож, направляет его на себя...

— Вот ты и попалась, ведьма! Сдохни уже, наконец!

Неимоверным усилием Вильяра оборачивается к тому, кто это сказал, кто стоит за её спиной. Иули! Да не тот Иули, что миг назад держал её на руках, не Ромига — Онга! Повелитель Теней взирает на пленённую им колдунью сверху-вниз, ухмыляется презрительно, и знание, что сам он издох давным-давно, ничуть не помогает... А Вильярина рука помимо воли нацеливает нож для удара. Мудрая однажды нанесла себе смертельную рану в круге, наносит её вне времени и всегда, вот-вот снова нанесёт... Нет! Она порвала узы чужой воли, перехватила нож, бросилась на чужака — Иули с лёгкостью выбил клинок и полоснул её сам. Вспорол по старому шраму, так же глубоко, с ужасом осознала знахаркина дочь, судорожно зажимая рану руками. Но пока боль не догнала, не сшибла с ног, Вильяра засадила в убийцу две молнии из глаз и тут же шарахнула воздушным кулаком — отбросила на несколько шагов. Сама начала падать, проваливаясь в обморочную муть.

— Как, неужели, всё? Даже «летучую» не споёшь? — голос Иули едва пробился сквозь звон в ушах.

Умирающая колдунья уже не соображала, есть ли у неё силы на «летучую», не вспомнила, почему ей нельзя это петь — послушалась издевательской подсказки врага, чтобы поквитаться с ним.

У неё получилось! Стихии не больно, стихии не страшно, стихия не ведаёт слабости — только всесокрушающий, яростный напор. Вихрь подхватил Иули, завертел, взметнул к потолку — жахнул о белый алтарь. Тут бы погани конец, да хитрый враг ворожит, защищается! Так просто его не убьёшь, но, если рвать, и мять, и колотить его подольше, когда-нибудь он устанет сопротивляться. Ведь он — не стихия, он — из плоти и крови! На белый алтарь упали первые чёрные брызги!

Да, так и надо, потому Вильяра не убьёт своего врага быстро, не станет его замораживать...

Ромига предупредил Вильяру о смертоносных наваждениях, но всего, что знал, к чему готовился, не сказал. Померещиться-то ей может, что угодно, в биографии мудрой довольно жути. Однако для исцеления годится единственный вариант: повторить ситуацию, когда ведьма собственной рукой себя ранила, и переиграть финал. Чтобы Вильяра *сражалась* с Иули Онгой и победила. Чтобы Зачарованные Камни свидетельствовали её победу, а не то, что выглядело актом саморазрушения. Кто сегодня будет за Онгу? Глупый вопрос. Можно подумать, тут большой выбор навов! И в круг, заведомо, войдёт единственный. Именно ему предстоит проиграть схватку колдунье, при том самому ухитриться выжить. Ну, любит

Ромига жить: привык. Да и для завершения эпопеи с алтарями из круга должны выйти двое живых.

Он сыграл Онгу даже без морока — голосом, выражением лица... Возможно, Камни подыграли. Все силы и магическое мастерство вложил в быстрый «заговор Слуа»: потолок возможностей посредственного мага. Онга держал Вильяру под контролем играючи, даже когда погибал. Ромига справился лишь потому, что мудрая ослабела от болезни. Но аккуратно заломать её, чтобы сознавала и сопротивлялась, чтобы успела царапнуть себя, пролила немного крови и сразу вырвалась, он не смог — освободилась, напала раньше. Разозлила.

На гарку с ножиком? Ха! Клинок Вильяры улетел куда-то в сторону, Ромигин — вошёл в тело колдуньи легко и безжалостно: не хочешь по-хорошему, сделаем по-плохому! Она не осталась в долгу, метнула «эльфийские стрелы», не ниже третьего уровня. Сам научил — предвидел, отразил. Другой удар пропустил. Не критично...

А Вильяра, оттолкнув нава, собралась ложиться и помирать. Совсем не то, чего он добивается! Окликнул её, с мерзейшей интонацией Онги — к счастью, достучался до угасающего рассудка. Всё-таки запела, а не как в прошлый раз.

Не вихрь — взрыв: кто бы думал, что она так умеет! Ромигу метнуло вверх, оземь, снова и снова... Он успел выставить быструю защиту, сберёг голову, остался в сознании. Перешёл в боевую трансформу, сделав тело упругим и жёстким, сжался в комок, прикрывая самые уязвимые места. Обезумевший вихрь бил и швырял его, как мячик, врвался в лёгкие — норовил разодрать изнутри, не давал ни мгновения на надёжные защитные арканы. Почему не атакующие? Сбивать превращение нельзя, пока они в круге, иначе вся затея грифону под хвост!

«Вильяра, выходи из круга!» Стихия то ли не слышала, то ли проигнорировала. Она трепала нава всё яростнее, всё изобретательнее и, наконец, оглушила. Он «поплыл», отмечая краем сознания: если Вильяра хочет просто убить, настало время для последнего удара. Но, кажется, она решила сделать смерть ненавистного Иули долгой. Не изошрённо, по-навски, но как умеет. «Вильяра, выходи из круга!» — вотще. Значит, если он сам её отсюда не выведет, обоим конец.

Легко сказать, выведет! Сам-то уже едва ориентируется в пространстве.

Нет, осталась верная примета: от белого Камня к тёмным Ромига должен лететь, падать, волочиться без сопротивления. Обратное — упираться: всем телом и магией. Вильяра потянется следом за ним. В кругах Зачарованных Камней, сойдя с центра, неизбежно следуешь к выходу. По крайней мере, в нормальных кругах.

Он понял, что сработало, когда вместо каменного пола впечатался в сугроб. «Стой, Вильяра! Всё закончилось!» — нет, не слышит. Начал строить аркан, чтобы сбить, наконец, её превращение — прилетел спиной на торчащее из-под снега каменное ребро. У навов очень крепкие кости, однако хрустнуло, прожгло болью — Ромига не удержал концентрацию. Только и смог позвать: «Альдира, останови её!»

Вильяра-вихрь убивала проклятого Иули, не торопясь, со вкусом. Его одежда давно разлетелась клочьями, тело почернело, изменилось в тщетной попытке противостоять стихии. Он ещё колдовал, строил щиты, которые она с наслаждением ломала, иногда — вместе с костями врага. Вильяра не понимала одного: почему омерзительное существо,

порождение пещерного мрака и ночных кошмаров, совсем не огрызается? В его убийственных навыках Вильяра не сомневалась, и Камни равнодушно питали силой их обоих. Иули ещё мог ударить её. Возможно, сбить превращение и тем уничтожить.

Да, Вильяра жива, пока остаётся стихией. Она не желает снова и снова задыхаться от боли, ловить выпадающие потроха, значит, двуногий облик больше не для неё. Кто-то обещал её исцелить, но заманил в ловушку и отдал на растерзание Онге. Кто-то говорил про наваждения и велел с ними сражаться — она сражается. Почему проклятое наваждение больше не желает сражаться с ней? Кто и зачем отчаянно зовёт её: «Вильяра, выходи из круга?» Стихия туговато соображает, ей нечем и незачем. Она летит на крыльях ярости к смерти: врага, своей... «Кричавка драная, очнись!»

«Вильяра, выходи из круга!»

Ну, нет! Проклятый Иули! Он слабеет, но так и обороняется, не нападая! Кажется, творит собой нечто странное, она не понимает, что...

Снег. Высь без потолка. Позади, в густом тумане, смыкаются каменные ворота. Как, она уже вне круга? Пора останавливаться? А стихия не желает, стихия только вошла во вкус. Да, ей по вкусу чёрная, ядовитая кровь Иули... И другой, красной тоже хочется отведать. «Стой, Вильяра! Всё закончилось!»

Не дождётесь! Она удачно приложила Иули о скалу и на долю мига задумалась: поиграть с ним ещё или добить? Кажется, полудохлый враг дозрел до того, чтобы огрызаться...

Кто-то свежий, равный ей по мощи налетел откуда-то сбоку. Такая же одушевлённая стихия, вихрь по имени Альдира. Закрутил, сжал, высасывая силу, гася ярость, усмиряя Вильяру-вихрь по праву и долгу наставника. Она ещё поотбивалась от него сторяча! Не сразу сообразила, что дерётся уже двуногая с двуногим — вело её хуже, чем с марахской травы. Дикая сила едва умещалась в теле, распирала, тянула в разные стороны, Вильяра уже не понимала, куда.

Нарочито ровный голос наставника:

— Вильяра, ты выздоровела?

— А? Что?

До неё дошло, наконец, через миг испуга и растерянности, что она стоит на своих двоих, живая и целая. Только голова — кругом, но это же пройдёт?

Попасть на Пращурову Длань мудрый Альдира смог лишь тогда, когда Иули и Вильяра с неё исчезли, а на месте, где они сидели, начало расти облачко тумана. Туман источал угрозу и норовил растечься по всей Длани, поэтому колдун, отступив к обрыву, спел «летучую». Вихрь не нуждается в опоре под ногами, и большинство опасностей ему нипочём.

А туман всё клубился, дотёк до краёв, свесил с обрывов мохнатые хвосты. Медленно светало. Мудрый вился над Дланью, как кричавка над огородом. Вот и первые лучи солнца позолотили слоистое облачко, оно уже не казалось зловещим... Пока не выметнуло смерч, в котором Альдира едва опознал Вильяру. Мудрый ринулся к ней сквозь клочья разлетающегося тумана. Услышал зов Нимрина, но даже не сразу понял, что за чёрный комок она гоняет и швыряет? Узнал по ауре и понял: Иули пока жив, но это ненадолго. Вильяру, в самом деле, пора останавливать!

Вихрь налетел на вихрь, они сплелись и заплясали над вершиной утёса. Вильяра набрала столько бешеной, стихийной силы, что даже Альдира, со всем его опытом и могуществом, не сразу смог её осадить. Вернул двуногий облик себе и ей, одновременно. Не был уверен, исцелилась ли она? Побоялся хватать и держать слишком крепко — а зря! Дикая девчонка с Ярмарки больно саданула ему коленом, отскочила, замерла со сжатыми кулаками, готовая к продолжению драки.

Альдира сдержал рвущиеся наружу ругательства, тихо спросил:

— Вильяра, ты выздоровела?

— А? Что? — и, видимо, вспомнила. Сгорбилась, прижала ладони к животу, чтобы через несколько вдохов, ощупав себя, потрясённо выговорить. — Я выздоровела. Я цела.

Вскинула руки, огласила снега ликующим кличем, переходящим в «летучую». Заплясала вокруг мудрого, сверкая снежной пылью на солнце — и тут же вернулась. Крепко обняла его, повисла на шее: здоровая, счастливая, пьяная силой. Он обнял её в ответ, поднял, закружил...

— Ой, Альдира, смотри!

Удивлённый возглас, не испуганный, однако мудрый мгновенно поставил женщину на ноги и задвинул за себя. А чему она удивилась, не переспросил, сам увидел. Посреди пустой и ровной Пращуровой Длани вырос высоченный менгир: последние полосы тумана ещё плавали вокруг него, но быстро таяли на солнце. Мудрые подошли ближе, крепко держась за руки.

— Мы попробуем войти в круг? — спросила Вильяра.

Альдира, не отрываясь, смотрел на Камень: с одного боку чёрный, с другого белый, посередине — неровная граница, завихрения и струи, как на сбойке двух потоков. Узор из тех, которые хочется разглядывать долго, вопрошая стихии, как им такое удалось? Но Альдиру занимал не столько диковинный узор, сколько ощущения от новорождённого Камня. Как и следовало ожидать, Нимрин с Вильярой сотворили из последних бродячих алтарей нечто очень непростое. Возможно, опасное, и Пращурова Длань останется местом не для живых. Так или иначе, новому кругу должно устояться, а потом уже мудрые исследуют его.

— Альдира, мы попробуем? — дёрнула его за руку Вильяра.

Он недовольно поморщился:

— Погоди, ученица. Ты и так набрала силы на пару великих песен. Потратишь её, тогда отправишься за новой. И не сюда же, вспомни закон! Или ты собираешься ждать три луны? Или всё-таки раньше испробуешь свой любимый круг у дома Кузнеца?

Она неопределённо мотнула головой: ни да, ни нет. Еще слегка не в себе, а может, не слегка. Телесно — выздоровела, но Одиннадцать играли в опасные игры, и наставнику Альдира за ученицей Вильярой придётся очень строго проследить.

— Вильяра, давай, посмотрим, что ты сделала со своим благодетелем?

— С кем? — недоумение.

— Ты вошла в круг с Иули Нимрином. И вышла с ним же. Вернее, вынесла его пинками. Я желаю проверить, жив ли ещё твой воин?

— Иули? — голос Вильяры стал злым. — Мудрый Альдира, раз ты помешал мне добить его, пожалуйста, добей его сам!

Альдира развернулся к ней, удивлённо вскинув брови.

— Зачем?

— Не «зачем», а «за что». Выродок Тьмы подчинил меня, сломал мою волю, а потом чуть не зарезал!

Мудрый взял Вильяру на плечи, слегка сжал, встряхнул.

— Что бы ни творилось в круге, ты стоишь передо мной живая, здоровая и целая. На тебе даже крови нет. Твоему спутнику, боюсь, повезло меньше. А воин Нимрин полез в жерло вулкана исключительно ради того, чтобы исцелить тебя. Ты сама это прекрасно знаешь. Или забыла?

Вильяра скривилась, будто откусила гнилой рыбы:

— Иди, ищи его сам, Альдира! Я не хочу видеть эту поганую рожу. Увижу — убью. Не хочу.

— Чего не хочешь? Видеть или убивать?

Скрипнула зубами.

— Убивать. Но видеть Иули я тоже не хочу! Ты говоришь, Нимрин исцелил меня, как обещал, и я должна быть ему благодарна? Но он же был моим наваждением? Больше некому, Иули Онга давно мёртв... Нет, кое-что я этому поганцу не прощу! Альдира, позови Рыньи, пусть лечит своего дружка, если понадобится его лечить. Рыньи сможет, а я — нет... Или, если не Рыньи, оттащи это чёрное злосчастье в дом Травников? Щурова пропасть! — Вильяра закрыла лицо руками, села в снег.

— Подожди меня здесь, о мудрая Вильяра. Охлони. Спой себе Зимние песни, ученица. Вспомни, кто ты такая. Хорошенечко вспомни.

Обряд завершён, но ничего ещё не закончилось!

Ромига выманил, вытянул Вильяру из круга. Альдира отвлёк ведьму от нава и, кажется, заставил её вернуться в двуногое обличье. Ромига слышал ликующий вопль, потом видел пляску маленького, мирного вихря. Более, чем уверен, что Вильяра выздоровела. Но ничего не закончилось. Ведь если нав сдохнет после обряда, то всё равно пустит грифону под хвост все свои усилия.

Кто Ромигу убьёт или всерьёз покалечит, встретит самого страшного своего врага... Нет, он не собирался заводить Вильяру в эту ловушку! Однако недооценил ярость и

разрушительный потенциал ведьмы. Недооценил, а теперь валяется в сугробе и еле дышит. Контузия, баротравма, множественные переломы, в том числе, открытые... Готовился противостоять «заморозке», а попал то ли в эпицентр взрыва, то ли в воронку смерча. Результат, если без эрлийского словоблудия, можно назвать одним словом: отбивная. Положим, энергии он набрал достаточно, чтобы не мёрзнуть, справляться с болью и до предела ускорить регенерацию. Но вывихи и переломы он сам себе не вправит. Руки пострадали больше всего: прикрывал ими голову. Да и со спиной нехорошо. Возможно, он уже подставил Вильяру. Не видит, не знает этого наверняка, просто попытается отвести угрозу.

«Мудрая Вильяра, хорошо ли ты себя чувствуешь?»

Ответила с заминкой и очень злобно: «Не жалуюсь!»

«Вильяра, это замечательно, что ты чувствуешь себя хорошо. Я очень рад за тебя, о мудрая. Значит, мы с тобой не зря сходили в круг. Но чтобы тебе и впредь было хорошо, нам нужно закрепить достигнутое», — сказал и умолк, ожидая встречного вопроса.

Дождался недовольно-подозрительного: «Что ты имеешь в виду, Иули?»

«Тебе придётся ещё раз вылечить меня, о мудрая».

Она бранилась долго. Она потребовала объяснений, но не позволила вставить ни словечка — снова бранилась.

«Вильяра, у нас мало времени! Помоги мне, и я уйду. На ту сторону звёзд, душекраду в пасть, мне уже всё равно. Я хочу тебя спасти, а для этого ты сейчас поможешь мне. Прямо сейчас, Вильяра! Хотя бы кости собери, дальше я сам».

«Ладно, Иули. Ловлю тебя на слове: потом ты уйдёшь».

Пращурова Длань невелика, но, если бы не живая аура, Альдира долго разыскивал бы на ней Нимрина. Даже стоя рядом, не сразу разобрал, что видит... Да уж, обычно чужак гораздо пригляднее. Хотя охотник, по которому пробежало стадо шерстолапов, выглядел бы не лучше, а Вильяра превзошла шерстолапов мощью и яростью. Удивительно не то, что Иули щур знает, на что похож, а что он тёплый, дышит и уже как-то сам себя лечит. Тронуть его боязно, чтобы не сделать хуже, и оставлять здесь в таком виде нельзя. Рыньи, наверное, помог бы, да кто сваливает такую тяжелую целительскую работу на подростка? Это Вильяра сказала, совсем не подумавши...

Альдира обернулся на шаги за спиной — она. С каменным лицом прошла мимо наставника, присела рядом с изломанным, вбитым в снег телом, окликнула:

— Иули, я здесь! Терпи.

Если чужак ответил ей, то мысленной речью. Вильяра, тоже молча, начала вправлять его многочисленные переломы. Ворожил Нимрин сам, накрепко соединяя осколки костей. Альдира поражался живучести и самообладанию чужака, но понаблюдать за ходом лечения главе Совета не дали. Впрочем, плохи были бы мудрые, если бы пропустили, не учуяли рождение нового круга.

Стира, на правах ближайшего Вильяриного соседа, первым полюбопытствовал, известно ли Альдире, что происходит?

«Известно. В угодьях Вилья явились новые Зачарованные Камни».

«Но Вильяра же...»

«Твоя соседка жива, здорова и пребудет таковой, если не начнёт дичать. Подробнее мы

поговорим, когда соберёмся нашим малым советом».

«То есть, снова замешан Иули?»

«Куда ж без него».

«А что мы сообщим неосведомлённым, о мудрый Альдира?»

«Всё, что происходит в угодьях Вилья, происходит с дозволения и при участии временного главы Совета. Передай это любому, кто тебя спросит, о мудрый Стира».

«Даже при участии?»

«Да. Подробнее — вечером».

— Мудрая Вильяра, а скажи-ка наставнику, ты своего воина лечишь или наказываешь?

Вместо ответа знахаркина дочь сердито фыркнула. Она всё ещё ненавидит Иули. Всех, а этого — особенно. Умом понимает, что напрасно, но чувства едва поддаются усмирению. Она делает то, о чём Иули её попросил, быстро и точно. Однако ни песни не пропела, чтобы облегчить ему боль: Иули справляется сам. Пусть, пусть тратит свою колдовскую силу. А то слишком много набрал, погань!

— Ученица, я задал тебе вопрос. Что? Ты? Делаешь? — Альдира умеет быть неприятно настойчивым.

— А ты как думаешь, о мудрый Альдира? — огрызается она вопросом на вопрос.

— А я прикидываю, как скоро мне придётся изгонять одичалую колдунью? — он сказал это так, что её морозом по хребту продрало. Дал время на осознание, потом добавил чуть мягче. — Вильяра, выйди уже, наконец, из круга! Посмотри, что ты делаешь сейчас? С кем ты это делаешь?

Ну, посмотрела. Ну, да, личина Онги, как и чёрная образина, остались где-то в инобытии. Нимрин обрёл свой обычный вид, едва стихия прекратила его терзать. А что это меняет? Погань же... Которой худо, почти невыносимо. Как тогда, когда Стурши его ранил. Как тогда, когда он умирал после песни Равновесия. Вильярины щёки ожгло стыдом, уши запылали, она очень тихо проговорила.

— Мудрый Альдира, пожалуйста, не отвлекай меня от лечения.

Мудрый глянул на неё вприщур, покачал головой и ушёл куда-то в сторону нового Камня.

— Ромига, потерпи ещё немножко. Я скоро закончу.

Иули приоткрыл глаза и тут же снова закрыл: лишнего внимания и сил у него не осталось даже на безмолвную речь. Вильяра запела, подкрепляя его целительскую ворожбу своей. Он вздохнул с облегчением, насколько мог себе это позволить.

Ну, вот и закончили. Собрали всё, что следовало собрать, не сходя с места. У Вильяры самой уже отваливается спина и затекли колени. Зато Нимрин больше не напоминает сломанную игрушку. Через несколько дней отбитые внутренности у него заживут, скреплённые ворожкой кости надёжно срастутся, сойдут отёки и синяки. Он встанет на ноги и начнёт расхаживаться... В который раз? Иули живучие, как подкаменники, однако столько ран и болезней подряд доконают даже самого живучего. Ему нужен покой, тепло, много еды — то есть, ещё одна передышка в доме Кузнеца.

— Ромига, пожалуйста, забудь, как я ловила тебя на слове. Ты останешься в угодьях Вилья столько, сколько пожелаешь.

«Мне пора уходить, но поговорим об этом позже. Спасибо тебе, Вильяра».

— И тебе, Ромига.

Вильяра всё ещё сердится, но уже не на Иули, а на всё подряд, понемногу. Вот, например, чёрная кровь вьелась в руки, запачкала одежду. А одежду Иули Вильяра изорвала сама. Хорошо, мудрый сходил за оставленными вещами, и в котомке нашлась свёрнутая шкура. Жаль, не подстелили её сразу: Иули меньше пришлось бы греться ворожкой. Но раз не вспомнил и не подсказал, чего уж теперь.

Альдира предлагает проводить Вильяру и Нимрина в дом Кузнеца, но тут Иули внезапно подаёт голос:

— Мудрые, как мы объясним охотникам Лембы, что со мной произошло?

— Никак, — спокойно отвечает Альдира. — Дела мудрых.

Вильяра морщится: что-то ей ужасно претит. Сообразила: именно так возвращались от Зачарованных Камней Наритьяры. Возвращались, полные сил и довольные, с измученными, молчаливыми «ключами». В доме Кузнеца Наритьяра Старший бывал не раз. Какими глазами посмотрит на хранительницу клана старый Зуни? Что подумают Лемба, Тунья, Рыньи?

— Мы не пойдём в дом Кузнеца, — говорит Вильяра, чувствуя, как горят стыдом щёки. — Мы пойдём в моё логово при Ярмарке. Там ты, Нимрин, отлежишься, пока не встанешь на ноги. Согласен?

— Да.

— Как хотите, — пожимает плечами Альдира. — Лишние расспросы, пересуды и домыслы нам действительно ни к чему.

Чем неудобно лечить себя магией? Нельзя терять сознание, иначе арканы осыплются, и половина лечения — насмарку. Вот Ромига и цепляется за реальность, данную в ощущениях, вместо того, чтобы тихонько полежать в отключке. А ещё отключаться уместно, когда доверяешь тому, кто лечит, или, наоборот, хочешь скрыться от того, кто истязает. Вильяра же никак не определится, и это жутко, до крепнущего желания ударить по ней «эльфийской стрелой». Жёсткие, немилосердные руки крутят Ромигу, будто складывают на скорость кубик Рубика. Светлый ледяной взгляд... Нет, лучше Ромига прикроет глаза, а то мерещится ему асур знает, что! То есть, асур-то, может, и знает. А нав уже с трудом разделяет бред и действительность. Он пока ещё в сознании, но кто сказал, что в ясном? Потому не станет делать резких магических движений.

После замечания Альдиры — не одному наву померещилось что-то не то — ведьма начала обращаться с пациентом бережнее. Теперь Ромига узнавал её чуткие руки и целительные песни, но в безопасности себя так и не ощутил. Успел поучаствовать в обсуждении, где ему лучше отлёживаться. Логово при Ярмарке — бывшее Латирино? Сойдёт.

И вот, наконец, он на лежанке, Вильяра разжигает огонь в очаге. В логове теплее, чем в снегах, можно не тратить магическую энергию на согревание себя. Не так уж много её осталось, а Источник он спустил в чёрную дыру, и нет сил на сожаления. Есть много боли за тонкой преградой магии, беспомощность и одиночество. За исцеление Вильяры Ромига заплатил её благорасположением. Воплотил её кошмар: такое не прощают, или прощают не скоро, это он помнит по собственному опыту. Он надеется, что исцелил её, а не подставил

хуже, чем было... Щурова сыть, он хочет быть уверен, а не надеяться! Но об утраченном геомантском даре, о душекраде, о городе под белым небом он подумает завтра.

Знахаркина дочь глядит в огонь и напевает Зимнюю песнь умиротворения. Раз за разом, снова и снова, по кругу.

Слишком многое произошло с ней сегодня! Самое удивительное, прекрасное, потрясающее: стихии вспомнили её здоровой. Она сама предсказывала, что войдёт в круг бродячих алтарей и обретёт там либо смерть, либо исцеление. Только она не знала, как это будет. Теперь, оглядываясь назад, она ужасается, злится, стыдится. А пошла бы она в круг, если б Иули заранее объяснил ей, что им предстоит? Согласилась бы участвовать в обряде: кровавом, значит, заведомо незаконном?

Без самообмана и самооправдания: умирать она отчаянно не желала — желала жить. Потому изо всех сил *не задумывалась*, чего ждуг алтари, хотя и Нимрин, и Альдира, и её собственные предчувствия намекали на запретную суть обряда. Но почему Альдира одобрил затею Нимрина и лично подстраховал? Потому ли, что Вильяра любезна главе Совета не как сестра по служению, в чём упрекали его старейшие? Или он хладнокровно взвесил вероятный ущерб и благо на весах судьбы? Вильяра не станет выдумывать — спросит наставника наедине и очень внимательно выслушает ответ. Позже.

А Нимрину она кое-каких вопросов, наоборот, не задаст. Поможет залечить раны, потом сразу возьмётся за исполнение давно обещанного и проводит его восвояси.

После заката мудрый Альдира явился в логово с тремя беляночными тушками. Попросил у Вильяры котёл, принёс воды и занялся стряпнёй на нескольких едоков. Уже пристраивая похлёбку над огнём, сообщил.

— Я собираю малый совет здесь. Ты не возражаешь, о мудрая Вильяра?

Она отвела взгляд, пожала плечами:

— Не должно ученице возражать наставнику.

Он ответил с улыбкой:

— Хранительница клана! В своих угодьях, в своём логове, ты вправе возразить даже главе Совета.

Вильяра тоже улыбнулась:

— Да, я вправе, но я не буду. Мне любопытно послушать, о чём ты будешь беседовать со старейшими.

— А старейшим любопытно, что было в круге. Мы послушаем тебя, о мудрая Вильяра. И Нимрина. Или ты согласишься на песнь разделённой памяти?

Она невольно встопорщила гриву.

— Только стобой наедине, о наставник. И то, знай: я этого не хочу. Мне тяжело и больно ещё раз переживать всё происшедшее в круге. Но если ты потребуешь, я исполню долг ученицы.

Альдира изобразил сочувствие не только лицом, а всем собой.

— Ты тоже знай, о Вильяра: я не желаю принуждать и мучать тебя погаными воспоминаниями. Но мы должны разобраться, что за круг вы с Нимрином сотворили. Чего нам ждать от новых Зачарованных Камней? Увы, но всё, что мудрые помнят об обряде Одиннадцати — полу-сказки, полу-враки. Наритьяра Старший погубил последних, кто умел ловить и запечатывать бродячие алтари. С мудрым Нельмарой они подробностями обряда не поделились.

— Мудрый Альдира, а ты знал, что обряд — из запретных? — спросила Вильяра.

— Хранитель знаний предполагал, что старые Рийра и Стамунира неспроста скрывали подробности. И неспроста у кругов, поставленных по обряду Одиннадцати, самый крутой, непредсказуемый нрав. Крови они больше не желают и не приемлют, но покуражиться любят. То есть я знал, что вы с Нимрином можете погибнуть, а можете одичать. Но тебе-то терять было уже нечего...

— А чужака не жаль? — раздался слабый, но внятный голос с лежанки.

— А к чужаку законы Голкья не столь строги, как ко мне, Вильяре или другим мудрым. Твой путь — только твой, ты сам глядишь под ноги и выбираешь, куда ступить. Ты выбрал и выжил — я рад за тебя и благодарен тебе за Вильяру. Буду ещё больше благодарен, если ты поведаешь, что вы делали в круге?

— Вильяра не желает ворошить пережитое, потому оно останется между нами двоими. Но давай, я расскажу об Одиннадцати? Поведаю, как ваши предшественники, не желая убивать и умирать на алтарях, ошупью искали выход? Как они изобрели «летучую песнь» и стали играть со смертью в салочки? Как изменялись Зачарованные Камни, пока стали тем, что они сейчас?

Теперь уже Альдира взъерошился и засверкал глазами.

— Ты сохранил память Теней целиком, Иули Нимрин?

Чужак то ли фыркнул, то ли усмехнулся, глядя в потолок:

— Я порвал с Тенями, когда пел песнь Равновесия. Но я многое запомнил и могу поведать. Я уверен, вам-то ваше прошлое нужнее, чем мне. Услуга за услугу?

— Чего ты потребуешь взамен? — спросил Альдира.

— Права открыто жить на Голкья. И брать колдовскую силу, если какие-то Камни дадут её мне.

— Ты же говорил, тебе пора уходить? — напомнила Вильяра.

— Да, пора. Я уйду, как только смогу. Но вы же не стали запирасть дверь за так называемым Пращуром, вот и за мной не запирайте.

— А равновесие стихий? — Вильяру, вопреки благодарности и здравому смыслу, всё ещё тянет противоречить Иули.

— Хранительница, я не намерен вредить миру, которому уже отдал столько здоровья. Но пока я буду искать дорогу домой, мне нужно логово. Кстати, о мудрый Альдира! Я так и не услышал объяснений Гунтары. Почему он завёл меня не туда?

— Мудрый Гунтара объяснит сам, что он понял. А я готов пообещать тебе, Иули Нимрин, что, пока я возглавляю Совет, ты сможешь открыто жить на Голкья. И брать колдовскую силу у наших Зачарованных Камней. Но если мы заметим, что ты вредишь равновесию мира Голкья или творишь беззаконие, мы изгоним тебя, как изгнали бы любого из нас.

— Да, Альдира. Да, о временный глава Совета Мудрых. Я готов внимательно смотреть под ноги и отвечать за каждый свой шаг.

— Хватит ли тебе моего слова и клятвы, Иули Нимрин? Или ты желаешь предстать перед мудрыми в Пещере Совета?

— Хватит. Если ты пообещаешь донести твоё слово до всех мудрых. И защитишь меня от тех, кто с тобой не согласится.

— А ты, Нимрин, дашь ли мне слово, что не приведёшь на Голкья других Иули?

— Даже пару-тройку друзей?

— Иули, ты же сам понимаешь, это лишнее? Ваша поступь слишком тяжела для мира, чья жизнь держится на чарах.

— Понимаю. Но если припрёт, я могу попросить убежища для сородичей.

— Когда припрёт, тогда и обсудим условия. Только знай: Дóма Иули на Голкья мудрые и охотники второй раз не потерпят. Да, когда-то мы назвали себя слугами великой тёмной Империи, но той Империи давным-давно нет. И сами мы изменились. Если твои сородичи заявятся сюда толпой и попытаются завоевать Голкья, я не знаю, кто одержит верх. Но жить здесь не сможет никто, таково моё слово, слово главы Совета.

— Это я понимаю и принимаю. Не понимаю, с чего у тебя возникли такие мысли, о мудрый Альдира. Разве, я давал повод?

— Ты и друг Латиры — нет, Онга и посланцы Империи — да. Вот я и предупреждаю тебя. А ты предупреди других Иули, когда встретишь их и станешь рассказывать о своих похождениях.

— Когда?

— Ну, когда-нибудь ты их непременно встретишь.

Тьма упаси, вести с мудрым Альдирой переговоры от лица всего Тёмного Двора! Голки безжалостен, хладнокровен, дотошен, ироничен — и абсолютно невыносим. Иметь бы его целиком на своей стороне! Но на такое счастье, всерьёз и надолго, рассчитывать не приходится. Ромига Альдире — не более, чем союзник. Благодарность для голки — не пустой звук, но интересами и безопасностью своего народа он не поступится ни на волос. И в этом он безупречно прав, асур его побори.

Хотя Ромигино воображение пасует: представить, как вся Навь — или значительная её часть — ищет убежища на Голкья. Нав-то имел в виду одиноких бродяг, вроде себя, заплутавших между мирами. А глава Совета мыслит стратегически и глобально, как ему положено по рангу и статусу. И да, при том, что известно Ромиге о магической структуре снежного мира, идея привести сюда множество тёмных действительно дурная. А вот если не знать всего, что открылось Повелителю Теней, но понять кое-что про Зачарованные Камни, то идея может показаться заманчивой... Для Нави, потерявшей Землю! Ромиге такое в голову бы не пришло, не побывай он в Москве без малейших следов Тайного Города, кроме сказок. Но побывал, видел своими глазами. Вопрос, куда и почему все подевались, пока не имеет внятного ответа.

— Ну что, Иули Нимрин, скрепим наши договорённости обещаниями? — прерывает затянувшуюся паузу Альдира.

Куёт железо, пока нав слаб и, вероятно, не слишком ясно соображает? Ну уж, нет!

— Мудрый Альдира, давай, сделаем это, когда я смогу хотя бы сесть без посторонней помощи. А пока мне даже говорить трудно.

— Так лежал бы себе молча, — бездна иронии.

— А я не хочу, чтоб ты изводил Вильяру расспросами и воспоминаниями.

Ромига ждёт какой-нибудь реакции от колдуньи, но та возится в углу, вне поля зрения, и в разговор не вступает.

— Ладно, уговорил, — милостиво соглашается Альдира. — Тебе лучше знать, что там между вами произошло. Но ты начнёшь рассказ об Одиннадцати сегодня. У тебя есть время собраться с силами, пока варится похлёбка.

— Доброта твоя столь же безгранична, как мудрость, о Альдира! — горечь прорывается сквозь Ромигин насмешливый тон. Разумнее было бы промолчать, но самоконтроль плывёт от слабости и долгой боли, глушить которую — тратить остатки энергии.

Альдира не даёт собеседнику спуска.

— Да, поэтому я не обвиняю тебя в незаконном обряде, куда ты втянул мою сестру по служению... Если только она сама не предъявит тебе такое обвинение. А, Вильяра мудрая?

— Не предъявлю, — нехотя, сквозь зубы. — Ничьей крови, кроме нашей, в круге не пролилось. Нимрин исцелил меня, как обещал, как я сама предсказывала и нагадала, — Вильяра замолчала, но через пару вздохов всё-таки добавила. — Мудрый Альдира, пожалуйста, не дави на Нимрина, я прошу тебя об этом как целительница. Мне и так стыдно, что я...

— Целительница? Вот и занялась бы своим целительским делом, помогла болящему. А хлам из сундучков старого прошмыги потерпит до лучших времён. Потом его разберёшь.

Вильяра сердито фыркнула, подошла — нав опустил веки, не желая встречаться с ней взглядом. Тоже больно: суток не прошло, как они почти убили друг друга. В некотором смысле, убили. Доля мгновения отделяла Вильяру от гибели, когда она спела «летучую». А если бы она не успела, не смогла? Сколько воды утечёт, пока нав позабудет серебристые

глаза, в которых отразился лютым врагом?

Мерещатся другие глаза, зелёные, смотрят с укоризной, хотя Ромига даже имя той фаты припоминает с трудом: Верена, Велена? Первая люда, к кому молодого нава потянуло сильнее, чем к разовому пикантному приключению. Кажется, взаимно! Но оба не дерзнули стать из любовников — возлюбленными. Поспешно разбежались, сбежали от неуместных чувств, постарались друг друга забыть — чтобы через несколько лет встретиться в подвалах Цитадели.

Люда погибла. Ромига не подарил ей не только быструю и безболезненную, а даже относительно чистую смерть. Не во власти помощника дознавателя — изменить ход допроса. Сведения нужны были во что бы то ни стало, ради победы в войне. Да, Навь тогда воевала с Людью, и в Зелёном Доме с пленным навом обошлись бы примерно так же. Нс Ромиге повезло, а его женщине — нет. Почему сейчас он вдруг вспомнил ту люду? Именно её, а не всех, к кому неровно дышал, а после убил, подставил, оскорбил, оттолкнул? Мог ли иначе? Иногда да, иногда нет. В любом случае, поздно об этом сожалеть, совсем поздно.

А всё-таки, если бы он дерзнул удержать при себе юную феечку Велену? Испортил бы ей карьеру скандальным романом или даже постоянным сожителем с навом? Не стала бы она фатой, аналитиком, не притащили бы её в Цитадель на допрос...

— *Не привязывайся к тем, кого ты не контролируешь, над чьей жизнью не властен целиком и полностью, — учит дознаватель Идальга своего давно уже не помощника, переживающего гибель очередной пассии: оторвы и умницы, другие Ромиге никогда не нравились.*

— *Идальга, это невозможно! Я же не властен над жизненным циклом младших...*

— *Вот и не привязывайся к ним. Или убивай их вовремя, своими руками.*

— *Но ведь и мы, навы, тоже смертны!*

— *Ни к кому не привязывайся, — усмехается Идальга поверх бокала, в глазах — пугающе знакомая полярная ночь.*

Вспомнил ли Ромига реальную беседу с бывшим наставником или немножко бредит? Эсть'ейпнхар, собственное прошлое кажется ему странно зыбким, неопределённым. Наверное, это всё обряд Одиннадцати? Не одну Вильяру круг вернул в наихудшее мгновение её жизни. Ромиге тоже прилетело: не только от разъярённого вихря, а по мозгам. Лишь бы не спянуть, как Онга...

— *Нимрин! Ромига! Открой глаза, посмотри на меня.*

— *Не хочу.*

— *Надо. Слово целительницы. Открой глаза и пой со мной. Хотя бы голосом подпой, если бережёшь силу.*

Может, правда, так лучше? Серебристый взгляд — живой. Вильяра смотрит на Ромигу без тепла, да асур с ним, с теплом. Пакостный обряд они пережили, это главное.

Под целительные песни нав расслабился и задремал. Благо, уже можно не держать себя в сознании: кости схватились и срастаются, прочее худо-бедно регенерирует. Обойтись бы без травм в ближайшие несколько лун...

Вильяра смотрит на спящего Нимрина и угрюмо размышляет, почему обыденный облик

чужака мил ей с первого взгляда, а второй, колдовской, вызывает ужас и непреодолимое отвращение? Ведь и так, и эдак Иули отличается от охотников. А сам-то он даже не слишком сильно меняется! Кости, жилы, мышцы — всё те же самые, лишь поверх беленькой, гладенькой кожицы нарастает шипастая чешуя, да глаза чернеют целиком. Почему лицо разумного сразу выглядит, как морда дохлой, иссохшей на солнце зверь-рыбы? Ещё и тошнотворно перекошенная: справа и слева шипы торчат вразнотык.

Вспомнила — замутило! И тут же запоздало затрясло от пережитого в круге. Заколотило страшно, неудержимо: Вильяра дрожала и стучала зубами, пока не очутилась в кольце рук наставника. И тут же, вопреки прежнему желанию — сохранить в тайне подробности обряда — стала рассказывать-жаловаться. Как маялась и тосковала, медленно издыхая от раны, как доверилась Нимрину и пошла за ним, как едва не погибла от его руки, как впала в неистовую ярость и сама принялась его убивать...

Альдира прижимал колдунью к широкой груди, внимательно слушал, но и похлёбку помешивать не забывал, этой своей несуетливой хозяйственностью успокаивая лучше любых слов. Мол, все ужасы миновали, а сейчас вот поедим вкусного, и станет совсем хорошо. Вильяра маленько всплакнула от облегчения — почуяла, что полегчало-то не ей одной, Альдира тоже выдохнул!

— Хорошо, что ты решилась рассказать, ученица. Вряд ли кому-то ещё понадобится проводить обряд Одиннадцати, зато моё сердце успокоилось. Теперь я точно знаю, что не заменил бы тебе Нимрина в том круге. Даже если бы я невероятным ухищрением призвал те Камни и смог туда войти. Но нет, никто во Вселенной не сделал бы для тебя то, что сделал твой воин.

— Почему ты говоришь, ты бы не смог? — переспросила Вильяра сквозь слёзы.

— А ты бы просто не увидела во мне Иули Онгу, прекраснейшая. Кого угодно из охотников или мудрых, кто обижал тебя. Но не Иули.

— Наритьяру! Наверняка, я увидела бы Старшего или Среднего... Тьфу, погань какая!

— Вот и я про то. Ладно, похлёбка сварилась. Отлей своему спасителю жижицы и покорми, а потом я позову других мудрых.

Ромига проснулся от того, что его осторожно приподнимают, и от запаха еды под носом. Есть он уже хотел, а значит, мог: у навов с этим предельно просто. Взять ложку — ещё никак, а пиалу в обе руки — уже да. Осторожно хлебал через краешек горячий взвар, на всякий случай прислушивался к внутренним ощущениям. Лишь на последнем глотке окончательно пробудился, широко раскрыл глаза — ожидаемо, встретил взгляд Вильяры. Отметил: взгляд без тепла, но и без особого холода. Глаза покраснели, припухли, будто колдунья недавно плакала, однако, в целом, физиономия довольная, и напряжение ушло.

— Хочешь ещё похлёбки? — спросила она его.

— Хочу. Половинку пиалы.

Доевши вторую порцию, нав бы ещё поспал. Ведь до того, как Вильяра его разбудила, ему снился город под белым небом, и там больше не было душекрада! Страшного врага больше не было нигде, совсем. Врага не было в живых, Ромига знал это совершенно точно, и наслаждался, бродя по узорчатым мостовым шумного, богатого, пропитанного незнакомой магией города. Большинство прохожих гостя не замечали, лишь темноволосый щёголь в яркой, как светофор, одежде взглянул вдруг с профессиональным интересом. Чуть

присмотрелся — да и пошёл дальше по своим делам. Ромига хотел, было, догнать его, расспросить о враге врага. Почему-то казалось, ходячий светофор может быть в курсе, но тут Ромига проснулся... А теперь размышлял, можно ли верить сну? Если — да, хорошо бы попасть в тот город наяву и разузнать подробности...

Явление Стиры, а потом Гунтары, Ркайры и Тринары вынудило нава отложить интересные сны на потом. Мудрые приветствовали друг друга и тут же принялись горячо обсуждать новости. Не то, чтобы Ромигу интересовало, как Наритья раскололись на четыре враждующих клана... А вот про банду «поборников справедливости», объявивших охоту на мудрых, лучше знать, чем внезапно на них напороться. С его-то везением! Ведь и Вильяра, публично казнившая двоих таких отморожков за убийство Наритьяры Младшего, наверняка, заслужила месть... Ркайра тоже заслужил — трижды за последние полтора суток отбивался от покушений... Ещё во всём этом нехорошо замешана родня Аю, но как именно, Ромига не успел разобраться.

Завершив своеобразный «смол толк», мудрые прошли вглубь логова и устали на лежащего нава. В скрещении шести взглядов он почувствовал себя крайне неудобно. Возможно, голки обменивались безмолвными репликами, возможно, просто оценивали его состояние. Плачевное: нижнюю половину тела Ромига ощущал частью себя, отслеживал ход регенерации, но не более того. Раздробленный позвонок восстанавливался гораздо быстрее нервного ствола, повреждённого осколками, и, как назло, именно сейчас всё это отчаянно заболело, переплавляясь и перестраиваясь...

— Да, Альдира, ты прав! Тащить его в Пещеру Совета — только зря издеваться, проще сразу добить, — прервал молчание Гунтара.

Вильяра вдруг безо всякого почтения растолкала старейших и присела на лежанку рядом с Ромигой, частично загородив его собой. Лица её он не видел, только напряжённую спину. А она, глядя на остальных мудрых, нашарила его руку и сжала запястье.

— Мудрые, я напоминаю! Я взяла Иули Нимрина под своё покровительство. Что бы ни произошло между нами в круге, вне круга я храню данное ему слово.

— Храни, — отозвался Гунтара. — Но разыскивать его дом ты будешь до бесснежной зимы. Мир, откуда он явился — мёртвая, иссыхающая старица на реке времени. Такое, знаешь ли... особо уединённое место для изгнания. Замкнутое на все запоры изнутри и снаружи, чтобы изгнанные не разбежались и никому не вредили, а жрали друг друга, как звери в яме. Ходу нет ни туда, ни оттуда. Как и почему выбрался этот Иули, я не знаю. Возможно, ему следует благодарить, а не проклинать своего душекрада. И дорогу назад искать не стоит.

Ромига сжал зубы до скрежета: сказанное Гунтарой о месте изгнания идеально подходило к прародине навов. К той самой Колыбели, откуда они вырвались, завоевав себе прекраснейший из миров... И принесли своё проклятие с собой, исподволь распространяя его на новое место жительства и на всех, с кем имеют дело? Ведь к Тайному Городу сказанное тоже можно отнести. Да и совершенный мир давно уже не столь прекрасен, как был на заре времён.

Вильяра сказала очень зло:

— Я думаю, я понимаю, о чём ты говоришь, мудрый Гунтара. Мы с матерью однажды замкнулись в нашем доме, чтобы моровое поветрие не перекинулось на соседей.

— Нет, мудрая Вильяра, ты совсем не понимаешь. Никто на Голкья не догадался бы:

нарочно согнать в один дом толпу беззаконников, запереть их там, да и оставить на зиму.

— Ну, а не нарочно такое бывало, сказители о том повествуют, — набычилась Вильяра. — Зимовщики либо сплотятся и выживут, либо не увидят весны.

— Эти «зимовщики» вряд ли дождутся весны, — покачал головой Гунтара. — Закона-то в их сердцах как не было, так и нет.

— Это всё тебе Пращур наплёл? — не удержался Ромига. Уши нава были остры, кулаки он сжал так, что ногти вонзились в ладони.

Услыхав о Пращуре, Гунтара вздрогнул, сморгнул и чуть изменившимся тоном продолжил.

— Некто. Он ждал меня в лавке и сразу опознал, хотя я сделался неотличимым от жителей того селения. Он пересказывал мне, о чём те книги, которые я передал тебе, Иули. Но я не узнал в нём нашего Пращура. Он... Возможно, на самом деле, тоже Асми, но другой.

— Как он выглядел?

— Обычно для того места: тощий, прыщавый подросток, неловкий, некрасивый, в нескладной одежде. Я уверен, это не настоящий облик, но каков он на самом деле, я различить не смог. Его трудно было разглядывать и невозможно не слушать.

— А ты не говорил с тем, кто написал книги? Со сказителем?

— Некто, встретивший меня в лавке, уверял, что бесполезно задавать вопросы сказителю. Тот тоже не ведаёт пути в мир-призрак, где доживают бывшие. Как старица реки долго ещё сообщается подземными токами с главным руслом, так исчезающий мир способен являться в грёзах, тревожить сны, рождать в умах сказителей вдохновенные враки.

— Сказки, — упрямо поправил Ромига.

— Возможно. Тебе виднее. Я просто передаю тебе слова того Некто. Мне показалось он очень хорошо знал, о чём говорил, и был, гм... Ослепителен в своей убедительности. Как опытный сновидец, я добавлю от себя. Я сам не раз наблюдал сплетения похожих, родственных миров, где не отыщешь ни начала, ни конца. Не поймёшь, где главное русло, где старицы. Нет, я не поручусь, что Некто сказал мне правду, всю правду и ничего, кроме правды. Я по-прежнему досаую, что завёл тебя не туда. Я желаю разобраться, как так вышло. Однако я опасаюсь за свою жизнь и рассудок. Лучше я послужу родному миру, чем сломаю голову о загадки твоего.

Вот так спокойно и откровенно признаться, что струсил и отступает, мог только голки. Тварь, вообще-то, бесстрашная и любопытная, но уважающая опасности и не лезущая на рожон без крайней нужды.

— Ну, спасибо тебе, о мудрый Гунтара!

— Пожалуй-ста, — ответил голки по-русски, даже почти не спотыкаясь на непривычных звуках.

Ромига не нашёлся, что добавить, и несколько вздохов в логове царило насторожённое молчание.

— Иули Нимрин, ты обещал рассказать нам об Одиннадцати, — бесстрастно, как голем-дворецкий, напомнил Альдира.

— Да, я обещал сегодня начать, — Ромига тяжело вздохнул, Вильяра чуть стиснула пальцы на его запястье. — Присаживайтесь поудобнее, о мудрые. Слушайте сказки Теней о временах, когда лучшие колдуны вашего народа умирали молодыми. И не от ярости стихий, а на алтарях, под острыми ножами своих преемников, таких же обречённых бедолаг. Ну, а что

ещё вам всем оставалось делать, если к концу недолгого служения заклинатели стихий становились их неистовыми воплощениями?

Перед мысленным взором наваплыли чужие судьбы, чужие жизни и смерти. Всё это было давно и не с ним, отзвуки чужих мыслей и чувств не захлёстывали его — но *помнились* и настойчиво искали выход в слова. Будто, приняв отречение Повелителя, Тени просили и умоляли его — стать их голосом. Только потянься мыслью им навстречу — и всеведение, которого Ромига едва успел коснуться, снова тут как тут. Для Ромиги — соблазн, сильный! Желает ли он стать воплощённой памятью целого мира? Чужого, неудобного и странного мира, выпестованного блудным асурским разведчиком?

Да, Пращур чаще всего снился именно заклинателям. Пращур учил их... Видимо, разному пытался учить, безжалостно экспериментировал, ощупью искал, как стабилизировать их магический дар и психику — заодно. Ничего лучшего, чем путь равновесия, учитель вкупе с его любимыми учениками не придумали. А теперь блудный навпересказывал потомкам тех колдунов, как в муках проб и ошибок рождались знакомые им магические практики. Разъяснял изначальную суть этих практик, ход мысли создателей... Искренне восхищаясь голки! Ну, не асуром же ему восхищаться: это противоестественно. Потому по ходу рассказа всё Ромигино восхищение и уважение доставалось охотничьему колдуну Кане Мункаре, Первому из Одиннадцати.

— Нельмара должен слышать это. Почему он не пришёл? — спросил Стира, когда рассказчик остановился перевести дух после особо захватывающего эпизода.

— Хранитель знаний снова занедужил, — ответил Тринара и поморщился.

Ркайра фыркнул, собираясь что-то сказать — Альдира перебил его, жадно сверкнув зрачками:

— Это должны слышать все мудрые! От старейших до новопосвящённых. Без исключения. Из первых уст.

— О мудрый Альдира, неужели, ты переменял своё решение и желаешь привести Нимрина в Пещеру Совета? — тут же напряглась Вильяра.

— Не просто желаю, а считаю необходимым. Но ты не беспокойся за своего воина, о Вильяра. Не сегодня. И я ещё спрошу его, желает ли он?

Кажется, Ромига перестарался. Слишком увлёкся, рассказывая голки позабытые страшные сказки о них самих — а сошло за откровение. Желает ли он, чтобы перед ним *вот так* развесила уши вся толпа мудрых? Чтобы они не гнали зловредного Иули с Голкья, а засадили источник бесценной информации в золотую клетку? Такое намерение явно читается у главы Совета, а Ромига слишком погано себя чувствует, чтобы торговаться и спорить.

— Мудрый Альдира, давай, мы поговорим об этом завтра?

Голки прищурил азартно горящие глаза:

— Иули Нимрин, ты боишься, я не отпущу тебя, когда ты соберёшься уходить?

— Опасаюсь, — Ромига скривил губы в ухмылке, хотя от сочетания собственной уязвимости и проницательности собеседника его опять пробрало ознобом.

Альдира отрицательно качнул головой:

— Нет, Иули. Мы утратили многое из наследия Одиннадцати, жаждем восполнить утраченное и будем благодарны тебе за помощь. Но я знаю: всеведение Теней — тяжкая ноша для живого. Ты спятишь, если понесёшь её слишком долго. Ещё одного безумного Иули нам здесь не надо. А если мы попытаемся удержать тебя силой, чтобы подольше слушать

твои сказки, ты ведь начнёшь злокозненно разбавлять былое враками? — ещё один лукавый прищур. — Я не сомневаюсь, тебе достанет хитрости вредить нам изошрённо и незаметно. Отравленное наследие хуже утраченного. Поэтому я не стану тебя ни к чему принуждать, Иули Нимрин. Такова моя воля и моё слово, слово временного главы Совета Мудрых. Присутствующие, будьте мне свидетелями!

Ромига устало прикрыл глаза, выдержал паузу в несколько вздохов и ответил:

— Мудрый Альдира, ты достойный наследник Каны Мункары. Я благодарю тебя за понимание, и я постараюсь вручить вам наследство Одиннадцати неповреждённым. Давай, продолжим беседу и сказки, когда я уверенно встану на ноги?

Альдира, Стира и старейшие переглянулись — глава Совета согласно кивнул:

— Отдыхай и выздоравливай, Нимрин, у тебя выдался тяжёлый день. Мудрая Вильяра, ты останешься здесь, со своим воином?

— Да.

Как только мудрые ушли, Вильяра развернулась лицом к Ромиге. Встретились взглядами — колдунью перекосило, будто от кислого.

— Ну, что ж ты за...

Недоговорив, она подскочила с лежанки и резкими, порывистыми движениями начала расставлять по местам утварь.

— Вильяра! Пожалуйста, присядь рядом со мной и выслушай меня. Очень внимательно выслушай меня и постарайся понять, уложить в себе услышанное...

Она плюхнулась рядом.

— Ну? Я тебя слушаю.

— Скажи, тебе стало тошно глядеть на меня? Да?

С досадой и отвращением:

— Да, Ромига.

— И это никак не проходит, хотя ты стараешься?

— Да.

— Я разделяю твои чувства.

— Ты? Разделяешь?! — недоумение.

— Да. Только я не удивляюсь и не корю себя, поэтому мне гораздо легче. Что произошло? В круге мы столкнулись сторонами, которые показываем смертельным врагам. А существа-то мы с тобою недобрые, небезобидные, и это прекрасно, само по себе! Врагам — так и надо.

Колдунья удивлённо приоткрыла рот — тут же сердито фыркнула:

— Я — целительница. Ты — не враг. Мой долг обязывает...

— Обращать ко мне совсем другую сторону? Да. А твои же здоровые охотничьи привычки вопиют: нельзя, опасно! Разлад. Переваришь потрясение, и полегчает.

— Ты знал, что так будет?

Теперь уже Ромига поморщился:

— Предполагал.

Ждал вопросов — не дождался, вместо них Вильяра завела Зимнюю песню умиротворения.

Остаток ночи прошёл... Тяжело. Магическая энергия закончилась, и приступы боли стало труднее контролировать, хотя сами они стали слабее. Регенерация шла медленнее, чем Ромига считал нормой. Поганые мысли донимали хуже, чем боль.

Нет, нав не переживал всерьёз за своё здоровье: раньше или позже он встанет на ноги и восстановится. Ни за то, найдёт ли он подходящую магическую энергию, и чем придётся за неё платить. Ни за Вильяру, тихонько посапывающую рядом на лежанке: что будет с ней дальше, то и будет. Ни как он станет рассказывать мудрым об их прошлом: расскажет, что Тени ему нашептали, и что сам он сочтёт нужным. Ни даже за то, доберётся ли он до города под белым небом, отыщет ли там врага врага, сможет ли договориться с ним до чего-то хорошего. Будущее виделось тревожным, неопределённым, но Ромига готов был разбираться с проблемами по мере поступления. А лишил его сна и покоя образ, подкинутый мудрым Гунтарой. Впечатался во Тьму под закрытыми веками, будто след вспышки. Злой, некрасивый подросток с гипнотическим взглядом. Глаза цвета пасмура и слякоти совсем не похожи на ненавистные *изаль афь эмеж*. Но смотрит маленький паршивец сквозь мудрого — и сомнений нет, *кто* может так смотреть на нава. Даже не на врага: на досадную статистическую погрешность, которую Некто с удовольствием помножит на ноль. А голки для него — просто конвертик для сообщения Ромиге: «Уничтожу! Посмей только сунуться на *мою* Землю — сотру. Совсем. Как стираю с лица Мироздания гадючник, из которого ты выполз».

Этот Некто — не вдумчивый, основательный Пращур, с которым у Ромиги, противоестественным образом, нашёлся общий интерес: благополучие Голкья. Даже не живодёры времён Первой Войны, чьи создания до сих пор замурованы в Куполе. Он...

Ладно, пусть Некто морочит Ромиге голову, берёт нава на испуг, на понт, как говаривали знакомые челы... «Сомневаешься? А ты проверь. Даже клочка Тьмы от тебя не оставлю!» Нет, в его способностях и возможностях Ромига почему-то не сомневается, но... Зачем тогда послание через мудрого? Типаж — явно не из тех, кто наслаждается прелюдией к убиению врага. Взял бы, да уничтожил. А раз пугает — или сам опасается нава, или Ромига ему зачем-то нужен. Напуганный Ромига. Сомневающийся Ромига. Эсть'эйпнхар!

Нав так устал от боли и размышлений, что соскользнул в анабиоз. Сознания там нет, и видений не бывает. Но очнувшись, Ромига всем собою помнил словно бы незримую вязкую паутину, в которой мучительно барахтался, рвал и развязывал на ощупь какие-то узлы. Раздышался, отогрелся после анабиоза — подумал: а не сродни ли та паутина нитям, прежде мерцавшем ему во Тьме? Не весточка ли от возвращающегося геомантского дара? Тревожная какая-то весточка...

Вильяра позволила себе хорошенько выспаться этой ночью. После всего пережитого — очень надо было! Нимрину худо, но не настолько, чтобы над ним бдеть. Однако застонал — проснулась. Сразу поняла, что стонет не от боли, а скорее, от досады — разозлилась, что разбудил, проснулась окончательно.

— Как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, плохо. Но лучше, чем вчера.

С видимым трудом согнул ноги в коленях. Завозился, прикидывая, сможет ли встать. Поморщился.

— Помоги справить нужду?

Вильяра терпеливо выполнила его просьбу, глянула, выходит ли ещё кровь из нутра? Потом осмотрела больного снаружи. Отёки за сутки спали, ссадины поджили, синяки из чёрных стали разноцветными. То есть Иули, как всегда, удивлял живучестью. Но знахаркина дочь опознавала опасный предел, когда тело уже с трудом латает себя, и в чёрных глазах мелькнуло выражение загнанности. Вильяра на миг обрадовалась, что перешибла-таки хребет чёрному оборотню! Он, видимо, тоже ощутил её злобную радость и сжался под руками... Закрыв глаза, расслабился, выровнял дыхание. У Вильяры уже в который раз за сутки запылали уши.

— Нимрин! Ромига! Прости, я...

Он нашёл слова быстрее, чем она собралась с мыслями:

— Ты же не скажешь, что мы зря ходили в круг, и лечение оказалось хуже болезни?

— Нет, не скажу... Ромига, спасибо тебе! И прости.

— Простил. Но ты, пожалуйста, позови сюда Рыньи и отправляйся по своим делам. Их же у тебя невпроворот: беззаконники, Аю, эти придурки с узлами справедливого суда... Вот если ты подставишь им спину, тогда я точно тебя не прощу.

— Но ты же вчера не хотел, чтобы в доме Кузнеца видели тебя таким?

— В доме — не надо. А Рыньи я объясню, не беспокойся.

И объяснил, Вильяра сама заслушалась:

— Мы ловили бродячие алтари. Нам обоим крепко досталось от стихий. Вильяра — мудрая, спела «летучую песнь», и в порядке. А я вот отлёживаюсь.

Ни слова вранья, но так ловко выплясывать вокруг неприглядной правды умел, пожалуй, один Латира. А Рыньи смотрел на них обоих, как на героев сказки.

Оставив Иули с мальчишкой, Вильяра повязала на куртку несколько новых узлов, приняла кое-какие меры предосторожности и отправилась бродить по Ярмарке. Первым делом она зашла в трактир к Ласме и Груне, выслушала свежие новости и поделилась своими. Заглянула в лавки, где бывает больше всего покупателей. Побывала в береговых пещерах у старых-престарых знакомцев, кто пережил смутные времена.

За день она показалась куче охотников — здоровая. И всем любопытствующим поясняла, что за новый узор у неё на одежде: мол, для самых непонятливых, кто не умеет читать серёжку мудрой. Убедилась, что охотники Вилья не сомневаются в праве хранительницы клана носить все эти узлы. Бродяги, кто остался зимовать на Ярмарке, тоже смотрели, слушали с одобрением.

А вот «поборников справедливости» Вильярины собеседники поминали недобрым словом, пересказывая про них самые жуткие слухи. Как сновидцы похищают детей Наритья и уносят их неведомо куда. Про отравленный дом Поджи. Про второго убитого мудрого — Рийру. Покойный был лентяем, недотёпой и неумехой, клан Рийи часто от этого страдал. Но злодеем, как Наритьяры Старший и Средний, несчастный Рийра не был. И вроде бы даже не замарался в их беззакониях, как Наритьяра Младший. Видимо, поэтому Рийре просто отрезали голову, а не утопили её в навозной яме.

К вечеру Вильяра устала быть настороже — вернулась в логово: в мир и безмятежность.

Рыньи перешивал для Нимрина запасную одежду старого Латиры. Сам Нимрин что-то рисовал в той штуковине, которую называл смешным словом «тетрадь». Выглядел он увлечённым, и синяки с лица сошли. А Вильяра достаточно проветрилась, чтобы её не швыряло от благодарности, что вылечил, к злости, что едва не прирезал. Она осмотрела Иули, отметила улучшения, спела пару целительских песен и принялась готовить ужин.

Поужинали с удовольствием, переночевали спокойно, а спозаранку Вильяра снова ушла — в дом Кузнеца. Она уже заглядывала туда сутки назад: за Рыньи и двумя котомками Нимрина. А теперь намеревалась задержаться подольше. Хотела повидать Лембу. И Аю.

Аю — забота, которую не перевалишь на других. Вильяра сожалеет уже о том, что из-за собственной болезни, лечения и отдыха от лечения не смогла быть рядом с жертвой запретного колдовства, а только оставила ей зачарованное зеркало. Много горького и страшного высмотрит Аю в том зеркале, вспоминая себя. Так нужно, чтобы она исцелилась, однако нужен и кто-то, кто по-матерински обнимет, в кого захочется поплакать... Ой, нет, только не по-матерински: материнская ласка несчастной Аю вовсе неведома.

Родив Аю, Тари порадовалась разрешению от бремени, но не той, кого произвела на свет. Через две луны купчиха перетянула грудь, оставила дочку в детских покоях и вместе с мужем отправилась в новое странствие. И без матери было, кому кормить и воспитывать дитя. Тем летом в доме Ула родили ещё пятеро женщин. На шестерых младенцев кормилиц более, чем достаточно. Рядом подрастал старший сынишка Уканы от Тари, Гайя. Двухлетка с радостью принял сестрёнку-сеголетку и сильно к ней привязался, но это родители заметили гораздо позже.

В начале осени пара купцов вернулась в тот же дом, зимовать. Вернулись даже с хорошим прибытком. Они стали осмотрительнее, и дела у них пошли на лад. А ещё Укана завёл полезнейшие знакомства. Хотя, когда сновидец Ракта прислал ему зов и потребовал ответной услуги, Укана изрядно перетрухнул.

Нужно было перебить выгодную сделку одному Наритья, потом задержать неудачника в ярмарочном поселении Вилья. Открыто, нагло перехватывать сговоренный товар — за такое могут и на поединок вызвать! Да и не нужны были ни Укане, ни его дому ножи и топоры в таком количестве. А везти их под зиму куда-то далеко и снова застрять в чужих угодьях...

Укана решил посоветоваться с женой, и та вдруг затеяла игру, которая тугодуму Укане даже на ум не пришла! Как его Тари юлила, кому льстила, кого в чём убеждала, Укана не всегда понимал. Но в итоге лучшие стальные изделия из дома Кузнеца принялись скупать Руни. Конечно же, Вилья не отказали своим ближайшим соседям. А неудачник из Наритья поскользнулся на лестнице: вероятно, от досады. Застрял в трактире с переломанной ногой, а на исходе осени перебрал марахской травы, да и замёрз насмерть. Ракта принял исполнение услуги, но Укане уже понравилось строить козни поганым Наритья. А его несчастная Тари, вообще, словно заново родилась: похорошела, заблестела глазами.

Так двое Сти ввязались в тихую, но ожесточённую междоусобицу, идущую в бездомном доме, неведомом клане уже несколько поколений. Говорят, купцы с Марахи Голкья начали её первыми, против всех. Но наверняка уже никто не упомянет. Кто бы ни начал, Наритья под покровительством трёх Наритьяр набрали слишком большую силу и всё чаще обманывали, подставляли, а то и попросту грабили купцов из других кланов. Действие

родило противодействие, обе стороны быстро скатились в полнейшее беззаконие...

Мудрый Ркайра не стал посвящать Вильяру во все дела Тари и Уканы, а только в те, что касались родственных чар. Хотя одно с другим оказалось переплетено.

Миновала первая зима жизни Аю — Тари так и не приняла дочь. Сына в детских покоях она навещала, водила по дальним закоулкам дома и вокруг, учила уму-разуму. А на Аю смотрела, как на пустое место. В дурном настроении — шугала её от себя, обзывала Наритьяриным выродком.

Муж и его родня пытались образумить Тари, но тщетно. Самое лучшее, что сделала мать для дочери: позволила вырасти в доме, где девочку привечали и заботились о ней.

Прошло ещё лето и осень: купцы путешествовали по своим купеческим делам. И вторая зима. И ещё лето. И снова зима. Теперь Тари иногда снисходила до подрастающей Аю — та изо всех сил старалась заслужить материнскую ласку и одобрение. Второе ей даже изредка удавалось.

На исходе третьей зимы старший брат Гайя повёл сестру на охоту, и она добыла зверя.

Аю достигла совершеннолетия, и весной родители забрали её в свою ватагу. Она вправе была отказаться, однако не посмела. Вот тут-то мать и начала по-настоящему изводить нелюбимое, но полезное в хозяйстве чадо. Хотя до беззаконных чар пока не дошла. Один из молодых ватажников засматривался на красивую девушку. Аю готова была подарить ему свою благосклонность, но Тари с Уканой думать не пожелали об их свадьбе. Намереваясь сбыть «гнилой товар» повыгоднее и не сейчас.

А потом пришла ужасная весть: любимый старший сын Гайя, который уехал с другой ватагой, погиб на поединке с Вильгрином, сыном Поджи. Вот тут-то в омрачённом горем, но изворотливом уме Тари возник замысел: она решила сделать из ненавистной дочери совершенное орудие мести.

Аю должна была обольстить Вильгина и стать его женой, а потом пойти в круг с Наритьярой: любым из них, лучше — со всеми по очереди. И отравить их всех родственными чарами, давая Тари власть над ними!

Укана смирился с прихотью жены. Ведь их могущественные друзья всецело одобрили безумную затею и подсказали, как подложить Аю под кровного врага, убийцу её брата. Те же друзья выступили посредниками в переговорах о вине за смерть Гайи, назначили место встречи...

Когда расклад окончательно определился, Тари подробнейшим образом разъяснила его Аю. Разъяснила, упиваясь ужасом в её глазах. И только после этого зачаровала.

Вильяра сказала бы, что купчиха Тари изначально была недалёковидной, самонадеянной дурой. Такие вечно находят себе неприятности. И сами долго не живут, и других подводят. Но Наритьяры вместе с сыновьями Поджи сделали из самонадеянной дуры — дуру озлобленную, до потери закона в сердце. Как избыть последствия их беззаконий, и сколько вокруг таких, как Тари? Вильяра за собственный-то клан не поручится, что в нём нету подобных. Наритьяра Старший хозяйничал в угодьях Вилья совсем недавно, да и Средний к нему в гости захаживал. Нет-нет, скучать Вильяре этой зимой не придётся! Не будет хранительнице покоя, пока она не погостит в каждом доме, не заглянет в глаза

каждому охотнику. Раньше она об этом не задумывалась, не сообразил и более опытный Стира. А ведь мудрый мог помочь Тари, как помогали Латира и старый Вильяра знахарке Уюни. Но к Тари никто не позвал мудрого, а сам Стира потратил время и внимание на другие опасности, которые умножились стараниями тех же Наритьяр.

В общем, зимний покой в этом году — совсем не для мудрых, нужно будет поговорить об этом с Альдирой. А пока — к Аю.

Аю смотрела в зеркало и плакала. Красивее она от этого не становилась, зато живее — да. И как больно отогревать заледеневшие руки-ноги, так же больно было ей сейчас... Она вспомнила, что случилось с братом!

В позапрошлом лето молодой купец Гайя, сын Уканы, вызвал на поединок Вильгрину, сына Поджи. Как говорят, вызвал его за обиды матери в доме Поджи и пал в поединке. Аю тогда чуть глаза не выплакала. А родители, которые прежде не жаловали младшую дочь, совсем одичали. Аю вспоминала крики и ругань Тари — сжималась в комок от одних воспоминаний. Но самым жутким был неистовый, безумный блеск в материнских глазах, когда та собиралась творить над Аю запретный обряд.

Аю умоляла маму не впадать в беззаконие, ползала на коленях, рыдала и плакала — отец помог матери связать дочь, а после влил в рот Аю зачарованное зелье.

Боль воспоминания стала нестерпимой, Аю заметалась по комнате, готовая то ли голову раскроить о стену, то ли бежать на кухню, к старой Ракиму: рыдать в её необъятную грудь, слушать ласковую болтовню, съесть что-нибудь вкусное и помочь с готовкой. Но тут на лежанке из ниоткуда возникла мудрая Вильяра.

— О мудрая! О, горе мне, горе! Зачем, зачем ты сделала для меня это ужасное зеркало?! Зачем приколдовала его к стене, ни снять, ни разбить? Горе! О, горе! Правильно моя мама ненавидела меня и называла выродком! Если бы я согласилась ехать с Гайей, как он уговаривал, я удержала бы его от стычки с Вильгрином. Мой брат остался бы жив, и мама не одичала бы...

Вильяра очутилась рядом, обняла Аю, притянула к себе. Та мимоходом подумала, что грудь у мудрой не такая обширная и мягкая, как у Ракиму, зато жизненной и колдовской силы через край. Вильяра укутала Аю своей аурой, словно тёплым облаком, и что-то запела... От горя, вины Аю совсем перестала соображать. Рыдала, билась, как белянка в силке. Потом слёзы потекли ровным потоком и медленно, очень медленно иссякли.

Аю с Вильярой сидели на лежанке, мудрая обнимала охотницу, гладила её по спине, но больше не пела. Вильяра тихо и вдумчиво заговорила о боли, которая всё ещё грызла Аю изнутри.

— Аю, никто не знает, что случилось бы с тобой и твоим братом, если бы ты последовала за ним. Твой брат прав, что решил уйти от дичающих родителей. Ты ошиблась, беззаветно служа и угождая матери. А ведь у тебя было на выбор ещё немало путей! Остаться в доме, где ты выросла. Явиться на поклон к твоей бабке по матери. Стать подмастерьем златокузнеца, например, в доме Арна: я уверена, ты бы смогла! У каждого пути — своё, неизвестное несбывшееся. Может, счастливое, может, ужасное, никто никогда не узнает, — мудрая помолчала, дав Аю время на удивление: о чём ещё та вовремя не подумала? — И да, Аю, я согласна с тобой. Скорее всего, ты сделала тогда наихудший выбор из возможных. Но твой брат погиб от собственной несдержанности. Ты не обязана была такое предвидеть. И

неизвестно, смогла бы ты удержать его от поединка. Точно так же, как ты не в силах была вложить ума своей матери, отвести её от беззакония. Не вини себя в том, что во власти других. И не бери ответственность за других, пока толком не отвечаешь за себя.

Из глаз Аю снова потекли слёзы, но на сердце полегчало: здесь и сейчас охотница верила и доверяла своей мудрой.

— Аю, скажи мне, а почему ты не послала зов мудрому Стире, когда твоя мать решилась на незаконные чары? Почему не попросила его помощи? Ты ведь знала мудрого Стиру в лицо?

А в самом деле, почему? Родня держится друг друга, это закон. Но тяжкое беззаконие рвёт узы и обязанности послушания, это тоже закон. Аю не просто могла, она должна была позвать на помощь мудрого Стиру, но... Это попросту не пришло ей на ум! Видимо, несчастный Гайя был прав: мать утопила в своём безумии и отца, и Аю. Задолго до тех поганых чар. Дрожа от ужаса, Аю призналась Вильяре:

— Конечно, знала! Мудрый Стира появлялся в доме Ула, где мы жили. Я видела его не однажды. Я плохо владела мысленной речью, но вопль ужаса я смогла бы ему послать. Я должна была позвать мудрого, но даже не подумала. Я совсем глупая, да? Покрывая незаконницу, я стала с нею заодно?

Вильяра погладила Аю по голове и снова запела...

А потому что успокоиться надо обеим! А потому что мудрая с налёта не нашла нужных слов для охотницы! Сколько времени она сама избегала обращаться к наставнику и другим мудрым за помощью? Избегала до последнего, на изнанку выворачивалась, лишь бы справиться собственными силами. Боялась, что, в лучшем случае, будет послана ко шурам, а в худшем, помощь обойдётся слишком дорого — ей или охотникам её клана. Ведь как ни старалась она смотреть в другую сторону, когда Наритьяры брали кого-то в круг, а ощущала больше, чем готова была сознавать.

— Аю, тебя предали самые близкие, и ты растерялась. Это можно назвать слабостью. Но ты не помогала незаконникам, а в меру сил и разума пыталась их остановить. Значит, ты — не заодно с ними.

— Мудрая, а почему ты опять плачешь? Ты же, вроде, исцелилась? Или нет?

Вильяра размазала по щеке слезу:

— Да, я исцелилась. А плачу — потому что я тоже бывала в твоей шкуре, о милая Аю. Меня предавали, подставляли, дурили... Больно, унижительно, досадно. Иногда страшно до потери разума. Но мы с тобою молодцы! Мы пережили все эти беды!

Хотела добавить, мол, и тех, кто нам беды приносил. Но, строго говоря, последний Вильярин бедоносец — Нимрин — жив, и мудрая совершенно не желает его поскорее пережить. А что касается Аю, вряд ли та обрадуется напоминанию о своём сиротстве.

— Да, пережили, — кивнула охотница.

Она уже не плакала. Чуть отстранилась от мудрой, смотрела осмысленно, и Вильяра ответила на вопрос, заданный в самом начале.

— А зачем я приколдовала зеркало в стене? Да чтоб ты его не спрятала, как в прошлый раз. Или не разбила. Чтобы нам с мастером Арном не пришлось делать тебе новое. Но если твоё лицо слишком тяготит тебя, ты не обязана глядеться в зеркало с утра до ночи. Ты уже вспомнила самое главное: как тебя зачаровали. И пережила это. С остальным можно уже не

так спешить. Займись чем-нибудь по дому, проведай свой уголок в мастерских...

Аю захлопала прекрасными голубыми глазами, совсем как раньше:

— То есть, я могу даже в другие покои перебраться, подальше от твоего зеркала? А почему я до этого сразу не додумалась?

Вильяра вздохнула:

— А потому же, почему тонущий не выпускает из рук самое занозистое бревно. Ты уже чувствуешь дно под ногами, но у берега могут быть опасные ямы. Да и на берегу бревно пригодится, чтобы костёр развести.

— То есть, мне лучше не переселяться в другие покои?

— Да, оставайся пока здесь, Аю. Таково моё слово целительницы.

Аю снова уткнулась носом в Вильяру. Прижалась, словно детёныш к матери, источая горячую благодарность. Через некоторое время Вильяра ласково потрепала её по загривку и предложила вместе сходить на кухню, а то что-то есть очень хочется.

На кухне вдвоём хозяйничали старый Зуни и тётушка Ракиму. Всех подростков Лемба увел в снега, наставляя в охотничьих премудростях. Вильяре стало досадно за Рыньи, которого она нагрозила заботой о Нимрине и лишила возможности поучаствовать в этой вылазке. Но раз уж так вышло, нужно улучшить время и сводить Рыньи в снега самой. Заодно выгулять зверя Юни — последнюю память о матери, о прежнем доме Углежогов у Синего фиорда.

Аю тем временем ластилась к тётушке Ракиму, как к родной. Зуни тоже поглядывал на жертву запретных чар тепло, словно на непутёвую внучку. Вильяра видела: Аю угождает старшим охотникам, как угождала купчихе Тари, тщетно добываясь материнской любви. Здесь-то почва более благодатная, но ещё немного, и сиротские ужимки Аю начнут раздражать тех, чьего расположения она ищет. Взрослой охотнице не пристало так юлить ни перед кем. Но объяснять это выздоравливающей — точно не время, и гораздо полезнее, если Аю сама дорастёт, осознает и найдёт свою меру достоинства.

— Старый, я хочу поговорить с тобой наедине, — окликнула Вильяра Зуни, когда в кухонных хлопотах наметился перерыв.

— Внимаю тебе, о мудрая.

Они присели на перевёрнутые корзины в одной из кладовок, мудрая спела песенку, чтобы никто не подслушивал.

— Зуни, я ношу серёжку мудрой, — она дёрнула себя за ухо. — Но я обращаюсь к тебе сейчас как младшая к старшему. Я нуждаюсь в твоём разумном совете и помощи.

Зуни нахмурил брови.

— И что же такого я тебе посоветую, о мудрая Вильяра, чего не посоветует мудрый Альдира?

— Зуни, я хочу знать, кто в нашем клане пострадал от моего первого наставника или других мудрых. Я желаю возместить, изгладить ущерб, насколько это будет в моих силах. И я хотела бы знать, кто из Вилья затаил зло на всех посвящённых. Кого мне следует остерегаться? От кого ждать удара в спину?

Теперь густые брови Зуни поползли на лоб. Старик покачал головой, сглотнул и задал вопрос, который при других обстоятельствах прозвучал бы непростительной дерзостью.

— Вильяра, а ты, правда, готова возмещать ущерб этим охотникам?

— Да, Зуни, в меру моих сил. Конечно, если мудрые кого-то незаконно убили, я не воскрешу погибшего. Но я должна знать, во что обошлось клану моё обучение. И на какие обиды охотники побоялись мне жаловаться?

Зуни не отводил пытливого взгляда:

— О мудрая Вильяра, тебя так крепко задела за живое самозванные поборники справедливости?

Колдунья досадливо поморщилась:

— Гораздо больше меня задела Аю. Как она не позвала на помощь мудрого Стиру, когда мать и отец зачаровывали её. И как весь дом Ула молчал, когда купец привёз из угодий Наритья безумную жену. Они все не доверяли мудрым и боялись, оттого вышло много бед и беззакония.

Зуни протянул руку и коснулся её плеча, будто в самом деле успокаивал молоденькую

охотницу.

— Знахаркина дочь, тебе всегда рады в доме Кузнеца, и тебе здесь некого опасаться. Я, Зуни из дома Кузнеца, доверяю тебе, потому поведаю тебе не одну и не две поганые истории про твоего наставника. Ведь я и сам тебе задолжал, если ты сочтёшь это за долг. Когда мудрые выбирали, кого посвящать, тебя или Лембу, я отстаивал внука — для дома.

— Я знаю, Зуни. Я сама наблюдала, как ты до сих пор отстаиваешь внука для дома, — улыбнулась мудрая. — А тогда я ужасно обижалась и злилась на вас. Зато ныне я благодарна пособникам моей судьбы за то, кем я стала. И Лембе тоже хорошо с его судьбой. Пусть так будет.

— А я решил, что нам повезло с мудрой, когда ты после посвящения не сорвала зло на ком-нибудь из дома Кузнеца.

Вильяра пожала плечами, мол, как иначе. И не стала рассказывать Зуни, как соблазнял её наставник: явить силу и власть над любым своим прежним обидчиком, недоброжелателем, врагом. Чего стоило ей самой возмущённое: «Нет, я не хочу!» А после — ещё более решительное: «Нет, я не стану никого мучить, унижать и запугивать, это же мои Вилья!» Она промолчала об этом, желая вернуть доверие охотников к мудрым, а не окончательно его порушить.

Зуни старательно обгрыз заусенец на пальце, только потом спросил:

— Мудрая, а всё-таки, какого совета ты от меня ждёшь?

— Зуни, пожалуйста, посоветуй, как мне помочь пострадавшим, кого ты знаешь?

— Давай, я сначала расскажу тебе о них, а после ты сама рассудишь. Как мудрая. И как знахаркина дочь.

Остаток дня Вильяра слушала: сначала Зуни, потом других обитателей дома Кузнеца. Слушала, говорила, пела песни, облегчающие боль воспоминаний... Прямо сказать, не лучший денёк в её жизни. Наставник Наритьяра оставил по себе препоганую память. Вильяре было ужасающе стыдно, хотя на неё саму никто не затаил зла — посчитали юную ученицу мудрого своей сестрой по несчастью. Только знахарка Алита, дважды изнасилованная в кругу Наритьярой Старшим, задала Вильяре вопрос, на который та не смогла ответить прямо и бестрепетно. Если бы наставник не погиб, и Совет не объявил его вне закона, посмела бы Вильяра возвысить голос против сильнейшего среди мудрых? Или по-прежнему молча смотрела бы в сторону, позволяя ему творить то, что он творил? Конечно, когда смута уже началась, хранительница Вилья встала против беззакония. Но до того — терпела... Алите мудрая сказала, что не гадает о несбывшемся, а живёт в сбывшемся. Живёт и изживает, изглаживает следы беззаконий.

В логово при Ярмарке Вильяра вернулась поздно ночью, совершенно без сил. Она даже не заглянула по пути к Зачарованным Камням. С таким настроением даже в знакомый круг лучше не соваться, заведёт неведомо куда. В логове хозяйничал мудрый Альдира — топил очаг и беседовал с Нимрином.

— А где Рыньи? — спросила Вильяра сразу после приветствия.

— Я отпустил его к Зачарованному Камню, — ответил Альдира. — В котелке похлёбка. Если ты голодна — поешь.

— Спасибо, я сыта по горло, — утрюмо буркнула колдунья. — Когда Рыньи обещал вернуться?

— Я дал ему срок до рассвета, он должен будет сменить меня здесь. И не смотри на

меня так сердито, о прекраснейшая! Рыньи не пропадёт ни у Камня, ни на Ярмарке, я приглядываю за ним.

Вильяра вдохнула — выдохнула, и даже зов посылать не стала. Спросила.

— Нимрин, как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, уже лучше. Готов потерпеть без твоих целительских песен, о мудрая. Пока ты отдохнёшь. Кто и где тебя так умотал?

— Да, Вильяра, я тоже желаю это знать, по праву временного наставника, — присоединился Альдира.

— О! Я разбирала очередной сундук из наследства Наритьяр. Оно ужасно! В доме Лембы Старший Наритьяра таскал в круг и едва не сгубил четверых взрослых и двух подростков. Один ребёнок не родился: Алита скинула его и с тех пор бесплодна. А я... Я так старательно смотрела в другую сторону, что обо многом узнала только сегодня, когда напрямую спросила старого Зуни, — Вильяра закрыла лицо руками и зарыдала, горько и отчаянно, как утром рыдала Аю.

Альдира тут же возник рядом, обнял её за плечи. Вильяра уже привычно прижалась к его груди. Нимрин ничего не сказал, зыркнул с непонятым выражением и больше на них не глядел — черкал в своей тетради.

— Да, это тяжкое, поганое наследство, — сказал Альдира, когда Вильяра немного успокоилась. — И вам, недавно посвящённым, досталось его больше других. Что ты намерена делать?

— Я обойду все дома Вилья, выслушаю пострадавших и помогу изгладить ущерб, как смогу.

— Как твой временный наставник я одобряю твоё намерение. Только не пади в другую крайность от незаконных Наритьяр.

— Это в какую же, о мудрый Альдира?

— Будто ты перед всеми за всё виновата. Будто должна снова и снова, бесконечно платить виру за старого беззаконника. Ты — не он. Ты посвящена в мудрые не за этим. Весна далеко, но, когда она наступит, и стихии разыграют, спасением для клана Вилья станет твоё могущество и бесстрашие, а не жалость и слёзы.

Вильяра хотела было возразить, что зима впереди длинная: сорок лун должно хватить на всё. Но слишком устала для продолжения разговора. Завернулась в шкуры и уснула, как убитая.

Беседовать с мудрым Альдирой — кататься на коньках по тонкому льду. Мог ли Ромига предположить, что станет обсуждать с ним план публичных лекций по истории магии Голкья? Казалось, ничего более замысловатого, чем обучение человеческих студентов их же истории — тому, что челы договорились считать за историю, вымарав из неё всё самое существенное — с навом уже не произойдёт. Однако, дожил!

Голки, бесписьменные пещерные жители, знают своё прошлое как бы ни лучше гордых своей цивилизацией челов. Сказки охотников и предания мудрых удачно дополняют друг друга. А Тени, теоретически, помнят всё, хотя редко кому по силам спросить их и пересказать узнанное живым. Но кажется, никто, никогда здесь ещё не пытался нанизать факты на единую хронологическую шкалу, исчислить в поколениях охотников и длинных местных годах.

От начала мира до первых разумных. От первых разумных до первого алтаря-камня. От первого алтаря-камня до пришествия Асми, именуемого Пращуром. От пришествия Асми до явления Иули, посланцев Империи Навь. От явления Иули до жертвоприношения Асми. От жертвоприношения Асми до Каны Мункары и согласия Одиннадцати. От согласия Одиннадцати до ведьмы Нарханы и жертвоприношения Иули Онги. От Нарханы до... Сколько они тут пережили кризисов, когда Солнечные Владыки схлёстывались с Повелителями Теней? Сколько раз живые воплощения сильнейших противоположных стихий сражались насмерть, а сколько — договаривались до песни Равновесия? Когда пришёл на Голкья безымянный Иули, друг Латиры, и чем здесь отметился?

Вильяра вчера не только Рыньи привела, чтобы приглядывал за больным Ромигой. Они притащили из дома Кузнеца оба Ромигиных рюкзака. Едва колдунья отбыла по делам, нав добыл оттуда тетрадь, ручку и стал конспектировать свои познания по истории и магии Голкья. Решил хотя бы эту самую хронологию составить, для начала. И набросать план лекций для мудрых. А то ведь Альдира просто так не отстанет... И хорошо! Пока ноги парализованы и не несут Ромигу к новым приключениям, самое то — поработать головой и поупражнять пальцы письмом. Время на выздоровление хочется потратить не только с пользой, а с удовольствием. Да и составлять отчёт Сантьяге потом будет легче. Даже если тетрадка пропадёт, проще восстановить по памяти однажды записанное, чем сочинять заново.

Глядя на нава, Рыньи тоже упражняется в письме: угольком по стенам логова. Мальчишка марает стены почти всё время, что остаётся у него от целительских хлопот, хозяйства и сна. Марает, чистит магией и снова увлечённо марает. Ромига, когда показывал Рыньи азбуку, не ожидал, что того настолько затянет. А теперь нав внутренне подсмеивается, как, возможно, через сотню-другую лет какой-нибудь странник между мирами будет в изумлении гадать, кто занёс на Голкья кириллицу? Хотя, было б, чему удивляться: голки — раса гениальных плагиаторов. Археолог Роман Чернов, Ромигино альтер-эго, сказал бы, что в целом они, из-за тяжелейших природных условий, застряли где-то в начале неолитической революции. Однако сновидцы голки, странствуя по ту сторону звёзд, многое подсматривают в более цивилизованных мирах, переиначивают по-своему и внедряют на родине. Ближайший тому пример — Лемба — живёт и трудится в доме Кузнеца. Качество его железных и стальных изделий, вкуче с объёмом производства, впечатлили бы даже на условно-средневековом фоне. Ещё один яркий анахронизм — Арн с его стеклянными зеркалами. А некоторые мудрые прекрасно, то есть, гораздо лучше Ромиги, ведут сложнейшие математические расчёты. И если Рыньи пройдёт посвящение, возможно, он сам всё объяснит будущему страннику про кириллицу и её адаптацию к местным нуждам. Мудрые, при счастливом стечении обстоятельств, живут долго...

Мудрые живут долго, и Ромига, беседуя с Альдирой, выверяет ту часть истории Голкья, которую Альдира способен лично засвидетельствовать. Хранитель знаний Нельмара старше и знает больше, но хандрит и отказывается покидать свои покои в Пещере Совета. Само по себе нехорошо, но в текущей ситуации, может, и к лучшему. Целее будет... А потому что у мудрых завелись непримиримые враги!

Оказывается, на четвёртом покушении Ркайра всё-таки изловил своего несостоявшегося убийцу. Изловил, спел над ним песнь Познания — выяснил, что у радикальных поборников справедливости цель, ни больше, ни меньше: известить всех мудрых! То есть, вернуться к

укладу, который был здесь до Каны Мункары. А потому что несправедливо быть такими могущественными колдунами и при том жить в сотни раз дольше любого охотника! Ежегодная смена укротителей стихий, через кровавые жертвы на алтарях — гораздо справедливее.

— Дураки! — только и сказал Ромига.

Не то, чтобы нав одобрял идею глубочайшего неравенства внутри одной расы: идею, как идею, в принципе. Однажды Нав истребила психократов осаров, даруя простор для развития их марионеткам осам. Но даже беззаконники Наритьяры не доходили до превращения охотников в безмозглых рабов. Остальные мудрые, кого Ромига знает, гораздо адекватнее. А Голкья без мудрых... Нав памятью Теней помнит, как это было. Так получилось, он единственный здесь это помнит. Пращур тоже, только его не дозовёшься. Эсть'эйпнхар, кем же надо быть, чтобы вдохновиться сказками о мире до Одиннадцати и пожелать возвращения тех лихих времён?

— Дураки, — согласился Альдира. — Но достаточно могущественные и умелые, чтобы уничтожать мудрых. Опытный Ркайра отбил от нападений сновидца, а молодой Рийра — нет. Рийре слишком быстро перерезали горло, лишили его возможности спеть «летучую». Тут же отсекали голову и сотворили чары над останками, чтобы он не смог вернуться призраком. Многие мои братья и сёстры по служению считали Рийру поганым щенком в нашей стае. Большинство уверены, что сами-то они отобьются. Но дело не в нашей способности защитить себя, истинной или мнимой. А во взаимном доверии кланов и хранителей.

С изнанки сна вывалилась смертельно усталая Вильяра, и разговор Ромиги с Альдирой прервался на полуслове. По краткому диалогу хранительницы Вилья с её временным наставником Ромиге показалось, что мудрая уже вовсю работает над проблемой доверия, которую они тут только что обсуждали.

«Правда ведь, Альдира, её стоило спасти от смерти?» — нав воспользовался безмолвной речью, чтобы не потревожить Вильярин сон.

«Тебе виднее, чего это стоило именно тебе, Иули. А я просто радуюсь, не нарадуюсь».

«Береги её, Альдира. Я никому из вас не прощу, если её зарежут недобитые вами беззаконники».

«Вами?»

«Ну, я-то временно не воин, а только собиратель знаний».

Альдира вздохнул: «Да, это так, Нимрин. Я надеюсь, мы изловим этих поганцев быстрее, чем ты встанешь на ноги. Ркайра узнал имена, нашёл следы на Голкья, и мы бы уже переловили их, если бы они скрывались в нашем мире. Но они прячутся по ту сторону звёзд. Ни Ркайра, ни Гунтара, ни Тринара, никто из нас пока не смог пройти по следу», — мудрый насторожился, будто к чему-то прислушиваясь. — «Ладно, дров в очаге достаточно, Вильяра здесь, Рыньи вернётся к утру, а я на некоторое время покину вас. Спокойной ночи, Иули. Выздоравливай скорее».

Рыньи рад был исполнить любое поручение Вильяры, но совершенно не обрадовался тому, что Нимрин опять поранился. Он же обещал совместную охоту! И вообще, если верить сказкам, чёрные оборотни никогда не болели, не страдали от увечий и ран... Видимо, сказители просто не сочли это достойным упоминания.

На первый взгляд, Нимрин оказался не так плох, как после песни Равновесия. На второй — Рыньи с ужасом осознал, что у чужака перебит хребет и отказали ноги. Охотник стал бы калекой на всю недолгую оставшуюся жизнь...

— Рыньи, ты не пугайся. Я выздоровею, и мы пойдём в снега за твоим зверем. Как я тебе обещал. Не прямо сейчас, но через дюжину дней — точно. В худшем случае, дней через двадцать.

Вильяра подтвердила, что именно так и должно произойти.

Рыньи верит обоим и готов приложить все силы, чтобы Нимрин выздоровел поскорее. Ужасно же видеть старшего друга, товарища по самому опасному приключению настолько беспомощным! Но дух Иули бодр и деятелен, большой быстро нашёл себе занятие по силам. Пристроился и рисует буквы в своей тетради — исчисляет ход событий, о которых Рыньи ему сказывал. По крайней мере, Рыньи понял его объяснение именно так.

— Нимрин, слушай, а если я запишу для тебя свои сказки? — предложил подросток, сам шалея от новизны мысли.

— Мне будет очень любопытно, — оживился Нимрин. — Но ты сначала поупражняйся с отдельными именами, словами и краткими речами. Возьми уголёк и попробуй на стене. А потом придумаем, чем и на чём нам с тобой дальше всё записывать. Мне вот этой тетради хватит ненадолго, а таскать оттуда, где я её взял — слишком опасная затея. Ты видел, я пробовал выскабливать и сушить шкурки белянок, но получилась ерунда.

— Белянки слишком тонкие. Надо взять барабанную кожу, из молодых корнероев или рогачей. Она будет потолще листков в этой твоей тетради, но такая же гладкая и очень прочная.

— Рыньи, что ж ты мне раньше не сказал, что у вас уже умеют выделывать пергамент?! А, впрочем, ладно. Главное, умеют. Ты сможешь раздобыть, или попросим Вильяру?

— Я слышал, мастер Рела торгует на Ярмарке мехами, кожами, одеждой для ленивых и одиноких. Может, и барабанная кожа у него найдётся. Я бы сбегал, но Вильяра не велела мне оставлять тебя одного.

Нимрин пошелестел листами, сравнивая толщину исписанной части тетради и чистой.

— До завтра я точно обойдусь. Но кстати, об одежде, Рыньи. Прости, я не сберёг твой подарок, его изорвал обезумевший ветер.

Рыньи изнывает от любопытства, как это Вильяра зимой повздорила со стихиями, что самой пришлось петь «летучую», а воин остался гол и поломан? Какие бродячие алтари они вместе ловили? Однако, чтобы кто-то поведал Рыньи подробности, ему не хватает двух посвящений: во взрослые охотники и в мудрые. Поэтому к Нимрину он с расспросами не пристаёт. Только всем сердцем желает поскорее дорасти до права: вопрошать о сокровенном.

— Мудрая Вильяра велела мне перешить тебе одежду прежнего хозяина этого логова. Я

сейчас полечу тебя, и займусь.

За день Рыньи удлинил и заузил штаны, рассудив, что, пока больной не выходит из тёплого логова, штаны ему нужнее куртки. Ещё немного поупражнялся в письме, советуясь с Нимрином, как изображать буквами длинные слова? Но в основном, конечно, лечил Иули, а тот выздоравливал: быстро, как умеют одни Иули. Вильяра вечером одобрила — и на следующий день снова оставила их вместе.

Рыньи бы и рад стараться! Да к вечеру исчерпал до дна все свои колдовские силёнки. Хорошо, явился мудрый Альдира, глянул — велел идти к Камню. Объяснил дорогу, выдал кое-какие наставления...

Тропа, утоптанная множеством снегоступов и лыж, тянется от построек на льду, мимо береговых пещер — на крутую Ярмарочную гору. Первый раз в жизни Рыньи идёт за силой не к родному, знакомому до щербинки Серому Камню над домом Кузнеца. Немного страшно: как-то примет его чужой Чёрный Камень? И кто повстречается у Камня, да по пути туда-обратно?

Трое охотников, с которыми Рыньи разминулся, поднимаясь вверх, не обратили внимания на незнакомого подростка. Кратко ответили на его приветствие, но сами даже не спросили, чьих он? Рыньи слышал, на Ярмарке так принято, но всё равно показалось чудно.

А на вершине горы только ветер гоняет позёмку. Чёрный Камень — косою, обколотый клык — вздымается из снега на высоту трёх-четырёх охотничьих ростов. Рыньи не ожидал, что Камень будет такой громадный. Непроглядно чёрный, устрашающий, грозный, угрюмый, вся шерсть дыбом! Знал бы — не дерзнул соваться к нему один и ночью. Но раз уже здесь — спел приветствие, сел у подножия, как полагается. То есть, не привалился к тёплому боку, как делал у Серого, а почтительно расположился в паре шагов, лицом к исполинской глыбе мрака. Ветер свистел, завывал, норовил пробраться под одежду, но остыть после подъёма в гору Рыньи не успел. И Камень, не смотря на угрожающий вид, щедро питал молодого колдуна силой, замёрзнуть тому никак не грозило. Рыньи восполнял истраченное гораздо быстрее, чем привык дома. Сладкая жуть щекотала сердце, словно бы предчувствием приключений... А потому что Камень похож на Нимрина: сходством родства! Рыньи снова запел приветствие, встал, подошёл и осторожно коснулся глыбы кончиками пальцев. Не двумя руками, не посягая войти в круг, как делают мудрые. Но словно привет передал — и услышал отклик. Чёрный Камень обрадуется Нимрину, если тот сюда забредёт. И если Рыньи присядет рядом, как привык, то никакие злобные щуры не настучат ему по башке.

В итоге Рыньи угрелся и почти задремал, как возле родного Серого Камня. Распахнул глаза лишь на скрип снега под чьими-то ногами.

— Эй, малец, не спи — замёрзнешь, — окликнул его незнакомый, рослый... Судя по выговору, арханин. — Ты чей такой и откуда?

— Я Рыньи из дома Рамуи, из клана Вилья, — ответил Рыньи без особого желания однако вежливые подростки всегда называют себя первыми. — А ты кто?

— А я Вусси, сирота, из ватаги Лагна.

Рыньи стало не по себе: сирота, не называющий свой дом и клан — или краденый во младенчестве, или отданный за долги купцам и затаивший зло на домашних, или изгнанный... Ещё и говором похож на недоброй памяти Арайю!

— Рыньи, твоих же сейчас нет на Ярмарке? — продолжал расспросы Вусси. — Почему ты у Камня ночью, один?

Врать Рыньи никогда не любил и не умел, но не рассказывать же подозрительному незнакомцу про дела мудрых, про Вильяру, Нимрина, Альдиру? Даже то, что по уговору зимует он не в отчем доме, а у Лембы, Рыньи не захотел поминать.

— А я сновидец! Лёг спать дома, проснулся здесь. Захотел посмотреть на Ярмарку и пришёл. Пока с горы на неё погляжу, как раз и силы у Камня поднаберусь. А потом обратно домой, пока не хватились.

Вусси подобрался, будто заприметил дичь.

— И часто ты так... Путешествуешь?

Рыньи пожал плечами:

— Иногда получается.

— А кем ты доводишься старому Рамуи?

Рыньи мог бы сказать правду: внуком. Но слишком навязчиво это арханин приставал с расспросами, слишком жадно блестели его глаза.

— Вусси, я же не спрашиваю, из какого ты дома и клана? А думаешь, мне не любопытно?

— А это уже просто не важно, молодой сновидец. Я уже нашёл себе лучшую во вселенной ватагу. И я зову тебя к нам. Если ты, конечно, не забоишься! — Вусси залихватски подмигнул. — Доводилось тебе странствовать на ту сторону звёзд? А, Рыньи?

— Всем собой — ни разу, — это правда.

— А я тебя проведу, Рыньи. Пойдёшь со мною в мир, где тепло, и бродят стада непуганой дичи?

Переспросить, что за мир такой, что за ватага, подросток не успел — его собеседника облило серебристым сиянием, он вздрогнул, начал оседать наземь и пропал. Пока Рыньи хлопал глазами, из-за Камня, нещадно бранясь, выскочил мудрый Альдира. Сгрёб Рыньи в охапку, утащил на изнанку сна, а оттуда сразу в логово. Тихо рыкнул:

— Не спи! Сиди здесь! Я — по следу.

И тоже исчез.

— Откуда вы свалились? — шёпотом спросил Нимрин, пряча нож в ножны. — Только тише, Вильяра спит.

«С Ярмарочной горы, от Камня», — ответил Рыньи безмолвной речью и только сейчас испугался. Начал стягивать куртку, запутался в вороте, сердито сдёрнул её с себя. — «Чёрный Камень страшный, но щедрый. Он ждёт тебя, Иули. А ко мне там пристал какой-то арханин, сирота Вусси из ватаги Лагна. Предложил провести меня на ту сторону звёзд. В мир, где тепло, и бродят стада непуганой дичи. Целиком меня туда забрать хотел, понимаешь? Но тут на нас свалился мудрый Альдира и утащил меня сюда. Арханин не успел ничего сделать или рассказать».

«Тепло, и стада дичи, говоришь...» — Иули наморщил нос, тряхнул головой, будто отгоняя какую-то мысль.

«Мне ужасно любопытно, что за мир такой?» — добавил Рыньи. — «Но арханин совсем-совсем не внушал доверия. И кажется, у него на куртке был узел справедливого суда. Мудрая Вильяра себе такой повязывала и объясняла, что это... Ой, то есть... Выходит, я только что говорил с беззаконником? Из тех, кто крадёт детей и убивает мудрых?»

Вот теперь Рыньи перепугался по-настоящему, аж вся шерсть встала дыбом. Испугался, но и разозлился, сильно. Эдакая погань бродит по угольям его клана, как у себя дома!

Заговаривает с несмышлёными сновидцами, соблазняет...

Додумать Рыньи не успел: с изнанки сна выпал мудрый Альдира, тоже ужасно злой.

— Упустил, — пояснил он, на невысказанный вопрос. — Пустота между мирами не хранит следов.

— А как же...

— Рыньи, оставайся здесь, — приказал Альдира. — Не покидай логова и прими на ночь зелье глухого сна. Сейчас я сам тебе его заварю, чтоб ты спал до утра, но не перебрал лишку, — мудрый уже по-хозяйски шарил в одном из сундучков.

— Всё так плохо? — уточнил Нимрин, ловко вращая между пальцами нож.

— Ты же имел дело со Стурши? — откликнулся Альдира вопросом на вопрос. — Вот примерно так.

Иули помрачнел.

— Щуровы сновидцы! Подкаменники скользкохвостые! Купцы без обоза! Бездомный дом, неведомый клан! Выкормыши старого Тхиры! — продолжал ворчать мудрый, пока не отыскал нужный мешочек с травяной смесью.

Рыньи было всё ещё боязно, но ужасно любопытно. Сказку про купцов без обоза он знал, восхищался её пронырливыми, плутоватыми героями: вчуже, без желания подражать. Ловкие воришки и мошенники надурили многих, но и сами остались в дураках.

А сказывают, в стародавние времена купцы друг друга не обманывали и не подставляли. В бездомном доме, неведомом клане все стояли друг за друга, как во всамделишном доме и клане. Кто первый придумал нарушать договорённости, перебивать сделки, красть друг у друга товар? Сейчас говорят, Наритьяры. Но те ловкачи, сказывают, были из Тхи...

— Пей, — Альдира разболтал щепотку зелья в тёплой воде и протянул кружку Рыньи.

— А можно, я сперва на лежанку влезу?

Мудрый усмехнулся, потрепал Рыньи по загривку:

— Нужно. Полежай.

Умостившись между Вильярой и Нимрином, подросток выпил из кружки — провалился в уютную темноту без снов.

«А теперь, о мудрый, объяснись!» — отличная штука безмолвная речь, не обязательно ждать, пока мальчишка уснёт. — «Что происходит? Кого и куда ты упустил?»

«Сироту Вусси из ватаги Лагна. На ту сторону звёзд», — ответил мудрый Ромиге, разводя зелье в кружке. — «Вусси из дома Арайи, из клана Рийи, если я правильно понял».

Пока Ромига переваривал эту бесценную информацию, Рыньи пристраивался у него под боком: Вильяра легла не вплотную.

«Как вы намерены их ловить?» — спросил нав.

Временный глава Совета Мудрых мог ему не ответить, мог даже осерчать на назойливого чужака. Но Альдира ответил, как бы даже спокойно:

«Станем убивать их на месте, где увидим, по праву скорого суда. Мне это ужасно не нравится. Голкья не нужно новых смертей, тем более, чтобы мудрые убивали охотников. Но иного способа я не вижу. Они убивают нас и не намерены останавливаться. Ловить поганцев живьём слишком хлопотно, я только что убедился сам. И пойманные, они всё равно не становятся проводниками к свободным товарищам. Таковую они дали друг другу смертную клятву. Ркайра не смог её обойти, и все вместе мы не додумались, как».

«А есть ли какой-нибудь другой способ — разыскать мир, где они прячутся?» — спросил нав.

«Да, Нимрин, среди бесчисленных миров непременно сыщется всё: и сами беззаконники, и чары, которые помогли бы выйти на их тайную лёжку. На сей миг я такого способа не знаю. И у других мудрых пока ничего не вышло. Поэтому пусть Рыньи спит рядом с тобой, под зельем. А я пойду искать. А к преданиям Теней мы с тобой обязательно вернёмся. Позже».

Ромига пожелал мудрому удачной охоты, и тот удалился: в пещеру Совета, или ещё куда. А нав стал очень старательно припоминать, не завалялась ли в бездонной памяти Теней какая-нибудь подходящая случаю песенка? Самому же потом пригодится: для поисков врага врага или сразу уж — родного дома.

Но нет, не завалялась, или нав не докопался, только устал и отпустил себя в сон. И долго витал между белым небом и узорчатыми мостовыми чужого города: бесплотным, почти беспмятным восторженным призраком. Казалось, в этом красивом городе он мог бы обрести счастье и смысл. Гораздо больше счастья и смысла, чем где-либо ещё в обитаемой Вселенной. Скорее всего, наваждение, но сладкое и вдохновляющее, способствующее отдохновению.

А стоило отдохнуть — сон сменился. Вместо оранжевых и голубых фонарей в глаза блеснуло солнце. Вместо мозаики из разноцветных камушков под ноги легла неровная почва, зашелестели высокие травы...

Среди снегов и стылых катакомб Голкья Ромига давно мечтал о летней жаре — полузабытый любимый сон встретил его именно такой. Вернул облачение гарки, утраченное наяву. Вернул телесное благополучие: во всей упоительной полноте ощущений. Ромига долго-долго стоял, просто наслаждаясь тем, что спину не ломит, а ноги не дрожат от слабости. Начал разминку: с восторгом от каждого движения. Мелькнула мысль, как неприятно будет просыпаться снова больным — отбросил её, ловя своё счастье здесь и сейчас. Остановился не когда устал, а когда захотел остановиться. Дышал полной грудью, валялся в траве, шёл по степи, куда глаза глядят. Проломился сквозь приречные заросли и вышел к большой воде. Уселся на песок и долго сидел без единой мысли, чутко присутствуя здесь и сейчас. Шуршали тростники, мелкие волны лизали берег, искрились бликами. Ветер ласково ерошил волосы, донёс откуда-то запах костра...

Костра? Да, точно, костра, а не травяной гари! Мало того: на костре жарили мясо, аромат аппетитно мешался с дымком. Всё бы хорошо, но в этом мире никогда не было других разумных, кроме Ромиги. И то — не во плоти, а в плотном призрачном обличье, как говорит Вильяра. Мир-сон всегда был местом Ромигиного уединения. Единственное исключение, когда он принял здесь гостя, не в счёт. Но сегодня Ромига никого не звал и не ждал. А незванный гость, как известно, хуже тата.

Нав встал и пошёл на запах. Полоска пляжа вдоль воды прерывалась топью и зарослями: прямо не пройдёшь. Ветерок тоже менял направление. Но Ромига, определённо, приближался к месту чужого пикника с шашлычком.

Он нашёл их на отмели с белым камнем, на котором раньше любил отдыхать. Двое мальчишек-подростков жгли маленький костёр из плавника... Стоп, а мясо-то где? И почему мальчишки кажутся такими знакомыми? Нав рассматривал обоих, соображая, где видел их

прежде? Оба — тощие, загорелые. Один, помельче, светло-русый, вихрастый, в «семейных» трусах из выцветшего ситца. Второй, гибкий и жилистый, с чёрной гривой до лопаток, подикарски обмотал бёдра пятнистой шкуркой. Они выглядели закадычными друзьями, удравшими из дому поиграть в индейцев: была когда-то у челова такая игра. Но не слишком ли эти двое беспечны в диком месте, где водятся хищные, опасные твари? Ромига нарочно зашуршал тростником — темноволосый мальчишка мгновенно обернулся на звук, в руках из ниоткуда возникла чёрная навская катана. Клинок длинноват и тяжеловат для этих рук, но остриё безошибочно выцеливает невидимую угрозу. Белобрысый среагировал мгновением позже. Напружинился, руки остались пусты, но взгляд и выражение лица не обещали ничего хорошего. От такого ожидаешь «эльфийской стрелы» или чего похуже.

Хищной твари явно стоило обойти друзей-приятелей десятой дорогой, но Ромига ощущал не угрозу — растущую радость узнавания. Раздражала только некая неправильность: фигуры мальчишек туманились, как в обычном, не колдовском сне, когда начинаешь вглядываться слишком пристально.

Досадно будет, если они исчезнут. Больше не таясь, Ромига вышел на открытое место. Темноволосый тут же сверкнул улыбкой и спрятал катану обратно в никуда. Сдул с бровей чёлку, уставился на Ромигу чёрными навскими глазами — стал до невозможности похож на отражение в зеркале, много веков назад. Сбивало с толку, что в целом он больше походил на человеческого подростка, чем на навского...

— Ты совсем одурел без меня! — фыркнул мальчишка. — Пытаешься определить генстатус призрака? Выгляжу, как считаю нужным.

— Чьего призрака?

— Твоего, чьего же ещё, — у темноволосого совсем не было ауры, Ромига только сейчас заметил. У второго, кажется, тоже не было. Ни ауры, ни теней.

— А я тогда кто? — спросил он в тяжком недоумении.

Мальчишка расхохотался:

— Нав Ромига, ты совсем тупой, да? Ты знаешь, что от тебя отодрали кусок, и всё ещё удивляешься, что нас с тобой двое?

Вихрастый сказал приятелю с укоризной:

— А я говорил, нельзя оставлять его одного, без присмотра!

— Ты был и остался старым занудой! А я давным-давно мечтал здесь поробинзонить.

Но рядом с теми — противно.

Ромигин младший двойник принялся и брезгливо наморщил нос, хотя мясом и дымом пахло ужасно аппетитно. А у мальчишек костерок был таким же призрачным, как они сами: пламя плясало над дровами, не обугливая их и не давая тепла.

— Да уж, не самое приятное соседство, — насупился вихрастый. — Однако к Робинзону и Пятнице почему-то непременно прилагаются соседи — каннибалы.

Ромига, наконец, узнал эту ворчливо-ироничную интонацию, и вихрастый, в подтверждение, расплылся облачком тумана, принимая другую, знакомую форму. На песке сидел старик...

— Семёныч?

Старик грустно развёл руками:

— Был, да весь вышел. Наобещал тебе лишнего, ляпнул лишнего... Короче, умер я. Супостат напоследок подсуетился и отхватил себе кусочек. Враг врага освободил нас, помог вспомнить, кто мы, и открыл дорогу. Но мне, — он ткнул себя пальцем в грудь, — Уже

некуда возвращаться. Я ушёл бы совсем, да этому непоседе скучно одному. А на берегу вашей любимой реки меня хватает на видимость жизни. Ты позволишь мне ещё немного задержаться в этой стране Счастливой Охоты или позовёшь с собой?

У Ромиги голова шла кругом. В привычном ему мире мёртвые умирали сразу и навсегда, прочее — отвергнутая асурская Скверна. На Голкья-то уже не совсем так: ярчайший пример — Латира. Однако у мудрого возникли специфические проблемы с питанием и самоконтролем, оттого он не пожелал оставаться Тенью среди живых. А на что способна, к чему стремится сущность, с которой сейчас беседует Ромига?

Нав спросил, глядя в выцветшие голубые глаза:

— А как будет лучше для тебя самого?

Призрачный старик молча развёл руками. Кажется, сущности было, по большому счёту, всё равно. Но тут маленький призрачный нав сердито мотнул головой.

— Мишка, ты же один не станешь ни играть, ни охотиться! Ты сядешь на берегу и будешь смотреть на воду, пока не растаешь.

Старик снова развёл руками, виновато улыбнулся.

— Ну, и растаял бы. Но тебе... Вам с ним, — кивок на Ромигу, — не хватает напарника. Пока он не найдёт себе кого-то живого, я готов остаться с вами.

Ромигин двойник очень серьёзно кивнул:

— Договорились.

Ромига слушал их и, правда, ощущал себя безнадежно тупым, хоть красную бандану повязывай:

— Эй, вы сейчас о чём вообще?

— О том, чему я тебя учил, Ромига, — пояснил призрак Семёныча. — О геомантии. Твой дар раскрывается в полную силу, когда ты в связке с кем-то. Не знаю, будет ли так всегда? Но пока ты учишься, тебе нужен напарник, другой геомант рядом. Возьми нас за руки, и пойдём.

— Куда?

— Куда ты шёл перед тем, как встретил нас. Твой дар тебе там точно понадобится... Чтобы прибрать мусор.

Образ старика поплыл, и перед Ромигой снова оказались двое мальчишек. Они протягивали ему руки и требовательно глядели снизу-вверх, мол, давай уже, не тормози. Он коснулся их пальцев, успел ощутить тепло... Стоял на отмели один: ни мальчишек, ни их костерка, и сквозь удивление — чувство, будто так и надо. Осмотрелся, пытаясь понять, что изменилось? Вроде бы, ничего существенного, только мир стал чуточку ярче, полнее, живее. Ладно, он поразмыслит об этом позже. А сейчас всё-таки дойдёт до второго костра и проверит, что там за соседи — каннибалы?

Они устроили бивак не у воды, а выше, на береговой террасе. Расположились с комфортом, всерьёз и надолго. Выставили защитный периметр от зверья, натянули тенты из тростниковых плетёнок, соорудили лежаки и застелили шкурами... Они — голки. В жаркой степи их мохнатые зимние гривы и меховые штаны смотрелись довольно неуместно. А куртки и обувь они снимали, как дома. Полтора десятка матёрых голки, мужчин и женщин, неторопливо трапезничали, обгладывая мясо с костей. Следующая порция жарилось на вертеле над углями и не вызвала сомнений, кем она была при жизни. Ещё три... гм, порции сидели в стороне, крепко связанные, с кляпами во рту. Двухлетки голки уже даже не плакали — были почти мертвы от ужаса. Нав цинично подумал, что не стал бы так запугивать будущую еду, вкуснее она от этого не станет. Но зная трепетное отношение голки к детям, даже самый циничный нав впечатлился бы градусом абсурда. Степь же кишит дичью, на любой вкус!

Нужны ли Ромиге в его любимом сне беззаконники, живоеды голки? При том, что они ему, в общем-то, *нигде* не нужны, здесь — особенно нагло и беспардонно портят красивый пейзаж. Как они вообще сюда попали? Да не призраками, как он сам, а во плоти? Среди них должен быть, минимум, один опытный сновидец — проводник. Максимум, они все такие. Те самые неуловимые поборники справедливости? Именно здесь они отдыхают между своими дерзкими вылазками? Уши нава заострились, он уже принял решение: истребить эту погань. Осталось решить, как он это провернёт?

Его магические способности в призрачном обличье ограничены. Насколько, он не изучал, однако энергии нет даже у тела, которое спит в логове. Покрошить их в рукопашной? Ромига не уверен в боеспособности призрака против живых, даже если сумеет призвать оружие. А голки сильны, быстры. С пятёркой Арайи Ромига управился еле-еле, здесь их втрое больше. И вспоминая разговор с Альдирой, он желает твёрдую гарантию, что ни одна погань не успеет смыться изнанкой сна, не объявится ни на Голкья, ни где-либо ещё.

Нав прикрыл глаза, размышляя, выстраивая возможную *траекторию движения*... Ликующе, хищно улыбнулся: во Тьме под закрытыми веками мерцала, как встарь, знакомая «паутинка». И Ромига видел в ней уродливый — даже не узел — колтун из чужеродных нитей. Присмотревшись — увидел, как его удалить!

Лёгким, плывучим шагом геомант двинулся к чужому костру, не потревожив периметр. На ходу сорвал несколько травинок и, не глядя, вывязал из них сложный узел. Пришлёпнул к комбинезону напротив сердца — травяная плетёнка пристала, как репей.

Приблизился достаточно, чтобы его заметили, и приветствовал сидящих у костра: поохотничьи, в самых сдержанных выражениях, без благопожеланий. Ему ответили аналогичным приветствием, угрюмо уставились в пятнадцать пар глаз и спросили:

— Ты кто такой?

— Сосед, — ответил нав с прохладной улыбкой. — Решил заглянуть на огонёк.

— Ты — Иули Нимрин, воин Вильяры, — рыкнул один из голки. — Тот самый недоумок, который отказался повелевать Тенями и бить Наритьяру. Почему ты нацепил на себя наш знак?

— А он — именно ваш? — переспросил нав.

Ещё один голки недовольно пророчал:

— Говорят, Вильяра тоже навязала себе такой узел. Большинство Вилья согласились считать её справедливой судьёй.

— Это не защитит ведьму от зачарованного ножа. Братья, которых она заморозила и выставила на позор, взывают к отмщению.

— Позже! Вилья недолголюбивают Наритья, значит, они нам пока союзники.

Первый голки снова рывкнул, пресекая спор, который тянулся, вероятно, уже не первый день, и задал вопрос наву:

— Зачем ты пришёл, Иули? Мы не зовём к нашему костру чужих и не угощаем.

— Да не больно-то хочется. Но мне любопытно, к чему вот это вот? — Ромига широким жестом обвёл живых пленников, костёр и разбросанные вокруг кости. — Я чужак и не слишком разбираюсь в законах Голкья. Но это же беззаконие? За такое у вас изгоняют?

Ему ответили дружным гоготом.

— А мы уже сами себя изгнали, — отсмеявшись, прокомментировал первый. — По моему, отлично изгнали, нам здесь всё нравится. Правда, братцы-сестрицы?

Голки снова загоготали, однако нав, обходящий костёр по кругу за их спинами, начинал их раздражать. Они выворачивали головы, косили глаза, следя за его непрерывным, плавным перемещением, а он двигался, словно в танце, время от времени подпинывая обглоданные кости.

— Сядь и не мельтеши, — велел первый.

— Будь по-твоему, — Ромига присел на землю, подобрал мелкую косточку — ключицу — и стал крутить, перебрасывая между пальцами, как играют ножом. — Вы бы хоть назвали свои имена?

— Обойдётся, — перебил его первый. — Ты явился к нашему костру, не зван.

— А разве не к этому костру некий Вусси зазывал моего маленького приятеля Рыньи?

— Ну, положим, к этому, — лениво рыкнул один из сидящих у костра.

— Вот. Я пришёл вместо него. Я тоже сновидец, и?

— Ты нам не нужен, чужак-сновидец. Мы же не рискнём тебя съесть, если ты нам чем-нибудь не угодишь, — и голки весело, заразительно захохотали, потрясая в воздухе полуобглоданными костями.

— А всё-таки, мне ужасно любопытно, — продолжил Ромига, терпеливо дождавшись, когда они отсмеются. — Вы живём отыскиали путь в страну Счастливой Охоты, — нав повторил выражение Семёныча, отлично зная, что оно означает у челов. — Если вам не по сердцу миропорядок Голкья, здесь-то вы могли начать новую жизнь, невозможную там. Охотились бы, плодились и размножались, заселяли новый мир. Но вместо дичины вы едите вот это. Почему?

Ромига был — само спокойствие, голос его звучал негромко и задушевно, как у целителя, собирающего анамнез. Геоманту нужно было время на построение аркана, и он тянул его разговором. Или разговор — тоже часть аркана? Да, в некотором смысле, так и есть.

— У щенков Наритья нежное мясо, а мечь — лучшая из приправ, — сыто рыгнул первый голки и провернул вертел над углями.

Сидящие вокруг костра — уже наполовину покойники, но пока геомант не достроил аркан, в его руках — остановиться, не достраивать.

— Наритья жрали нас и наших детей, мы воздаём им тем же, — добавил ещё кто-то из обречённых.

Гарка Ромига сам, бывало, практиковал месть до седьмого колена. А связанные сопляки, действительно, могли участвовать в каннибальских трапезах старших родичей, и даже с удовольствием. Когда челы на Земле пожирали друг друга, в прямом или переносном смысле, нав преспокойно проходил мимо... А только мальчишка Рыньи не окажется у этого костра ни едоком, ни едой. Точка.

— Мы не успокоимся, пока не изведём на Голкья всю поганую кровь Наритья. И мудрые нам не указ. Плевать нам на этих зазнаек и на их поганые законы. Здесь мы — власть и сила, сюда они не доберутся. А мы-то доберёмся до них, когда сочтём нужным. До всех и каждого доберёмся! Так и передай своей Вильяре, Иули.

Нет, Вильяры они тоже не коснутся.

— Передам, — улыбнулся нав *так*, что главарь без замаха метнул в него нож, которым проверял готовность мяса.

Остальные начали подыматься с насиженных мест. Но косточка уже хрустнула в пальцах геоманта, и было поздно. Они умерли быстрее, чем упали наземь. Умерли, истлели, рассыпались в пыль... Ветер взвихрил её, запорошив и Ромигу, и связанных детишек. Нав отряхнулся, подобрал нож, которым по нему промазали, и пошёл освобождать пленников. Но в их вытаращенных глазах плескалось столько ужаса, что он не стал резать верёвки, а сгрёб в охапку всех троих, желая поскорее проснуться вместе с ними в логове. И пусть Вильяра дальше с ними разбирается! Даже не подумал, сможет ли призрак протащить живых по изнанке сна?

Смог. Сквозь ускользящую дрёму Ромига уже слышал тарарам в логове. А на пустом берегу рассыпáлись пылью остатки бивака. Густые травы стремительно проросли и скрывали кострище вместе со следами беззаконной трапезы. Узел-колтун больше не стягивал мерцающие нити. С помощью геоманта мир-сон залечил зудящую язву на своей пушистой шкурке и вновь безмятежно разнежился под лучами летнего солнца.

Вильяру разбудил грохот упавших поленьев и чей-то дикий, на грани безумия, ужас. Она подскочила, распахнула глаза — с пола на неё уставились трое маленьких южан... Наритья, судя по одёжкам. Но жестоко заткнутые рты и связанные руки-ноги она заметила прежде клановых узоров. Метнулась освобождать. Защитные чары логова тоже придавили внезапных гостей, одного ушибло поленом, но это наименьшие беды. А вот кто из разумных посмел так обойтись с детьми...

— Их чуть не съели поборники справедливости, — сообщил Нимрин, осторожно садясь на лежанке. — Я их отбил и притащил сюда.

Увидев чужака, дети зашлись от ужаса, и Вильяре некоторое время было не до расспросов Иули, который осторожненько, по стеночке, похромал в отхожее место. Знахаркина дочь освободила маленьких Наритья от кляпов и пут, обнимала, нянчила, изгоняла испуг, унимала боль чарами... Вскоре к ней присоединился зевающий Рыньи. Детей, наконец, успокоили и усыпили, так им легче перенести потрясение, а сами окончательно проснулись.

«Эй, Нимрин, ты там не провалился?»

«Нет, я вышел под небо и люблюсь снегами», — безмолвная речи Иули зазвенела внезапной, неуместной в текущих обстоятельствах радостью.

«Что?»

«Утро такое... Рассвет...» — чужак словно бы обрёл величайшее в жизни счастье и растерял слова.

Знахаркина дочь перепугалась, как бы и этот не лишился рассудка. Выскочила следом. Нимрин сполз по крутой лестнице внутри скалы, отворил калитку и сидел в устье пещеры, свесив ноги в обрыв. Преодолеть наружную лестницу он пока был не в силах, что не мешало ему наслаждаться видом на залив, на Ярмарку. Казалось, даже воздух вокруг него звенит от восхищения! Вильяра осторожно подхватила болящего под мышки и затащила в коридор, подальше от края. Лишь после этого заглянула в лицо, в глаза. Нимрин улыбался, как перебравший Марахской травы, но взгляд его не плыл.

— Вильяра, милая, я не спятил, мне просто очень, очень хорошо. Украденное душекрадом вернулось. Ты понимаешь, ведьма!? — он обнял её и стал ластиться, словно соскучившийся зверь. — Я живой, я вернулся к себе. Знала б ты, какое счастье...

Вильяра тоже обняла его и тихонько рассмеялась в ответ, потому что, да: счастье. Восторг и блаженство Иули заразительны — на диво. Радость, словно ручей, смывала всё, что накопилось между ними мучительного и жуткого.

— Твоё счастье — моё счастье, Ромига. Я долго-долго ждала этого дня. Я желала познакомиться с тобой — целым.

Он рассмеялся, ласково теребя её гриву:

— Совсем целым я стану, когда выздоровею телесно. Пойдём готовить завтрак?

— Пойдём.

Впрочем, завтраком уже занялся Рыньи, и не особо-то нуждался в их помощи. Детишки мирно посапывали на лежанке и тоже пока не требовали заботы. Прояснить бы, как они объявились в логове? Вильяра спросила — услыхала в ответ подлинную сновидческую сказку. У Нимрина не нашлось колдовской силы на образы, но он так вдохновенно играл голосом и складывал слова, что Вильяра и Рыньи внимали ему, приоткрыв рты, пока каша из приречника не запахла палёным. Тут-то все спохватились, и о завершении своих походов в мире Счастливой Охоты Нимрин поведал сухо, деловито, страшно.

Вильяра даже не сразу собралась с мыслями...

— Вот так запросто? Сломал кость, и они все умерли, и сразу рассыпались прахом? — испуганно, почти жалобно переспросил Рыньи. — То есть, ты теперь каждого так можешь? Даже без колдовской силы? Даже по ту сторону звёзд?

Нимрин отрицательно качнул головой. Зачем-то прикрыл глаза, снова открыл, мотнул головой решительнее.

— Нет, Рыньи, не каждого, а кто всему миру — против шерсти. В тех степях гостивоеды оказались чудовищно неуместными, и мир избавился от них моими руками. Хотя сам я тоже обрадовался возможности... Прибрать мусор.

Вот, значит, каков ты, Иули Ромига, в своей полноте и целостности! Совершенный убийца, вдохновенно и радостно служащий мировому равновесию. Вильяру пробрало морозом по хребту — даже сквозь разделённое с ним счастье. Мудрая уточнила.

— Ты сказывал, от твоих чар должны были умереть все живоеды?

— Да, все живоеды голки у того костра. И в том мире. И все, кто впредь посмеет шагнуть туда во плоти с изнанки сна.

— То есть, ты не ставил условий, чтобы выжили вот эти дети Наритья?

— Нарочно? Нет, не ставил. Они — не живоеды, потому уцелели. Им повезло с

родителями. А твоя племянница Мули умерла бы. Но она и на Голкья умерла. Давайте, уже поедим, что ли?

Пока Рыньи ужасался упоминанию мёртвой по имени, Вильяра мешала кашу, стараясь не цеплять гарь со дна. Да только от взъерошенных чувств ни мудрой, ни подростку еда не лезла в горло. Один Нимрин наворачивал за обе щёки. Остановился, явно не утолив голода. Спросил.

— Оставляю детишкам?

— Доедай уже, — фыркнула Вильяра. — Я почищу котелок и заварю им луговицу.

Зёрна приречника — еда на каждый день, прибавка к мясу. А мелкая, сладковатая луговица — праздничное лакомство. Самое то, чтобы побаловать дважды уцелевших.

Ромига пьян от счастья! Его прёт! Он нежно обожает всю обитаемую и необитаемую Вселенную, верит во взаимность с её стороны, в собственное безграничное могущество, неуязвимость и правоту — покуда действует в гармонии с нею. Не то, чтобы нав утратил способность сожалеть и сомневаться. Но эйфория от воссоединения с потерянной и обретённой частицей духа, от удачного геомантского аркана отшибает расчётливое здравомыслие, круче любого алкоголя. Он стал собой и сделал то, для чего рождён, невинные не пострадали. Чего ещё желать, о чём жалеть стреле, поразившей цель?

Но, Тьма-прародительница, зачем он в таких подробностях рассказывает эту историю Вильяре и Рыньи? А, впрочем... Голки имеют право знать, какая смертельная ловушка поджидает их беззаконных сородичей в мире, который полюбил Ромиге сниться. Мало ли, кто из охотников или мудрых стал живоедом не по собственной воле? Геомант честно пустил в оборот информацию, дабы у всех заинтересованных была возможность: зная о новом законе природы, избегать места, где оный закон вступил в силу.

Ромига и Альдире всё расскажет. Вот прямо сейчас, безмолвной речью... Тьфу ты, оказывается, энергия кончилась: на радостях даже не заметил.

— О мудрая Вильяра, пожалуйста, призови мудрого Альдиру. Я должен рассказать ему, как исполнил его волю.

— Его волю?

— Вчера он пожелал разыскать мир, где прячутся беззаконники, именующие себя поборниками справедливости. И убить их там, по праву скорого суда, чтоб больше ничья кровь не сквернила Зимнее Перемирие Голкья. Я понятия не имею, что вышло у него самого, но готов порадовать его новостями.

Вильяра сосредоточилась, — состроила разочарованную мордашку:

— Мудрый Альдира не ответил на мой зов. Он, наверное, тоже охотится где-то на изнанке сна.

Ромигу кольнуло: что, если мудрый разыщет мир степей и разделит участь погибших там живоедов? По какому-нибудь нелепому стечению обстоятельств? Вдруг геомант чего-то недоучёл? Он прикрыл глаза, вглядываясь в сплетение нитей, держащих миры, вслушался в едва уловимый тревожный звон. Увы, Ромига слишком недавно учится геомантии. На собственную неопытность тоже следует делать поправки. Хотя... С Альдирой, скорее всего, ничего страшного не произошло и в скором будущем не произойдёт.

Мудрый объявился в логове примерно через полчаса, когда и Вильяра начала

беспокоиться. Первым взглядом Альдира отыскал Рыньи — тот шил, заканчивал куртку. Вторым — Вильяру.

— Что у вас случилось? Зачем ты меня звала?

— О мудрый, я отвлекла тебя от охоты? Прости.

— Не за что. Мою добычу пожрали стихии какого-то чужого мира, и я вернулся с пустыми руками.

— Пожрали стихии?

— Да, о Вильяра. Мы с Ркайрой, Тринарой и Гунтарой устроили загонную охоту. Я исхитрился и повис на хвосте одного поганца. Проскользнул вслед за ним на ту сторону звёзд. А он, едва вышел с изнанки сна — рассыпался прахом. Я поостерёгся ступить на ту землю во плоти, побродил там призраком. Нашёл следы старой, заросшей стоянки. Похоже, она когда-то принадлежала нашим живоедам. Кости, очень много костей, — мудрый горестно скривился. — Но забросили ту стоянку давно.

— Недавно, — поправил Ромига. — Именно об этом я намереваюсь поведать тебе, о мудрый Альдира. Затем Вильяра тебя и звала.

Пересказывая сонные похождения второй раз за утро, нав обошёл вниманием город под белым небом и встречу с призрачными мальчишками, зато сполна уделил внимание той погани, которая завелась в Ромигиных любимых степях, и как эта погань *перестала быть*. Ромига вспоминал каждое движение, жест, слово — свои, чужие — и как отзывался на них мир. Задним числом у самого мурашки по хребту. Слишком непохоже на привычную магию Источников. Слишком легко и просто. Слишком глобально и сложно.

Альдира выслушал Ромигу с каменным выражением лица. Кого другого и это выражение, и драматическая пауза после окончания рассказа повергли бы в трепет, но Ромигу всё ещё пёрло. Наконец, мудрый качнул головой, улыбнулся.

— Значит, ты, Иули, плетельщик судьбы? — снова пауза. — Спасибо тебе за то, что ты сделал. И за то, что рассказал. Отныне ты, Иули Ромига, прозываемый Нимрином, под моей защитой — безо всяких условий. Ты можешь оставаться на Голкья, сколько захочешь. Таково моё слово, слово временного главы Совета Мудрых.

А Вильяра и Рыньи смотрели на Ромигу одинаково круглыми глазами, как на диво дивное.

— Спасибо тебе, о мудрый Альдира, — ответил нав. — Я намерен задержаться на Голкья, пока не встану на ноги твёрдо и уверено. И я желаю уйти отсюда сам, без проводника. Я поучился бы этому у любого из вас — пока буду излагать вам предания Теней. Ты же не передумал, чтобы я сказывал их мудрым?

— Нет, не передумал, — Альдира выставил руки ладонями вперёд.

Нав приложил свои ладони к его, и несколько мгновений выдерживал тяжёлый, жадный, пытливый взгляд.

Голки отвёл глаза первым, улыбнулся:

— Вот и договорились, вот и славно! Иули, когда ты готов будешь предстать перед мудрыми в Пещере Совета?

— Если ты проводишь меня изнанкой сна, и в Зале Совета найдётся, на что удобно присесть, так хоть сегодня вечером.

Кто-то из детишек завозился на лежанке, тонкий слух нава уловил шепоток:

— Оборотень! Тот самый оборотень беседует с мудрым.

— Точно, с мудрым, Айми?

— Точно! У него серёжка, и оборотень зовёт его мудрым. Они о чём-то договорились, я не поняла, о чём.

— Договорились, значит, можно не бояться!

— Да, при двух мудрых оборотень нас не съест.

Альдира, видимо, тоже услышал, обернулся на голоса:

— Не съест. Этот оборотень не питается разумными. Совершенно точно.

Ромига про себя усмехнулся, что мудрый совсем не сведущ в навской кулинарии. Однако, запрет на убийство и поедание себе подобных, сиречь, навов, в Тёмном Дворе такой же безусловный, как у голки на поедание голки. А геомант, лично для себя, отныне распространит запрет на поедание любых разумных. Вместе с миром Счастливой Охоты, он немного изменил и себя тоже: так будет правильно.

— Не съем. Даже не укушу. Вообще, не обижу. Давайте знакомиться!

Через полчаса детёныши голки льнули к Ромиге, а он ласково начёсывал им гривы, рассказывая про повадки дичи у себя на родине. В котелке умиротворяюще пыхкал местный деликатес: каша из луговицы, с виду похожая на манку. Рыньи между тем уговорил Вильяру, чтобы та отпустила его на Ярмарку — купить барабанной кожи для записей. Альдира одобрил затею, пообещав, что будет незримо сопровождать мальчишку, а то мало ли, кто ещё к нему прицепится? Рыньи ушёл, Альдира влез на лежанку, а Вильяра взялась за украшение новой Ромигиной куртки. Судя по количеству и длине шнурков, узор она задумала на полспины, не меньше, и вдохновенно выплетала что-то вроде макраме с бусинами.

Тихая идиллия продолжалась, покуда в логове не объявился мудрый Ркайра вместе с опухшей от слёз пожилой охотницей. Через миг детвора висела на ней и верещала... Уши заложило, кажется, даже у местного эха!

— Бабушка! Нянюшка Малута! — немного, что Ромиге удалось разобрать.

При ближайшем рассмотрении, нянюшка Малута из дома Канпури здорово смахивала на тётушку Ракиму из дома Лембы: такая же огромная, уютная, мягкая. Всецой разницы, что рыжая, раскосая-зеленоглазая, да по-марахски одета. На незнакомых мудрых, а на Иули — особенно, она взирала с опаской. Но не дерзнула отказаться от угощения, и сама постепенно успокоилась рядом с уплетающими кашу детьми.

Когда каша закончилась, Ркайра поблагодарил Ромигу — аж с поклоном — и увёл детей с вместе с их бабушкой-нянюшкой домой. А Вильяра тут же пояснила наву, что беззаконники-сновидцы похитили из дома Канпури всех двухлеток. Утащили двенадцатерых: прямиком из детских покоев. Взрослых, кто встал у них на пути, попросту зарезали. Малута выжила случайно — отлучилась — и теперь ради уцелевших детей смиряет своё горе по убитым. Ромига видел: Вильяре самой не по себе. Обнял её с опаской. Не оттолкнёт ли, припомнив окаянный круг? Не припомнила, прижалась, обняла. Зажмурила глаза, из-под век катились слёзы.

— Это лавина, Иули! Лавина беззакония! Я боюсь, мы уже никогда её не остановим! Я в отчаянии! Как, ну как умиротворить сердца охотников и вернуть в них закон? Я не знаю...

— Шаг за шагом, день за днём, как ты делаешь, — отозвался мудрый Альдира сквозь колдовскую дрему. — И ты не одна, Вильяра! Никакой дом и клан не останется без нашей помощи, никакая дикая стая — без облавы.

А Ромига молча гладил ведьму по голове, как тех детей. Он готов был хоть прямо сейчас убить ещё какую-нибудь погань. А вот умиротворять сердца в планетарных масштабах — не

его профиль... Нет, не его: пусть охотники и мудрые как-нибудь справляются сами!

Так всё-таки, что имел в виду Альдира, назвав Ромигу плетельщиком судьбы? То же ли самое, что в Тайном Городе зовётся геомантией, магией мира? Если верить памяти Теней, то да. Плюс-минус, примерно то же. И плетельщики судеб на Голкья — такой же «штучный товар», как геоманты на Земле. И точно так же, из-за редкости дара, не создали внятной магической традиции. Другие голки опознают их, и сами они сознают себя по делам. По удивительной способности, не прикладывая колдовскую силу, «потушить вулкан кружкой воды, взмахом кричавкина крыла и собственным чихом».

На Голкья подобные уникамы объявляются не чаще, чем раз в сотню-другую лет[1]. Поодиночке. Крайне редко по двое-трое одновременно. Местные или чужаки, как Ромига. И как бы есть мнение, что каждый плетельщик рождается или приходит на Голкья не просто так, а когда миру и всем его обитателям грозит гибель. Потому всё, сотворённое плетельщиком, следует принимать за благо. За лекарство миру, даже если оно выглядит беззаконием. Полный карт-бланш! Однако злоупотреблять этим не следует, иначе «судьба отторгнет своего избранника, дар угаснет, жизнь нерадивого потеряет смысл и завершится раньше срока». Удушье и тошнота — при попытке вспомнить-представить, каково это... Ладно... Нав прикрыл глаза, вглядываясь в «паутинку» под закрытыми веками, в её местные особенности. На первый взгляд, не обнаружил заметных различий с Землёй и миром степей. Возможно, чтобы уловить разницу, нужно что-нибудь активно плести? Или сменить масштаб, чего геомант-недоучка пока не умеет? Увы, учителей на Голкья он себе не найдёт. Не по этой части...

Вильяра успокоилась быстро, этого умения у неё не отнять. Выскользнула из Ромигиных объятий, шепнув слова благодарности, и вернулась к прерванному рукоделию. Нав негромко окликнул Альдиру.

— Мудрый, если ты не очень крепко спишь, позволь задать тебе пару вопросов?

Альдира не отозвался, Вильяра удивлённо приподняла брови:

— Нимрин, может, я тебе отвечу?

— А ты разузнала что-то новое о плетельщиках судеб? С тех пор, как ты разбудила меня в доме Лембы и пропела мне песнь Понимания? Я хочу разобраться, кем обозвал меня мудрый Альдира? Чего он от меня теперь ожидает?

Она отрицательно качнула головой:

— Нет, я не разузнала нового. Всё, что рассказывают о плетельщиках судеб, слишком похоже на вранья. Даже твой рассказ, Нимрин. Но тебе я верю, потому что я знаю тебя. И Альдира принёс подтверждение... Нимрин, скажи-ка, на Голкья ты сможешь разом убить всех живоедов?

— Вильяра, ты уверена, что ты этого хочешь? — настал Ромигин черёд поднимать брови.

— Для начала, я желаю знать, способен ты, или нет.

— погоди, надо подумать, — нав прикрыл глаза, «паутинка» призывно замерцала под веками. Стал вглядываться...

— Нимрин! Ромига! — Вильяра уже довольно грубо трясла его за плечи. — Да что с тобой такое?

— Ничего особенного. Транс. Оценивал наши с миром возможности по искоренению живоедства.

— И?

— Увы, Голкья не готова *так* измениться. Я не нашёл пути. Мне даже искать его не хочется, слишком сильное сопротивление.

Вильяра вздохнула: облегчённо.

— Я рада. Это было бы слишком просто... И как-то, наверное, неправильно.

— Я рад, что ты не настаиваешь, Вильяра. Верь, не верь, а я крайне неопытный плетельщик судеб. Мне бы задачки попроще, чем переустройство мироздания.

Да, и хулиганства Странников, и тихие игры Семёныча, и Ромигины эксперименты с магией мира преследовали локальные цели. Глобальный эффект стремился к нулю, хотя... Воспитанники Мельникова рвались и вырвались во Внешние миры. Их стараниями невозможное стало возможным. И Ромигу вынесло с Земли, против воли, едва он начал практиковать геомантию. Изменился ли оттого мир в целом, или только отдельные судьбы? Сложный вопрос, недостаточно информации.

— А что бы ты, Нимрин, счёл задачей попроще?

Ромига усмехнулся, вспоминая. Кубик вправо, кубик влево, и рыжие волосы Идальги, заодно с тёмным костюмом комиссара. Но то было на Земле, а на Голкья обстановка не располагает, кажется, даже к таким мелким геомантским шалостям.

— Знаешь, Вильяра, я, пожалуй, воздержусь... Не дерзну переплестать судьбы твоего мира ради пустой показухи. Я рад возвращению дара, и мне охота поупражняться. Но я опасаясь спустить вам ещё какую-нибудь лавину.

А потом вернулся Рыньи. Принёс, за чем ходил, и даже не встрял по дороге ни в какие неприятности. Ромига глянул, что здесь называют барабанной кожей. Практически, пергамент, хотя и не лучшего сорта. Второй вопрос: чем писать? В земных путешествиях нав, бывало, изготавливал тушь из сажи и какого-нибудь клея. Перо? На Голкья нет птиц, но можно вырезать пёрышко-калям из стебля приречника. Хотя смышлённый мальчишка сам позаботился о принадлежностях для письма: прихватил на ярмарке краску в плитках и кисточки. Рисовать-то голки давно умеют, на самых разных поверхностях. Кистевая каллиграфия? Почему бы нет. Но надёргать соломы и сравнить, чем удобнее вырисовывать буквы — всё равно лишним не будет.

Первые же эксперименты показали, что писать калямом Рыньи удобнее, чем кистью. Но так или иначе, руку ему набивать ещё долго — и зима впереди длинная. Ромига сделал прописи и счёл свою задачу выполненной. Очень забавно смотреть на юного охотника, сидящего на шкурах в позе египетского писца и старательно скребущего пером по пергаменту. Очередной анахронизм, да и вообще забавно. Пускай упражняется! А Ромига уже в силах поддерживать огонь в очаге, чтобы мальчишка не отвлекался.

Мудрый Альдира тихо и незаметно слинял изнанкой сна, Вильяра отложила рукоделие и последовала за ним. Вернулась под вечер: пешком, усталая и грустная. Принесла кусок мороженой рогачины, начала готовить то ли поздний обед, то ли ранний ужин — Ромига с Рыньи так увлеклись, что пропустили время дневной трапезы. Пока Вильяра стряпала, а мальчишка помогал ей, Ромига не отказал себе в удовольствии: полюбоваться на Ярмарку в закатных лучах. С порога, как утром. В этот раз Вильяра не стала хватать его, чтоб не сверзился, а села рядом, обняла за плечи, прижалась горячим боком.

— Нимрин, Ромига, знай: я буду тосковать по тебе, когда ты уйдёшь, — голос ведьмы прозвучал смущённо, будто она призналась в постыдной слабости.

Нав ухмыльнулся, не отводя взгляда от пламенеющих небес и снегов:

— Я тоже не забуду тебя, моя прекрасная белая колдунья. Ни тебя, ни Голкья. Но ты же сможешь приходить в гости изнанкой сна? В призрачном обличье или во плоти, если постараться?

Вильяра вздохнула:

— Пока я в одиночку храню свой клан, пока я стираю следы незаконных Наритьяр, мне не до путешествий на ту сторону звёзд. А потом... Ты исцелил меня, Иули, но я всё никак не поверю, что доживу до какого-нибудь спокойного «потом».

— Тяжёлый день?

Ещё один вздох:

— Даже не спрашивай!

— Тогда, давай, я просто подпою тебе песнь Умиротворения?

Вильяра фыркнула:

— Да, чужак, ты подпоёшь, и, наверное, мне полегчает. Ведь ты — плетельщик судьбы, тебе и невозможное возможно. Знаешь... Мне сегодня вдруг приснилось, будто ты смог бы стать одним из нас. Жить на Голкья, не нарушая равновесия.

Сказала и сразу запела, не давая паузы на ответ. Нав напрягся: слишком радикальная смена концепции! Однако вплёл свой голос в её, и под их проникновенный вой малиновое солнце плавно закатилось за дальние торосы, подмигнув на прощание зелёной искрой. Песнь отзвучала — певцы одновременно повернули головы, заглядывая друг другу в глаза.

— Что ты имела в виду, Вильяра? Что значит, я могу стать одним из вас?

— Пойдём ужинать, Нимрин. Потом я немного отдохну и провожу тебя к Чёрному Камню. Он готов впустить тебя. Я надеюсь, в кругу ты найдёшь не только колдовскую силу, но и ответ на твой вопрос.

— А может, ты для начала перескажешь мне свой сон?

— Нет, я обещала.

— Кому обещала? Опять Пращуру?

— Нет, Ромига, не ему. Вообще не Асми. А больше, прости, я сказать не могу. Я обещала.

— Любопытно. А как ты поступишь, если я откажусь идти с тобой к Камню?

Она прижмурила серебристые глаза и протянула, зевая во все клыки:

— Тогда-а-а... я просто лягу и усну! Глухо, мёртво. Я постараюсь выспаться. Буду отдыхать, пока не разбудят.

— То есть, у Камня меня ждут, но это не срочно?

Пожала плечами:

— Ему-то уже некуда спешить. А сила нужна тебе, Нимрин. И сила, и путь...

Колдунья осеклась, и нав не переспросил, не стал допытываться. Подтвердил:

— Да, Вильяра, колдовская сила мне очень нужна. Однако не нужнее, чем тебе — отдых и сон. Я обожду до утра.

Ромига желал не просто обдумать, что у них тут за внезапный поворот, а испытать возвращённый дар. Вглядеться, вслушаться.

Ужин все трое проглотили, как за себя бросили, и завалились рядком на лежанку.

Вильяра уснула мгновенно. Рыньи чуть повозился и тоже засопел. Ромига старательно распрямил на ровном больную спину, уделяя внимание каждому позвонку, нерву и мышце. Хорошо бы подкрепить медитацию исцеляющими арканами, но от похода за магической энергией он отказался сам. Потому что боевой маг тайногородской выучки воздвигает между собой и миром крепостную стену, а геоманту она мешает. Геоманту важнее быть прозрачным и лёгким, беззащитным и открытым. Наву снова жутковато, как перед прыжком в водоворот с обрыва, но мир Голкья не враг ему, в этом он уверен... Ну, почти уверен!

Мир Голкья использовал покалеченного, оглушённого пришлого геоманта. Прикладывал к своим болячкам, но и берёт, как умел. Хотя, верно ли так рассуждать о мире? Вот об этой паутине сияющих, дрожащих, звенящих на разные голоса нитей — причинно-следственных связей. В туго затянутых узлах бывшего и смутных клочьях несбывшегося. В туманных пока, но веско зреющих гроздьях — вероятностях грядущего... Нити, узлы, гроздья — слова неточны, а узор на тайной подкладке мира ошеломляюще красив и текуч, словно блики на воде. Не безумие ли — воспринимать всё это, такое прекрасное, как существо с единой волей и разумом? Как пациента перед целителем? Или даже сторону в переговорах?

«Если желаешь увидеть лицо и услышать голос — приходи к Чёрному Камню, Иули. Там поговорим. А пока просто любуйся».

Ужасно похоже на безмолвную речь. И такие знакомые интонации... «Мудрый Латира?»

«Приходи к Чёрному Камню, Иули. Хоть изнанкой сна приходи, у тебя уже должно получиться. А Малую не тревожь, пускай отдыхает».

Ромига открыл глаза, выныривая из полу-транса, полудрёмы. Уставился в потолок, будто мог прочесть там ответ на новый животрепещущий вопрос: правда, услышал сейчас мудрого Латиру, или приснилось? На Голкья возможен ответ: правда, хотя приснилось. И с Латирой всё непросто, об этом знают даже многие охотники, не только мудрые.

Когда Ромига и Наритьяра Младший пропели Песнь Равновесия, Тени развоплотились почти мгновенно. Только у Латиры, обращенного в Тень, достало самовластной воли задержаться среди живых. Говорят, он обошёл Ярмарку, попрощался кое с кем из знакомцев, переживших смуту. А после взошёл на Ярмарочную гору, к Чёрному Камню, где много лет черпал колдовскую силу. Камень не стал привередничать, в каком теле явился Латира, и выпустил его. Обрато из круга Латира не вышел. Ромига знает: мудрые почитают такой финал достойным завершением своего жизненного пути. И даже не совсем завершением, хотя наву из Тайного Города идея жизни после жизни... Ну, да, по старой привычке — претит. Однако Тень Латиры Ромига однажды призвал. И это было невероятно: снова говорить с тем, кого видел слюнявым идиотом от «иглы инквизитора» и жертвой, растерзанной на алтаре. Говорить с ним, как с живым, ощущать его почти живым. И задним числом Ромига не сожалеет, что рискнул призвать Латиру. Скорее, жаль, что старый прошмыга вынужден был так быстро уйти, и с навом они больше не встретились. Хотя, отчего Латира поспешил с уходом, бывшему Повелителю Теней тоже ясно. Мудрый не пожелал живоедствовать, чтобы питать свою новую плоть. А тот, кого принимает круг Зачарованных Камней, больше не нуждается ни в какой телесной пище.

Кто и когда объяснял всё это Ромиге? Отчасти, Вильяра вложила ему в голову при первом знакомстве. А в полноте он узнал от Теней, будто от самого мира Голкья. Вообще, он знает теперь многое, чего не мог знать наву из Тайного Города. Умеет, чему отродясь не учился. Главное, не потерять в этом нежданном и непрошенном богатстве знаний самого

себя. Как Онга потерялся среди фантазий и несбывшихся вероятностей... Иными словами: не спятил бы ты, нав Ромига! Риск-то есть.

Геомант снова опустил веки, вглядываясь в «паутинку». Да, он может просто созерцать её. Любоваться, словно огнём, водой и чужой работой. А может последовать подсказке неведомого собеседника и единым движением мысли перенести себя к чёрному менгиру, косо подпирающему ночные небеса. Чего тянуть, если он всё равно туда придёт — или приведут?

И мороз не заставил поёжиться, и снег не хрустнул под ногами: Ромига встал у Чёрного Камня полу-взаправду, полу-понарошку. В призрачном обличье, как говорят голки. Теперь-то нав понимает, что освоил этот фокус давным-давно, когда бродил по степям своего любимого сна. А побывать бы в тех степях наяву, всем собой... Не сейчас!

Обличье-то призрачное, а в этот раз Ромига не бросил свой недуг на лежанке в логове. Спина болит, почти как наяву, и тяжело стоять без опоры. Ну, и кто его тут ждёт? По всем ощущениям — никого. Вопрос, можно ли доверять ощущениям, когда сам не вполне здесь?

— Мудрый Латира?

Позвал голосом — тишина. Повторил безмолвной речью — нет ответа, лишь стылый сквознячок по сердцу. Обошёл — обковылял — Зачарованный Камень кругом и позвал снова, с тем же успехом. Мороз, тишь. Мерцают звёзды, искрится снег. А чёрный менгир непроглядно чёрен даже для навских глаз. Возможно, Ромигу ждут не снаружи, а внутри круга? Спел приветствие, положил руки на Камень. Откроется, или нет, а Ромига приветил знакомя. Да и опора — не лишняя.

Камень потеплел под ладонями, но не раскрылся. Вообще-то, и не должен, пока Ромига топчется тут в призрачном обличье. А пройдёт ли нав по изнанке сна целиком? Не с кем-то за руку — сам? Он почти проснулся в логове, на тёплой лежанке, между Вильярой и Рыньи... Нет, не там! Надо здесь... Ну, вот!

Тело налилось тяжестью, дохнул в лицо мороз, скрипнул снег... И чёрный менгир раздался под руками так резко, что Ромига, утратив опору, завалился вперёд: неловко, больно. Встать? Или ползти вперёд, как делал прежде? Собираясь с силами, глянул по сторонам — обнаружил себя, внезапно, уже в центре круга. Видимо, его, правда, ждали. Кое-как подобрал конечности и сел. Огляделся ещё раз, вспоминая, какими видел Черные Камни в прошлый раз. Да, их стало на два больше.

Почему, приняв одного, они всегда прибавляются парами? Бывший Повелитель Теней может *вспомнить*, почему так, но не желает вдаваться в подробности. Не сейчас.

В приветствие, которое он пел, сами собой вплетались новые имена. И прошло понимание, что бесполезно выкликать здесь Латиру. У хранителя сгнувшего островного клана теперь иное служение, иное имя. И он, конечно же, видит, что Ромига явился на зов. Заговорит, когда и, если сочтёт нужным.

Зачем ходят в круг Зачарованных Камней? В первую очередь, за колдовской силой, она же магическая энергия. Нав осторожно прилег на спину, закрыл глаза и приготовился впитывать всё, что даст ему круг. Странно, если не даст: после того, как охотно впустил и проводил на середину.

Энергии вокруг, действительно, море. А подходящей наву — капли, слёзы. Бывший Повелитель Теней представляет, как перетянуть это одеяло на себя. Он бы смог, он

чувствует. Но стоило столько корячиться, восстанавливая равновесие, чтобы самому же опять всё изгадить? На регенерацию худо-бедно хватает, Ромига полежит и встанет на ноги. Выступит в Пещере Совета, потом отправится в город с белым небом, разыскивать врага врага...

Вероятно, он задремал, а может, нет.

«Мы благодарны тебе, Ромига, что ты бережёшь равновесие и не изменяешь нас ради своего удобства. Но ты сможешь взять всё, что мы даём тебе, изменив себя. Таков дар Голкья плетельщику судеб».

— Что? — Ромига сел, озираясь. Отметил: спина не болит, ноги слушаются... И устался на сидящего рядом голки! Внешне тот не изменился, лишь аура поблекла и расплылась туманом.

— Латира?

— Да, Ромига, меня звали так. А теперь уместнее звать по имени моего Камня. Или называй Голосом Щуров, так тоже будет правильно.

Нав сел поудобнее: разговор, похоже, предстоит долгий и непростой. Разглядывал собеседника, пытаясь разобраться, отчего рядом с ним настолько неуютно, тревожно? Призрачные мальчишки в степи не вызвали подобного ощущения.

Осторожно ответил:

— Я рад тебя видеть... Рад, что ты обрёл новое служение.

Избегал называть собеседника по-старому, однако новое имя или титул тоже не шли с языка, оставляя в репликах неловкие паузы. Тот, кого прежде звали Латирой — или нечто, принявшее его облик — хитро прищурилось.

— Не слишком-то ты рад, Иули. Но я не в обиде. Ты внял приглашению и пришёл, это главное. У нас... У меня к тебе два дела: новый дар и старый долг. С чего желаешь начать?

— А давай, сначала ты ответишь мне на несколько вопросов?

— Хорошо, Иули. Я постараюсь ответить. Спрашивай, — взгляд, интонация, в точности, как у прежнего Латиры.

Нав стремительным выпадом поймал собеседника за запястья — осязаемые, плотные, тёплые — и запел, заклиная щура говорить правду, одну только правду и ничего, кроме правды. Старая-престарая песнь, лишь Тени её помнят.

Тот, кто назвал себя Голосом Щуров, не стал вырываться, даже не дёрнулся. Слушал Ромигину песнь, будто со снисходительным одобрением... Да вот же, что с ним не так! Эмоции не читаются через ауру, только через выражение лица и язык тела. И нет, он не играет роль, не лжёт ни жестом, ни единой морщинкой! Но беседа с навом не задевает его сколько-нибудь глубоко. Он каменно, неколебимо спокоен: сквозь ликующее торжество бытия и скорбь множества потерь. И ликование не отменяет скорби, а скорбь не омрачает ликования. Вместе — дают грандиозностью, несоразмерностью видимому: хрупкому двуногому существу. Мудрый Латира и в прежней-то жизни был не прост. А Голос Щуров не враждебен Ромиге, скорее, дружелюбен, но опасен, как нависшая над головой скала. И кажется, вот-вот он обрушит на многострадальную навскую башку нечто. Не смертельное, не ранящее — а не увернёшься, и жизнь уже никогда не станет прежней.

Ромига слишком долго молчал, бывший Латира качнул головой:

— Боишься? Не доверяешь? И снова я не обижусь на тебя, Иули. Хотя ведёшь ты себя, как дурень. Раскопал в Тенях такую древность, а забыл, что щуры никогда не лгут плетельщикам судеб. Растерялся, да?

Растерялся, правда. Не понимал, не мог решить, как вести себя с *этим*. Отпустил его руки. Спросил:

— Ты действительно был мудрым Латирой или только выглядишь им?

— Был, был. Ну и выглядеть не разучился, — лукавый смешок.

— Насколько ты... — Ромига искал формулировку, но так и не придумал внятной, — Действуешь сам по себе? Сам от себя и за себя?

— Я в своей воле и разуме, если ты об этом, Иули. Я продолжаю служение мудрого, храню Голкья и охотников. Я не забыл, каково быть живым. Здесь, внутри круга, я попросту жив. Потому не перепутаю благо и ущерб, как древние шуры. Потому меня избрали Голосом, посредником между стражами снов и живыми.

— То есть, ты теперь за Пращура? Ни жив, ни мёртв, являешься в сны и говоришь загадками? — нав воочию припомнил асура, которого вызволил с алтаря, и уши заострились.

Собеседник рассмеялся, будто хорошей шутке. Посерьёзnel.

— Пришелец Асми лепил нас, точно глину, пока глина не затвердела, не запеклась в камень под его руками. Я — камень от камней Голкья. Я и меньше Пращура, и больше его. Я не владею сокровенными тайнами Асми. А чужак никогда не знал нас так, как мы знаем себя. Он хранил Голкья, но ему не дано было стать одним из нас. А тебе Ромига, даровано. На, взгляни, — в руках бывшего Латиры возникло серебряное зеркальце, он передал его наву.

Тот взял с опаской. В первый миг показалось, сквозь тусклую полировку глядит Стурши... Нет, не он! Даже у островных голки не бывает настолько тёмных грив. Ромига потрогал свою шею, касаясь кожи — отражение примяло пальцами чёрно-серебристый мех. Прищурило чёрные навские глаза, выскалило мощные клыки. Не голки, но очень близкое подобие. Чёрный оборотень из сказок. Вильяриным взглядом, очень красивый. А нав, как есть, кажется большинству охотников жутковатым, а колдунье — забавным и милым. *Кавайным*, сказала бы земная девочка Ириска. А вот это, из зеркала, Ириска обозвала бы йети и испугалась... Наверное.

— Твои предки, Иули, когда-то изменили себя, — продолжал между тем Голос Щуров. — Изменились, чтобы стать красивыми. В своих ли собственных глазах или в чьих-то ещё? Наверное, ты знаешь. Только прежний ваш облик не исчез. Лезет наружу, когда вы колдуете на пределе сил.

— Откуда ты узнал про моих предков?

— Шуры знают. Для нас время течёт иначе, и та сторона звёзд ближе, чем для живых. А тебя, Ромига, я видел в том обличье собственными глазами. Так вот, приняв дар Голкья, ты не разучишься выглядеть, как считаешь нужным. Отыщешь дорогу домой — никого там не напугаешь.

Звучит слишком заманчиво, чтобы обошлось без какого-нибудь подвоха.

— Скажи, что я должен сделать, чтобы принять ваш дар?

— Оставайся здесь и спи, пока мы изменим твоё тело. Когда проснёшься, все стихии станут питать тебя силой и слушать, а не только Тени. И живи потом на Голкья, сколько вздумается. Храни равновесие внутри себя, как мы храним, и этого довольно.

Нава продрало морозом по хребту. Отражение тоже вздыбило гриву, сверкнуло зрачками: бело-голубыми снежными искрами. Латира, или Голос Щуров, или как его там, предлагает наву изменить не внешность — самую суть! Приняв дар, перестав быть «однобоким колдуном» по меркам Голкья, Ромига вряд ли посмеет вернуться в Цитадель.

— Твоё внутреннее равновесие важно лишь для Голкья. В иных мирах — живи и

колдуй, как хочешь. Однажды изменившись с нашей помощью, ты сможешь изменять себя сам. Ты же плетельщик судеб, Ромига. Молодой, неопытный, да это быстро пройдёт. Я предполагал, кто ты есть, но не был уверен, потому помалкивал. Рад, что угадал. А друг мой Альдира ищет замену старейшему Нельмаре. Из тебя вышел бы прекрасный хранитель знаний...

— Стой, Латира! — рявкнул Ромига скорее испугано, чем грозно. — Что я должен сделать, чтобы отказаться от вашего дара?

Голос Щуров удивлённо вскинул брови. Ромига ждал, он начнёт уговаривать, но нет... Мгновенный ужас, что отказа вовсе не предусмотрено, что нав уже влип, едва не толкнул его на какое-нибудь отчаянное действие.

— Да просто откажись и не спи в круге. Дурень ты, Иули. Хоть и плетельщик судьбы.

Старый голки вынул из рук нава своё зеркальце — тот не препятствовал. Сидел, как оглушённый. В башке — пустота, в ней мечется единственная мысль. О невезучем охотнике, поданном к столу Наритьяры Среднего. Ромига ел его мясо. И если примет дар, станет голки в достаточной мере, чтобы рассыпаться прахом, ступив на землю своих любимых степей. Живоедам там не место, *сам так сделал*.

Голос Щуров ободряюще потрепал нава по плечу.

— Иули Ромига, знай! Голкья не навязывает своих даров силой, но и не забирает обратно. Думай, решай, выгадывай наилучшее время. Оно в твоей воле. Уходи в иные миры и возвращайся, сколько хочешь. Этот круг примет тебя хоть через тысячу лет, и мы исполним, что обещали. Устанешь от странствий? Поймёшь, что некуда и незачем идти? Голкья с радостью даст тебе приют, станет твоим домом.

Нав вздрогнул, напрягся... И не скинул чужую руку. Слишком ясно сквозило сквозь старого голки то непостижимое, ликующее и скорбящее, восхитительное и жуткое, чьим голосом он стал. Ромига, нав из дома Навь, не согнул перед *этим* спину, но почтительно склонил голову:

— Я благодарю тебя, о Голос Щуров. Я благодарю Голкья за щедрый дар. Я не готов им воспользоваться прямо сейчас. Не знаю, буду ли готов хоть через тысячу лет. Но я благодарен.

— Мы тоже благодарны тебе, Иули Ромига. Благодарны за всё, что ты сделал для мира и охотников, — ответил голки.

И чуть расслабился, словно закончил официальную часть мероприятия. То, что говорило его голосом, смотрело на Ромигу его глазами, отступило и спряталось, как бы целиком уступая место прошмыгну сыну Латире. Который задорно подмигнул наву, подождал, пока тот соберёт разбегающиеся мысли и соберётся для продолжения беседы. За это — отдельное спасибо!

— Ну, вот, новый дар я тебе вручил, — сказал голки. — Осталось вернуть старый долг.

— Что ты имеешь в виду? — устало переспросил Ромига. Он бы ещё поразмыслил над подарочком в спокойной обстановке. Но, как они только что уточнили, это не горит. А долг... Пока дают — бери.

— Помнишь, я обещал, что покажу тебе дом Иули, моего давнего друга?

Такое забудешь! Ромига кивнул.

— Онга перехватил меня, и я не смог. Если хочешь, я готов проводить тебя туда через Камни.

Некоторые вещи лучше выговорить, чем промолчать:

— Прости, что я тогда подставил тебя, Латира.

Старый голки покачал головой:

— Пустое, Иули. Я не держу на тебя зла. Я сам ошибся, а ты вернул мне утраченное при первой возможности. Ты идёшь? — спросил он, легко поднимаясь на ноги. — Спутником твоим я стать не смогу, увы. Но, если позовёшь, то мигом заберу обратно.

Нав тоже встал. Да, спина прошла, ноги слушаются, даже капельку энергии удалось запасти впрок. В пещеру Иули он давно собирался, почему не сейчас?

— У нас в круге ты всегда найдёшь немного колдовской силы, — Латира будто подслушал Ромигины мысли. — Немного. Понадобится больше, приходи глубокой зимой на Длань Пращура. Зачарованные Камни, которые вы с Малой там поставили, они не для рождённых на Голкья. Зато, в самый раз таким, как ты. А летом — таким, как Пращур.

Ромига открыл рот, кое-что уточнить — голки со всей силы пихнул его в грудь. Нав вывалился спиной вперёд из каменных воротец, едва устоял на скользине... Камни перед ним сомкнулись не в косо́й менгир, а в небольшую угловатую глыбу.

[1] Умножаем на шесть!

Камни перед ним сомкнулись не в косо́й менгир, а в небольшую угловатую глыбу. Он никогда не бывал здесь, но памятью Теней узнал место. С первого взгляда и по ощущениям — неуютное. Угодья одного из мудрых, кто охотился на Ромигу после Песни Равновесия. Альдира, вроде бы, вразумлял их, но вразумил ли? Неохота проверять, потому Ромига не станет болтаться на виду, у Зачарованного Камня, ни единой лишней секунды. Как ни жаль энергии, нав построил портал. Прямо́ком к пещере, где обитал его соплеменник, Иули без имени. Тот, кто, уходя с Голкья, даже Тень свою увёл с собой. Оставил лишь весьма примечательное послание Онге и, может быть, что-то ещё, чего Онга не нашёл?

По сравнению с навским форпостом, который переделали под себя мудрые, пещера Иули оказалась невелика. Однако Ромига уже битый час кружил по коридорам, лестницам и залам, отделанным в стиле Империи, времён её расцвета. Идеальная геометрия строгих, выверенных форм, стандартная защита от обветшания, стихийных бедствий и взлома, ничего лишнего. Ничего личного. Вообще ничего. Для помощника навского дознавателя, а Ромига был им, «стены помнят и говорят» — не пустые слова. Всякая жизнь оставляет следы. Жизнедеятельность магического существа — особенно. Да только безымянный Иули затёр свои следы с параноидальной тщательностью.

Можно предположить, почему и зачем. Ромига помнит его письмо Онге, будто сам держал то письмо в руках:

«Плохого дня тебе, Онга, предатель двух князей. А кого ещё ты предал в своей никчёмной жизни, не сочтёт и сам Спящий. Твои возлюбленные, дети, друзья... Жаль, ты не сдох на алтаре. Жаль, я не добрался до тебя и не добил. За всё, что ты сотворил с моей матерью. За наследство, которое досталось мне. Будь ты проклят! Раз ты читаешь эти строки, значит, опять выкрутился. Как именно, я не хочу знать, и надеюсь, выкрутился ты ненадолго. Желаю тебе скорой и мучительной смерти, по заслугам. Всю дрянь, что ты скопил у себя в логове, я уничтожил, а всё полезное забираю. Сам я уйду с Голкья и Тень свою увожу, да не послужит она извращенцу. Прощай, Онга».

Без подписи, но Онга то ли узнал почерк, то ли понял намёки. Если сколько-то верить его путаным воспоминаниям, автора письма, вероятнее всего, звали Имигой.

Действительно, был такой исследователь Внешних Миров. Один из многих, кто расширял горизонты Империи Навь далеко за её фактические границы. Не единственный, кто сгинул без вести в глухих углах Вселенной. Ромиге давным-давно подвернулись в библиотеке Цитадели обрывки его путевых заметок. Молодой нав искал другое и не обратил бы на них внимания, да царапнуло созвучие имени путешественника с его собственным. Не настолько царапнуло, чтобы углубляться в биографические подробности. Может, слышал что-нибудь от старших навов, краем уха? Нужно повспоминать...

Что за дикая вендетта Имиги с Онгой? Кем они доводились друг другу? Выколупывать факты из того, что у Онги вместо памяти — нырять в навозный колодец за обронённым туда колечком. Нет, даже не колечком: нашёл, достал, отмыл, как новое. Скорее, за куском еды: если и выловил, оно уже не еда. Тьфу!

Имига был или считал себя сыном Онги? В письме прямо не сказано, а в Онгиной голове жили и спорили взаимоисключающие версии. С матерями там всюду... Эсть'эйпнхар! Онга спал с асурой и зачал ей ребёнка!? По любви? Где-то между прорывом

изоляции Нави и началом Первой Войны? Странное время, точка бифуркации, которую навьи не слишком-то охотно вспоминают. Тогда многое было возможно, и такое ... Ну... Позже у Онги были навьи: больше одной, если он их себе не выдумал. Вроде бы, ничего непотребного он с ними не «сотворял», хотя... Вот что это за около медицинские извращения? Какие-то эрли, значит, уже конец Войны. Навы и навьи, с тяжкими магическими травмами. Ещё какие-то асуры, чуть живые и беременные. Нет, ковыряться в чужой бредятине больше нету сил!

Ромига плюхнулся на пол, привалился спиной и затылком к стене: голова трещала так, что тянуло блевать. Будто он не с воспоминаниями работал, а отравился дрянью. Нет, пожалуй, через Онгу он ничего не разьяснит, и даже пытаться бессмысленно.

А может, вовсе плюнуть? Не ворошить древнюю жуть и дичь? Вот прямо сейчас Ромига позовёт Латиру, чтобы тот забрал его отсюда. Или сам пройдёт по изнанке сна, сразу под тёплый Вильярин бок. А потом тщательно, как учил мастер Шага, *забудет* чокнутых бродячих навов с их невообразимыми разборками. Онга мёртв, Имига — на самом-то деле, даже имя не точно! — убрался в неизвестном направлении... Вот если б знать, что он тоже умер, Ромига закрыл бы тему. А игнорировать настолько мутную персону, которая неизвестно, когда и откуда выскочит — ни за что. Иули забрал свою Тень и старательно замёл следы, но в реальности осталась *дыра в форме нава*, изучая которую, можно многое про него понять. Например, Латира помнил друга Иули в лицо, и Ромиге той памяти перепало достаточно для опознания. Лицо, голос, повадки... Портрета путешественника Имиги Ромига не видел, но, если доберётся до Земли, поищет и сравнит. Или найдёт ещё какие-то зацепки на Голкья.

Посидел в медитации, пока утихло эхо Онгиного бреда. Встал и ещё раз обошёл жилище Иули, не строя никаких арканов, не всматриваясь до рези в глазах, а наоборот, скользя по стенам, полу и потолку беглым расфокусированным взглядом.

Что? Отпечаток ладони на стене? Заметил краем глаза. Присмотрелся: обычные прожилки в полированном камне. Ощупал, по-всякому просканировал: вроде бы, кусок стены ничем не отличается от соседних. Но однажды замеченный, притягивает внимание. Боковым взглядом — довольно чёткая пятерня, прямым — естественный узор породы. Нав прикрыл глаза, и нити, видимые лишь геоманту, на том же месте сплелись в тугой узелок... Который легче лёгкого развязать! Собственно, для этого не нужен особый дар, достаточно было попросту догадаться.

Ромига до крови прокусил губу, сплюнул на ладонь и прижал к стене: ровно там, где ему мерещился отпечаток пятерни. Лёгкий магический всплеск и шорох за спиной: обернулся — успел заметить, как закрывается маленький портал. Подхватил на лету выпавший оттуда листок пергамента, плотно исписанный навскими иероглифами.

Иули всё-таки оставил в своём жилище послание для зоркого и сообразительного сородича.

Взгляд мгновенно выхватил начало: «Здравствуй, Иули». На родном языке — странноватое обращение, и по спине Ромиги побежали тревожные мурашки.

Пергамент зачарован лишь от ветхости и сам по себе не западня... Наверное. А вот информация и дезинформация бывают равно опасными. Что бы Ромига ни прочёл, не стоит безоглядно доверять написанному. Мало ли, какие цели преследовал автор? Кого видел адресатом?

Итак: «Здравствуй, Иули. Я сам принял это прозвище вместо прежнего имени. И тебя жители Голкья величают так же, как любого нава. Без сомнения, ты смотришь на мир чёрными навскими глазами, иначе не разглядел бы мою метку. Но без искры Света в твоей чёрной крови ты не получил бы это письмо».

Что?! Уши нава заострились. Да за такое оскорбление не то что на дуэль... Спокойно, Ромига, спокойно! Автор письма мог быть безумнее Онги. Однако колдун незаурядный. Аркан, опирающийся тайник, спрятал так, что не видно, даже зная, где искать. Волей-неволей вспоминается магия тех, кого навь так и не превзошли. Хотя и среди сородичей есть мастера, до которых Ромиге, словно кочке до Эвереста. А каким ещё хитростям выучился странник между мирами?

Ромига выровнял дыхание и продолжил читать: «Досталась ли тебе искра при рождении, как мне? Или ты слишком заигрался в местное равновесие? Так или иначе, Свет в тебе есть. По моему печальному опыту, безопаснее это знать, чем пребывать в неведении. Особенно, если ты когда-нибудь вернёшься на Землю. Я туда возвращаться не собираюсь. Кровь «прилипалы» — смертный приговор не для меня одного, а для всего моего потомства среди навов, прошлого и будущего. Князь принял окончательное решение о таких, как я, и не мне это оспаривать. Мне просто невероятно повезло. Я узнал свою постыдную тайну раньше, чем её раскрыли другие, унёс с Земли и хорошенько спрятал. Надеюсь, успел».

Успел. Иначе заметки путешественника Имиги не хранились бы в библиотеке в общем разделе. Если этот Иули — действительно Имига. Если он в самом деле «прилипала», а не заблуждается, не введён в заблуждение...

Ромигу снова замутило. Проклятое наследство проклятой Войны! Ученик дознавателя, неуёмный в своём любопытстве, однажды докопался до кое-каких документов. Навь так и не научились магически определять скрытых полукровок. Сама Тьма не отсеивала «прилипал»! Вычисляли их только по косвенным признакам, по вехам биографий. Старшие навь ненавидели говорить об этом и отказались делиться с Ромигой подробностями. Мол, истребили всех, и больше таких не родится. Ты, Ромига, можешь спать спокойно.

Да по его тогдашнему разумению, навско-асурских полукровок вообще не должно было быть! Нормальные представители своих рас чурались друг друга ещё до того, как между ними вырос заслон генетической ненависти. И даже у ненормальных кровь смешивалась крайне неохотно. Природа-то умнее дурных мозгов, особенно у магических существ. Но кое-кто всё-таки исхитрился зачать, выносить, родить жизнеспособное потомство. Полбеда, если получилось заметное, странное «ни то, ни сё». А иногда две зиготы сливались, рекомбинировали, снова делились. Получалась двойня, близкое подобие родительской пары. Самая устойчивая, энергетически оптимальная структура. У навь тёмная половина двойни, вероятнее, была девочкой, у асуры — мальчиком, но не обязательно: родительские признаки при рекомбинации, отчасти, всё-таки перемешивались. Иногда организм матери отторгал чужеродный эмбрион, сохраняя близкий по генстатусу, и рождался только один ребёнок из двойни. Редко, исключительно редко, но и того слишком много. Помнится, Ромига впервые подумал, что без знания — вот этого знания, о полукровках в собственном Доме — он жил счастливее и спокойнее. Закрыв тему. Рад был, что навских «прилипал» давным-давно не существует, и ему их не надо выслеживать.

А вернувшись домой с полученной информацией, он будет должен! Хорошо, не выслеживать: он уже не помощник дознавателя. Но сообщить Сантьяге о беглом «прилипале». А поколений минуло столько, что потомками беглеца могут оказаться

полцитадели. И что дальше? Письмо-то из разряда: «перед прочтением сжечь». Сейчас тоже не поздно: назвать всё это бредом или ложью, уничтожить, забыть. Но раз уж начал, Ромига дочитает до конца, и только потом...

«Возможно, ты из моих прямых потомков, Иули? Или нет? Всё равно мы товарищи по несчастью. Тёмные, меченые Светом. Потому я предупреждаю об опасности, которая стережёт тебя дома. И о второй, гораздо ближе. Мир Голкья нестабилен. Его стабилизировали магически, но ненадёжно. Вся структура держится на двух жертвах. Жертвы пребывают в потаённых, недоступных местах, ни живы, ни мертвы. Одна жертва — нав-ренегат. Местные зарезали его за дело, но не до конца. Он имеет власть над так называемыми Тенями, о них читай ниже. Вторая жертва — асур. Как он сюда попал, и кто его зарезал, я не выяснил. Предполагаю, он и по сей день активно влияет на живых магов. Искать своё место в этой шаткой конструкции я не намерен и тебе не советую...»

Поздно! Ромига вмазался в конструкцию и разнёс её вдребезги, остатки демонтировал. Мир не рухнул. Что дальше? Жадно пробежал глазами письмо до конца, но Иули больше ни словом не обмолвился ни о себе, ни об Онге. Зато с глубоким пониманием рассуждал о Тенях. Оставил подробнейшую инструкцию, как уйти с Голкья самому или вместе с Тенью. Возможно, пригодится. А подпись в конце не поставил, лишь пожелал доброго пути.

Ни следа той ярости, что сквозила в письме к Онге! Нет, неохота гадать, кем они были друг другу. Даже если судьба сведёт Ромигу с Иули, он не станет допытываться. Но лучше бы, конечно, не сводила. Ромига не желает вставать перед неприятнейшей дилеммой. Ему бы разобраться со своей «искрой Света»: если она есть, если Иули не ошибся и не солгал.

Ромига снова присел на пол под стеной, ноги не держали. Всего сутки назад он был безоглядно, допьяна счастлив. Злополучный Иули разбил его счастье вдребезги, но никакого зла на «прилипалу». Бесконечная печаль. Покой и штиль, как в центре тайфуна. Нав давно чуял, подозревал, боялся: с ним что-то не так. Вот и выяснил, что. Конечная остановка. Однако Тьма принимала его, как родного, всю его жизнь. Это неоспоримый факт. Материнская стихия не отступилась от него даже в чужом мире, даже после всего, что с ним происходило, что он делал. А второй князь Нави, бывало, ошибался в своих решениях, иначе Империя стояла бы до сих пор. Ромига понимает, на какую скользкую, кривую дорожку он вступает уже одной только мыслью. Но кое-какие решения второго князя третий, нынешний, пересматривал. А ещё Латира, Голос Щуров, сказал нечто крайне любопытное. Будто опытный геомант, плетельщик судьбы, может не только выглядеть, как посчитает нужным, но и по сути своей становиться тем, кем он выберет быть. Надо всем этим Ромига поразмыслит на свежую голову. А пока — спать! У Вильяры под боком, там теплее.

Вильяра желала выспаться и уснула: глухо, мёртво. Однако плоха та охотница, которая вовсе не замечает, что творится у неё под боком. Когда Нимрин куда-то подался изнанкой сна, она отметила и проследила его путь... Вздохнула с облегчением. Ушёл туда, где его ждут.

Мудрую предупредили, чтобы она не беспокоилась, даже если Нимрин застрянет в круге на луну-другую и вернётся не таким, как был. Ей показали, каким он должен... Каким он может вернуться, если примет дар. Колдунья сладко грезит о том прекрасном чёрном оборотне, что выглянул из волшебного зеркала. Но она знает своего воина достаточно, чтобы видеть: для чужака это *щуров дар*, как в сказках. Отвергнешь — пожалеешь, примешь —

пожалеешь. Иули слишком рвётся домой, чтобы радостно и благодарно пустить корни на Голкья. А малейшего принуждения он не потерпит и не простит никому. Поэтому грёзы — пустые грёзы! — это всё, что мудрая вправе себе позволить. Она же сама которую луну расхлёбывает за мудрых, которые напозволяли себе лишнего...

«Вильяра, пожалуйста, приди! У нас тут Аю вытворяет такое, что к Камню идти страшно!» — отчаянный зов Туньи пробился сквозь дремоту, и Вильяра открыла глаза уже рядом с охотницей. Встряхнулась, проморгалась, глянула по сторонам — морозное, солнечное утро переходит в день. А над домом Лембы, у Камня, кто-то ворожит снег и бурю. Основательно ворожит, не по-детски. Дюжина охотников, считая Тунью, толпой сбились у нижних ворот и опасно вглядываются в белую мглу, вихрящуюся выше по косогору.

Вильяра приветствием отвлекла их от зрелища. А потом спросила, что происходит? Зачем её звали?

— Ну, ты же сама видишь, о мудрая! — ответила Тунья, как старшая из присутствующих. — Аю снова лепит чудовищ. Вчера начала, сегодня продолжила. Ворожит и никого не слушает. Может, Лембу послушала бы, да он с подростками на охоте. А старый Зуни велел оставить её в покое. Мол, пусть ворожит, что хочет, пока никому не вредит. А мне страшно и за нас, и за неё. Ты же исцеляешь её от проклятия, о мудрая? Вот я тебя и позвала.

Страшно, не страшно, а выглядела Тунья, скорее, возмущённой и обескураженной, чем напуганной.

— Что за чудовищ Аю лепит? — переспросила Вильяра.

— Там... Звери и другие, им даже имён нет. Жуткие, как дурной сон. Я сказала, надо всё сломать и заровнять, а она чуть не в драку. Утихомирь её, о Вильяра!

— Хорошо, я посмотрю. А вы все идите по своим делам и ждите меня в доме. Спасибо тебе, Тунья, что позвала меня, — сказала мудрая и сама обратилась в снежный вихрь.

Она снова так может! Она при каждом удобном случае показывает это охотникам, чтобы Вилья не сомневались в силе своей хранильницы! А ещё так проще ощутить чужое заклятие и, если понадобится, обуздать стихии. Вильяра-вихрь устремилась к средоточию ворожбы, как бы подчиняясь песни Аю — проникая в суть заклятья чувствами и разумом.

Ярость и боль, обида и отчаяние в сиплом, негромком вое... Аю совсем отвыкла заклинать стихии на морозе? Но горло сорвала — помогает песни танцем. Кто научил её, или сообразила сама, в неистовой жажде довершить начатую ворожбу? Кружится среди метельной круговерти, раскинув руки крыльями. Грива дыбом, по щекам ползёт солёный снег, небесная синь сверкает меж заиндевелых ресниц. Сапожки ступают по ветряным струям, едва касаясь снега... Сильна ведьма, кто бы раньше подумал!

Вильяра-вихрь станцует с ней этот танец, им обеим есть о чём... Ой, нет, лучше мудрая полюбуется со стороны, делясь силой и подстраховывая. Потому что вот же они: снежные звери Аю! Звери и другие, кому нет имён! Охотница не просто так расплескивает вовне свою внутреннюю бурю. Она управляет стихиями изощрённо и тонко, придавая вид и форму тому, что её гложет изнутри... Не её одну... Жуткие, небывалые твари рождаются из ветра, снега и льда. Яростно терзают друг друга, словно живые. Жуткие, а не нагладишься.

Аю допела, дотанцевала. Обессилено уронила руки, рухнула на колени в сугроб. Но спины не согнула, головы не склонила, снизу-вверх разглядывая сотворённое. То ли драку, то ли совокупление зубастых тварей с кричавкиными крыльями и длинными, гибкими телами подкаменников. Смахнула с лица снег и слёзы, улыбнулась солнцу сквозь оседающую

позёмку. Встала. Пошатываясь, побрела к Камню. Из-за него-то Вильяра и вывернула ей навстречу, уже на своих двоих.

— Здравствуй, Аю!

Та не сразу признала собеседницу, не сразу вспомнила нужные слова. Так бывает с заклинателями стихий, особенно, неопытными. Поклонилась: без спешки, с достоинством, лишь потом заговорила. Попыталась заговорить, а голоса-то нету. Вильяра обняла её и без лишних разговоров утащила изнанкой сна в дом, на кухню, отпаивать тёплым. Сначала — лечение. Ведьме без голоса, как кузнецу без руки. Конечно, у старой Ракиму нашлись нужные травы, а заварила их Вильяра сама. Пела над Аю целительские песни уже в её покоях, раздев охотницу догола и укутав в пушистые шкуры. Аю блаженно жмурила глаза, как заласканное дитя. Говорить не пыталась, да Вильяра ей и запретила.

Аю слушала песни мудрой. Потом долго, пока подживают связки, слушала про безголосую Камну. Как на первой охоте зверь порвал девушку, повредил ей горло. А она всё-таки убила его и выжила. Но с тех пор говорила только шёпотом, а петь не могла вовсе. Прошло два года, и Мьяли оценили дар небывалой ведьмы, чья ворожба — жесты и танцы. Клан избрал Камну для посвящения в мудрые и благоденствовал с такой хранительницей больше сотни лет, пока Наритьяра Старший не сгубил Немую Мьялиру...

Между словом, Вильяра показала Аю, как зажигать и гасить фитилёк светильника щелчками пальцев. Аю сходу не смогла повторить и вспомнила, наконец, что владеет безмолвной речью. Попросила уточнений, снова и снова отрабатывала, как складывать пальцы и направлять текущую внутри силу. С какого-то раза у неё начало получаться... За лечением и учением прошло полдня. О снежных тварях Вильяра не напоминала, не спрашивала: ждала, пока Аю заговорит о них первой. А сама ещё с кухни послала зов Тунье, чтобы никто ничего не трогал, пока мудрая не посмотрит сама.

«Вильяра, ты видела, что я слепила на нашей горе?»

— Да, мельком, — из снежного вихря видно иначе, чем глазами. — Я хотела обойти и рассмотреть. Но твой голос — важнее. Они же не убегут от нас, пока я тебя лечу?

«Не убегут. Но Тунья грозила, мол, поломаёт этот ужас. Зуни ей не велел, но она же своевольная! — в глазах Аю блеснули злые слёзы. — Я, конечно, слеплю новых... Но если ты, Вильяра, велишь ей отступить... Ты же позволишь им простоять там до весны? Пусть они сами собой утонут в сугробах, а весной утекут талыми водами».

У Вильяры аж сердце защемило от созвучия: ровно того же она желала всем последствиям Наритьяриной смуты! Вот не зря зачаровывала зеркало для Аю! Мастерница, освобождённая от проклятия, только начинает пробуждаться, а с ней уже есть, о чём поговорить и поколдовать... То есть, даже останься Аю прежней милой дурочкой, Вильяра не пожалела бы затраченных усилий. Но так, как вышло — отраднее.

— Это ты ловко придумала, Аю! Сама, или кто подсказал?

«Мы с Даруной и Нгуной сочиняли узор им на гривны. Они теперь главы дома, им надо, а я умею. Мы вчера рисовали вместе, и они восхищались самыми свирепыми, опасными хищниками, из самых жутких снов. Рыжим сестрицам сейчас такое по шерсти и по нраву. Им легчало, глядя на то, как звери, чудища и страшилища терзают друг друга. Но я не хочу, чтобы это жило с Даруной и Нгуной изо дня в день, из года в год, пока они носят на себе изделия моих рук. Некоторые вещи греют сердце, некоторые ранят. Некоторые ранят, чтобы вылечить. Но никто не оставляет исцеляющее железо в ране. Ты же знахаркина дочь, ты понимаешь, о чём я?»

— Да, я понимаю. Ты очень верно сказала, Аю.

«Я мало-помалу уговорила сестёр не закреплять в металле то, что болит и должно пройти. А потом мы сочинили им на гривны другой узор. Узор-мечту, узор-надежду, о плодородном лете. А хищникам я обещала найти другое, сообразное воплощение. Думала, думала — вспомнила, как мудрый Стира лепил нам, детям, побегаек из ветра и снега. Сам лепил и нас учил. Меня он тогда хвалил, мол, выходят, будто живые. Вот я и пошла на нашу гору: припоминать те песни. А Тунья на меня бранится и грозит всё поломать».

— Я велела ей, чтоб она ничего не трогала. Пойдём, полюбуемся на твоих свирепых хищников?

Да, правда, свирепые и как живые. Будто кто заморозил их в миг движения. Снег, иней, лёд: то матово белый, то кристально прозрачный, стали мехом и чешуёй, зубами, когтями, перепонками крыльев. Ледяные клыки угрожающе оскалены, ледяные глаза полны ярости. Мудрая видит: это изваяно с помощью чар, но чар уже не содержит — только мёрзлую воду. Однако сама обходит творения Аю сторожким охотничьим шагом, будто твари вот-вот оживут по-настоящему, и спасайся, кто может. Наваждение подобной силы в простых вещах способны сотворить немногие мастера.

Аю застенчиво мнётся рядом, прячет глаза, ковыряет мыском снег. В точности, как Рыньи после очередных своих сновидческих приключений! Да, у обоих яркий расцветающий дар нуждается в похвале, как огород в поливе.

— Я склоняю голову перед своим мастерством, Аю, — говорит Вильяра. — Спасибо тебе за то, что ты воплотила и показываешь. Конечно, мы оставим их до весны. А Тунья... Если ей неважно смотреть, пусть она проторит себе другую тропинку к Камню.

Тунья, правда, не поленилась проторить стёжку в обход. Удивительнее другое: у Аю нашлись подражатели, и не только в доме Лембы. Трёх дней не прошло — охотники Вилья самозабвенно лепили снежных чудищ и страшилищ. Лепили и приговаривали: «Пусть все ужасы Наритьяриной смуты утонут в снегах, а по весне утекут тальми водами!» Вильяра раз за разом слышала этот наговор-пожелание в разных домах Вилья, между которыми она по-прежнему металась, то врачуя охотников, то обновляя защитные чары после буйства стихий.

Похоже, новый обычай родился! Вильяра постояла у истока и благословила его, волею мудрой. Обычай охотно подхватили гости Ярмарки, а следом — соседи Вилья: Сти, Руни...

Семь дней спустя Альдира навестил ученицу. Рассказал, что и на Арха Голкья лепят из снега всякую жуть да приговаривают. Даром, что архане знать не знают мастерицу Аю, а подхватили её придумку через десятые-сотые руки. Наверное, до Марахи Голкья обычай тоже докатится, но там пока не угасла смута, вопреки усилиям мудрых. Клань всё ещё делят наследие Наритья.

А вот «поборники справедливости» больше не досаждают. Не нападали ни на кого ни разу. Даже не объявлялись, не смущали охотников разговорами. Может, правда, все сгинули в ловушке, которую устроил им Нимрин? Альдира сказал, что не рассчитывает на такое везение, но главари — сильные сновидцы — похоже, действительно погибли, а мелочь затаилась, не понимая, что происходит.

Помянули Нимрина — Вильяра спохватилась, сколько дней она его уже не видела. И сразу смутно стало на сердце, тревожно, тяжело. Старый прошмыга обещал, что не причинит её воину вреда, и мудрая поверила... Насколько можно доверять Голосу Щуров, занявшему

место Пращура?

Поделилась тревогой с наставником Альдирой — тот не слишком-то её успокоил. Да, Голос Щуров постоянно снится старому другу. Они обсуждают дела мудрых, будто наяву, будто оба живы. Иногда спорят до хрипоты, иногда приходят к согласию. Но о Нимрине — молчок. Мол, ты сперва дождись Иули из круга и посмотри, каким он вернётся. Будто бы расклад ещё не определился.

Колдунья сама пробовала погадать — вытянула «вешние воды». Пока они не стекут в море, пробороздив на лице Голкья новые морщины-русла, всё живое и неживое пребывает в опасной неопределённости. Дальнейшее гадание бессмысленно.

Ромига собирался на изнанку сна и к Вильяре под бок, но не смог даже задремать. Строки письма Иули полыхали перед внутренним взором, будто их выжгло на сетчатке Светом вековечным. Мысли клокотали и ворочались под черепом, лихорадочный жар волнами расходился по телу. Что будет с Навью и с ним самим, когда он донесёт информацию до дома? Каковы его шансы умолчать о письме Иули... А если спросит бывший наставник? А если Сантьяга или сам князь? С нава, впервые за тысячелетия вернувшегося из Внеземелья, истребуют наиподробнееший отчёт. Дотошные сородичи не удовлетворятся рассказом и записью: будет и хрустальный шар, и сканирование мозга. Ради такого случая князь снимет «великое безмолвие», которое сам же когда-то наложил... Нет, Ромига не посмеет принести в Цитадель всю эту муть с «прилипалами»! Нельзя ему с этим туда возвращаться! Даже думать о возвращении он не посмеет, не разъяснив до кристальной ясности: кто таков на самом деле Иули, и что за «искру Света» его аркан обнаружил в самом Ромиге? Это бред ещё одного сумасшедшего изгоя, ложь или правда? Нав Ромига должен, обязан идти по следу вероятного «прилипалы» Иули, по старательно замётённому следу, который давным-давно простыл — идти до конца. А предполагаемый «прилипала» Ромига должен умереть, едва предположение подтвердится... Ну, или он никому ничего не должен. Если примет дар щуров и поселиться на Голкья. Здесь-то всем наплевать, чиста ли кровь у редкой и полезной зверушки — плетельщика судьбы.

«Латира! Голос Щуров, ты...»

Даже не достроил фразу, а под боком уже не каменный пол — снег. Открыл глаза: знакомый круг Зачарованных Камней, и серый голки заглядывает в лицо.

— Латира, ты знал? — откатываясь на полшага и садясь лицом к лицу. — Ты знал, прошмыгин сын? Знал, что я найду в пещере Иули?

Поднимает брови, пожимает плечами.

— Нет, откуда? Иули принимал меня в своём доме, но не водил по всем закоулкам и не посвящал в свои тайны. Откуда мне знать, что ты найдёшь в доме сородича? Надеялся, что-нибудь полезное...

Ромига оскалился:

— Эй, ты, Голос Щуров! А вы — знали?

— Что?

— Что он написал мне! Оставил письмо! Вы — знаете про письмо, и что в нём?

— Нет, Ромига.

Передёрнуло: если Иули не лгал и не ошибся в догадках, «прилипала» не имеет права на навское имя.

— Зови меня Нимрином, как назвали на Голкья... Так вы точно ничего не знали о письме?

— Щуры не ведают всех дел того Иули. Более скрытного двуногого не встречали под этим небом! Нимрин, я вижу по тебе, ты получил в его доме какую-то поганую, злую весть. Сожалею. Прости, зря я повёл тебя туда.

— Сожалеешь? Ты говорил, щуры никогда не лгут плетельщикам судьбы?

— Никогда. Спрашивай, о Нимрин, плетельщик судьбы. Я, мы ответим тебе правду и только правду.

Ромига замолчал, собираясь с мыслями. С огромным трудом!

— Если щуры помнят других Иули... Помните?

— Да, мы их помним.

— Отличался ли он от них?

— Уточни, каких отличий ты ищешь, Нимрин? Нет двух одинаковых охотников, нет двух одинаковых Иули.

— Он... Как он ладил со стихиями Голкья? В нём было... Солнце?

Голки снова пожал плечами.

— Жаль, я не понимаю, какого ответа ты ищешь. Изю всех Иули он был единственный, кто пытался здесь хранить равновесие. Насколько это возможно для порождённого Мраком и Тенями, — Латира смотрел Ромиге в глаза так пристально и неотрывно, что тот, смигнув, подался назад. — Да, он тут единственный такой был. До тебя.

— А как, по-вашему... На ваш взгляд... Не было ли в том Иули примеси крови Асми?

Латира удивлённо присвистнул:

— Так вот оно, что тебя занимает! Ты думаешь, он сродни Пращуру? Нет, вряд ли... То есть, у вас такое вообще бывало?

Ромига оскалился и почти прорычал:

— Не важно! В нём — вы, живые и мёртвые... Вы в нём не заметили, не почували, не заподозрили родство с Асми?

— Нет, Нимрин. Не заметили, не почували, не заподозрили. Иули, как Иули. Такой же, как все, — теперь уже голки недобро сощурился и оскалил клыки. — Я тебе больше скажу, Ромига: не наше дело разбираться в родстве Иули и Асми. Не наше — ни тех, кто живёт на Голкья, ни тех, кто хранит сны живых. До Голкья долетали известия, как вы за это убиваете, опустошаете миры. Мы не желаем судьбы Барна-Гу! Сами разбирайтесь со своим родством!

Ромига выставил перед собой раскрытые ладони и медленно покачал головой (в глазах поплыло). Конечно, глупо предполагать, что охотники, мудрые или щуры отличают навских «прилипал» лучше, чем сами навь, чем самоё Тьма. Но ещё глупее было бы не спросить.

— Я услышал тебя, Голос Щуров. Я хочу тебя и всех вас успокоить: Голкья ничто не угрожает, как бы ни вышло с родством у того Иули.

...Если только Ромига не «прилипала» сам. А то получит он убежище на Голкья, а потом Навь вырвется с Земли и придёт за ним, и выявит полукровку, а голки вступятся... Нет, что за бредятина лезет в голову! Он потрянул головой, отгоняя навязчивые мысли — с трудом сглотнул накатившую тошноту.

— Спрошу про другое. Тот Иули был в здравом уме?

— Да, — Латира вздохнул. — Когда я ходил за ним следом и искал его дружбы, он учил меня наблюдать, рассуждать, делать выводы... Как же я завидовал остроте и ясности его ума! Неколебимой стойкости в опасностях и лишениях тоже завидовал, до последнего моего дня среди живых.

Острый взгляд голки слегка затуманился. Ещё капельку сонастройки, и Ромига подцепил бы кусок каких-нибудь воспоминаний: не напрямую от собеседника, так из памяти Теней... Незачем. Нав стиснул лежащие на коленях кулаки.

— Голос Щуров, скажи, вы так и не знаете, куда он ушёл? Жив ли он сейчас?

Латира развёл руками.

— Он не хотел, чтобы на Голкья знали, куда он идёт, и мы не знаем.

— Скажи, он был плетельщиком судьбы?

— Если был, то ничем не проявил себя. Посто очень сильный колдун. Умелый, упорный...

— Ладно, хвалит об этом Иули! А расскажи-ка мне, Голос Щуров, что вообще вы знаете о плетельщиках судьбы?

Голки фыркнул и, неожиданно, рассмеялся:

— Нимрин, ты, правда, желаешь услышать всё? Все-все-все сказки охотников и предания мудрых о таких как ты? Я-то расскажу, мне не трудно. Но пока ты будешь сидеть здесь и слушать, ты успеешь стать тем, кого видел в моём зеркале. Даже если ты бодрствуешь, круг понемногу меняет тебя. Медленнее, чем спящего, но времени как раз хватает.

Нав судорожным, произвольным жестом потрогал шею — не прорастает ли грива? Тряхнул головой, хотя уже проверял: от этого только хуже. Пока переживал приступ дурноты, Латира осторожно положил руку ему на плечо:

— Нимрин, я вижу, Иули ранил тебя. Увы, я не понимаю, чем и как, поэтому не могу помочь. Не знаю, что за ловушку он оставил в своём доме? Я не ожидал такого, мне очень жаль. Если ты немного отдохнёшь здесь, чтобы прийти в себя, с тобой не успеет случиться ничего непоправимого. Или я перенесу тебя изнанкой сна — скажи, куда?

Нав плавно, осторожно распрямил спину, развернул поникшие плечи, поднял голову, глубоко вздохнул и медленно выдохнул... В глазах чуточку прояснело, но связных мыслей не прибавилось.

— Латира, верни меня в дом Иули.

— Ты уверен?

— Да, пожалуйста. Верни меня туда, откуда взял.

Свернуться клубком на каменном полу, в тишине и темноте... Нав мог материализовать подстилку, даже кровать или кресло — магической энергии хватило бы. Но холодный и жёсткий камень помогал держаться за действительность, пока в мозгу мельтешат клочки мыслей и обрывки из памяти Теней.

Обрывки? Да как же! Сами Тени здесь: живая клубящаяся Тьма. Блудный Иули не зачаровывал против них стены своего жилища, и здесь им такой же дом, как в логове Онги, лишь алтаря недостаёт. Не осталось бродячих алтарей, и не надо. Тени льнут к своему Повелителю, какие бы песни он ни пел, сколько бы ни отказывался от их силы. Не желает силы — пусть возьмёт память. Зачем ему слушать сказки охотников, предания мудрых? Тени покажут Повелителю, как всё было на самом деле: как жили, ворожили, умирали прежние плетельщики судеб. Даже изнутри: как они сознавали свой дар, как учились им пользоваться...

Неизвестно, сколько часов или дней минуло. Тело заледенело и затекло, под боком твёрдый камень — голкья. Одно слово для мира и плоти мира, где подбитый геомант нашёл временное пристанище, и откуда ему надо бы поскорее уносить ноги. Он до боли зажмурил глаза, отбрасывая наведённые ощущения и образы чужих жизней, вглядываясь в сияющую паутинку под закрытыми веками. А узор-то как гармоничен, кто бы подумал! Менять, переплетать его — только портить. Да слабины-то не сыщешь, чтобы менять. Хороша вышла «золотая клетка» для редкой зверушки, для плетельщика судьбы, для живой вундервафли — нава-геоманта. Латира не врал — не знал, щуры не ведали, сама такая выросла, сплелась, всё одно к одному, письмо Иули — последней каплей, замковым камнем, завершающим

шприхом. Лучшим поводом, чтобы навсегда закрыть за собою дверь, замуровать и забыть: своё прежнее лицо в зеркале, навов и Навь, Тайный Город, Землю...

Да здравствует чёрный оборотень Нимрин?

Нет, нав Ромига всё-таки видит лазейку для себя! Догадывается, как изгладить из действительности след проклятого письма, увести его в небыль и выкинуть из головы. Тогда будет не страшно идти домой. Останется прежняя задача — найти дорогу. Но возвращаться не страшно, и никакой долг не воспрепятствует.

Из холода бросило в жар и обратно. Живая вундервафля, чудо-оружие — это не про Голкья, это про геоманта в Тайном Городе. Ромиге ли не знать, как Тёмный Двор прикармливает полезные диковины любых генстатусов, а кого не удаётся прибрать к рукам, тех безжалостно уничтожает? То же и все Великие Дома. Нава-геоманта комиссар Сантьяга побережёт, придержит в рукаве подольше других козырей, но рано или поздно разменяет... Ну и что в этом нового для гарки, война Тёмного Двора, чья жизнь ценится дорого, но не дороже блага Нави?

Ромига встряхнулся и сел под стеной, обхватив колени. Откуда дурацкая нутряная убеждённость, будто геомант служит чему-то большему, нежели один Великий Дом? Будто размениваться на меньшее для плетельщика судьбы — беззаконие? Что за ерунду насочиняли голки про особый долг перед миром, перед мирами? Хотя, так-то вычитанное Ромигой в библиотеке Цитадели не противоречит ничему из памяти Теней. Дар один и тот же, работает примерно одинаково. И работает тем заметнее для обладателя дара и окружающих, чем хуже дела у мира как целого.

На Голкья у Ромиги получилось особенно наглядно. Наритьяры долго нарушали устоявшееся социальное равновесие, незаконно возвышая свой клан в ущерб соседям. Этот кризис голки могли бы разрешить, опыт борьбы с выскочками у мудрых имеется. Но Наритьяра Старший отчаянно интриговал, а Наритьяра Средний начал ломать уже не социум охотников — природно-магические циклы, стабилизирующие, помимо прочего, планетарную орбиту. Мудрые, ослабленные смутой, рисковали не справиться. Да ещё Онге с Пращуром не лежалось спокойно на алтарях... Ромигу занесло в гущу событий, он реагировал по ситуации, вслепую, наугад. Лишь оглядываясь назад, он видит: траектория движения вышла на удивление красивая. И чтобы аккуратно закруглиться, ему осталось выполнить обещание, которое он дал Альдире. Тени, раз уж снова явились и налипли, помогут ему в этом. Так он поскорее развяжется с Голкья и займётся проклятым наследством Иули.

«Голос Щуров, мы не договорили...»

— Да, Нимрин. Рад видеть тебя во здравии.

— Латира, я кое-что прикинул. У меня есть предложение для тех, кто говорит через тебя. Кто из Одиннадцати до сих пор хранит сны Голкья?

— Все Одиннадцать среди нас.

— Кто из Одиннадцати имеет, что сказать нынешнему Совету мудрых? Кто ещё из вас желает возратить живым забытое и утраченное во время бедствий и смут?

— Многие желали бы. Но хранители снов разучились говорить с живыми. Они чувствуют иначе, думают иначе, плохо помнят себя прежних.

— А если я верну им, каждому, память его Тени? Если на время предоставлю им свой голос? Они будут говорить?

— Нимрин, ты, правда, готов стать проводником? Ты выдержишь?

— Надеюсь, да. Так правильнее... Ярче и быстрее, чем пересказывать мудрым сказки Теней. Я стану проводником. Только ты, Латира, проследи, чтобы никто из вас не забрал у меня больше, чем я отдаю. Ты сможешь за этим проследить?

— С помощью Альдиры мы справимся. Подумаем вместе, как облегчить твою ношу.

— Хорошо. Давайте, отработаем всё, прежде чем являться Совету...

Нимрин где-то запропал, и мысли о нём всё тревожнее.

Каково же было Вильярино удивление, когда на десятое утро, проснувшись в логове, она обнаружила его у себя под боком, мирно спящего! Первое, что отметила знахаркина дочь: он выздоровел. На вид не изменился, только исхудал, сильнее обычного. Та же тощая, незащитно голая шея, узкие брови, острые черты... Обмирая от щемящей нежности и печали, Вильяра легонько, едва ощутимо коснулась его губ своими. Он ответил на поцелуй с холодноватой, ленивой зимней лаской, сквозь сон. И тут же текучим движением уклонился от возможных объятий, сел на лежанке, моргая и протирая глаза.

— Здравствуй, Вильяра. Я рад, что твои привычки совсем-совсем не меняются.

— А я была бы рада, если б ты изменил свой облик. Хотя ты мне мил и таким.

Зря она это сказала. Нимрин и поначалу-то не выглядел счастливым-довольным, а после её слов напрягся и закрылся.

— Нимрин, ты хочешь есть?

— Спрашиваешь!

У мудрой с вечера томился в очаге горшок с тушёным мясом и сытью. Рассчитывала хорошенько подкрепиться перед очередным днём, полным забот, но досталось ей совсем чуть-чуть, в основном — сыти. Нимрин только не урчал над едой, как голодный зверь, и она велела ему есть, сколько требует брюхо. Он жрал молча, угрюмо, потом резко отставил горшок.

— Мне б ещё пару раз по столько, но не оставлю же я тебя совсем без завтрака?

— Спасибо, Ромига.

Услышав своё настоящее имя, он вздрогнул, поморщился. Еле заметно, но с чего бы вдруг? Прежде бывал рад.

— Вильяра, у тебя есть, из чего по-быстрому приготовить ещё еды? Давай, поедим, да сразу в Пещеру Совета. Я уже договорился с Альдирой. Хочу поскорее вручить вам наследие Теней и покинуть Голкья.

— Нимрин, куда ты так спешишь?

Он скривил рот:

— Не куда, а откуда и зачем.

— Нимрин, что с тобой случилось? Я могу тебе помочь?

— Нет.

Похоже, любые расспросы бесполезны. Вильяре остаётся гадать, что произошло с Нимрином в круге, или где он бродил девять дней? Нет, не расскажет, хоть ты лопни от любопытства!

Зала Совета гудела и шумела, словно кричавкино гнездовье. Альдира срочно оторвал всех от дел и собрал здесь своим непререкаемым велением. Впрочем, Нимрина со сказками

Теней мудрые ждали уже давно и слетелись, как те же кричавки. Вильяра ни разу не видела одновременно столько братьев и сестёр по служению. Теперь потихоньку выпрашивала у Стиры имена незнакомцев.

Альдира поднял руки, призывая к тишине — галдёж утих. Временный глава Совета приветствовал собравшихся. Велел слушать и запоминать услышанное — снял чары невидимости со стоящего рядом Нимрина. Сам присел на расстеленную на полу шкуру.

Волна шума, снова тишина. Чужак приветствовал мудрых строго по обычаю, поклонился на все четыре стороны... Миг, вздох, и на возвышении вместо чужака стоит Первый из Одиннадцати, Кана Мункара! Так внезапно, что Вильяра вздрогнула, но тут же сообразила: Нимрин наложил на себя чары личины, это не сложно. Иные сказители-лицедеи так умеют, и через много поколений они пронесли черты древнего колдуна... Или Нимрин воссоздал его в точности, как помнят Тени? От лицедея ждали размеренного, напевного сказительского слога, но древний исподлобья зыркнул на почтенное собрание и заговорил резко, хлётко, жёстко, как наставник с учениками.

Какую-то часть этого Вильяра уже однажды слышала. Но тогда покалеченный Нимрин не утруждал себя лицедейством, просто рассказывал. А сейчас он будто в самом деле привёл древнего колдуна со щуровых троп или призвал его Тень. Даром, что не ворожит сейчас, кроме личины. Ошеломлённые мудрые внимают, Альдира довольно щурится...

После Каны Мункары Нимрин «дал слово» двум его ближайшим сподвижникам: Алиме Ванраре и Руне Разумнице. Их он тоже явил, будто живых, и мудрые слушали, затаив дыхание. Начали уставать, поплыли вниманием — сразу же закруглился. Сбросил личину, присел рядом с Альдирой, тот встал и объявил перерыв.

Вильяра хотела, было, подойти к наставнику, к Нимрину, к ним обоим. Но Альдира окружил центральное возвышение сплошным щитом. Говорить сквозь прозрачную преграду можно, пройти нельзя. Бросить камень, нож или заклятье — тоже никак. Кто-то из молодых островитян вслух возмущается дурацкими предосторожностями, другие мудрые попросту толпятся и глазают на чужака, пока он выглядит самим собой. Кто-то обсуждает узор на его куртке, Вильярино рукоделие... А Нимрин сидит на шкуре, скрестив ноги, ни на кого не смотрит, никого не слушает — глядит в себя. Лицо застыло, будто вылеплено из снега, веки полуопущены, губы плотно сжаты. Вильяре видится в его сосредоточенности нечто жуткое. Нет, она не ощущает угрозы ни себе, ни присутствующим, ни всей Голкья. А будто в нём самом что-то мучительно рвётся, и он удерживает себя целым из последних сил.

Семь дней древние колдуны говорили устами лицедея Иули, а по вечерам он возвращался в логово, ужинал за троих и молча ложился спать. Среди ночи, порою, исчезал на изнанке сна, и Вильяре не удавалось проследить его путь. Вряд ли сам он так ловко заметал следы, скорее, щуры хранили его тайны. К утру являлся обратно, завтракал тоже за троих и снова шёл к мудрым.

На вопрос Рыньи, чего он такой смурной, ответил: мол, до краёв полон чужой памятью и опасается расплескать её, не донеся до Пещеры Совета. Рыньи такой ответ удовлетворил, Вильяру — нет. Чувяла она что-то неладное, будто в углу кладовой сдохла шныряйка...

А на восьмую ночь Нимрин исчез и не вернулся.

Больше книг на сайте - Knigoed.net